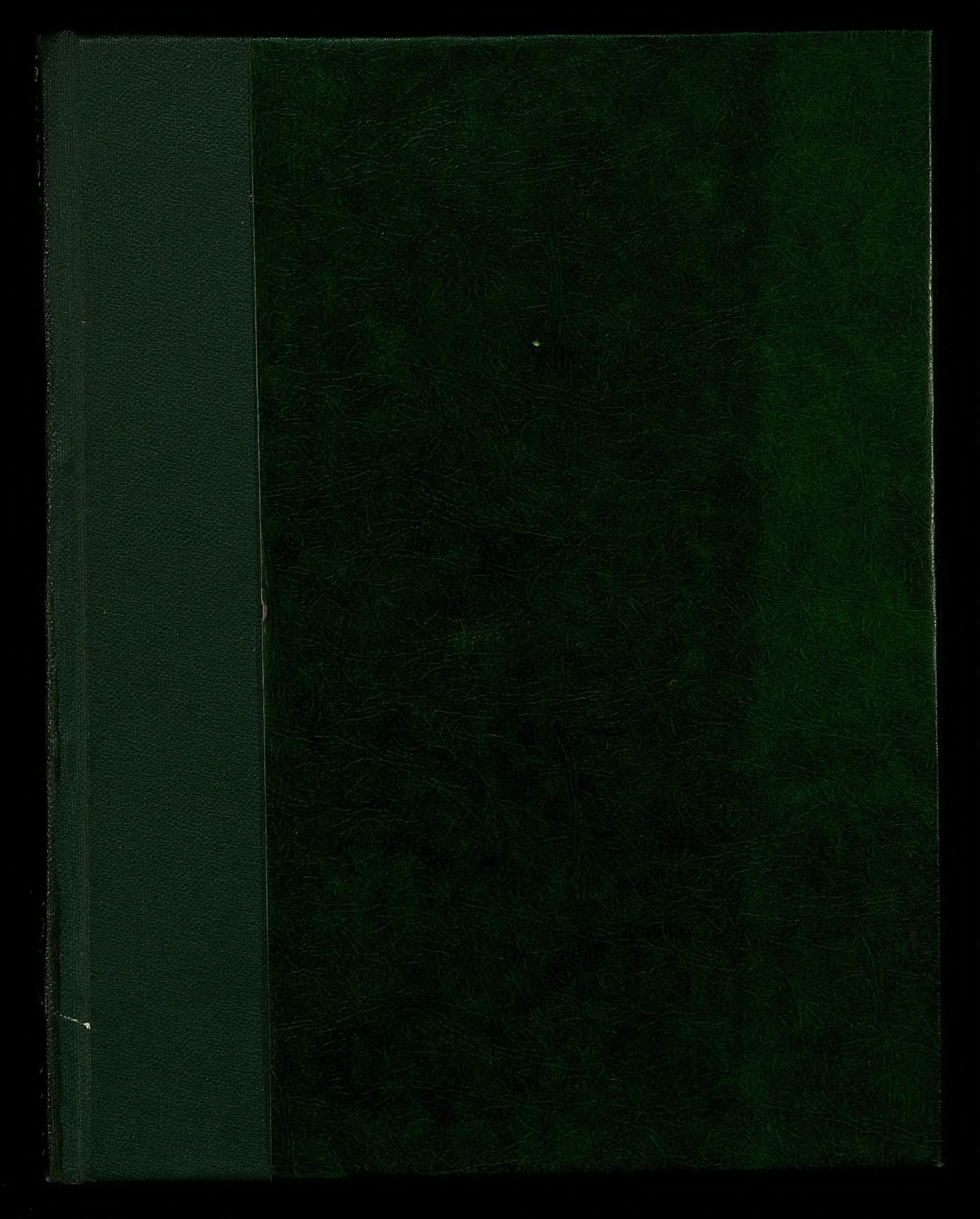
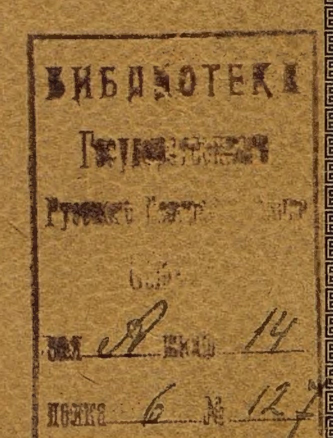

Н. М. КАРАМЗИНЪ.

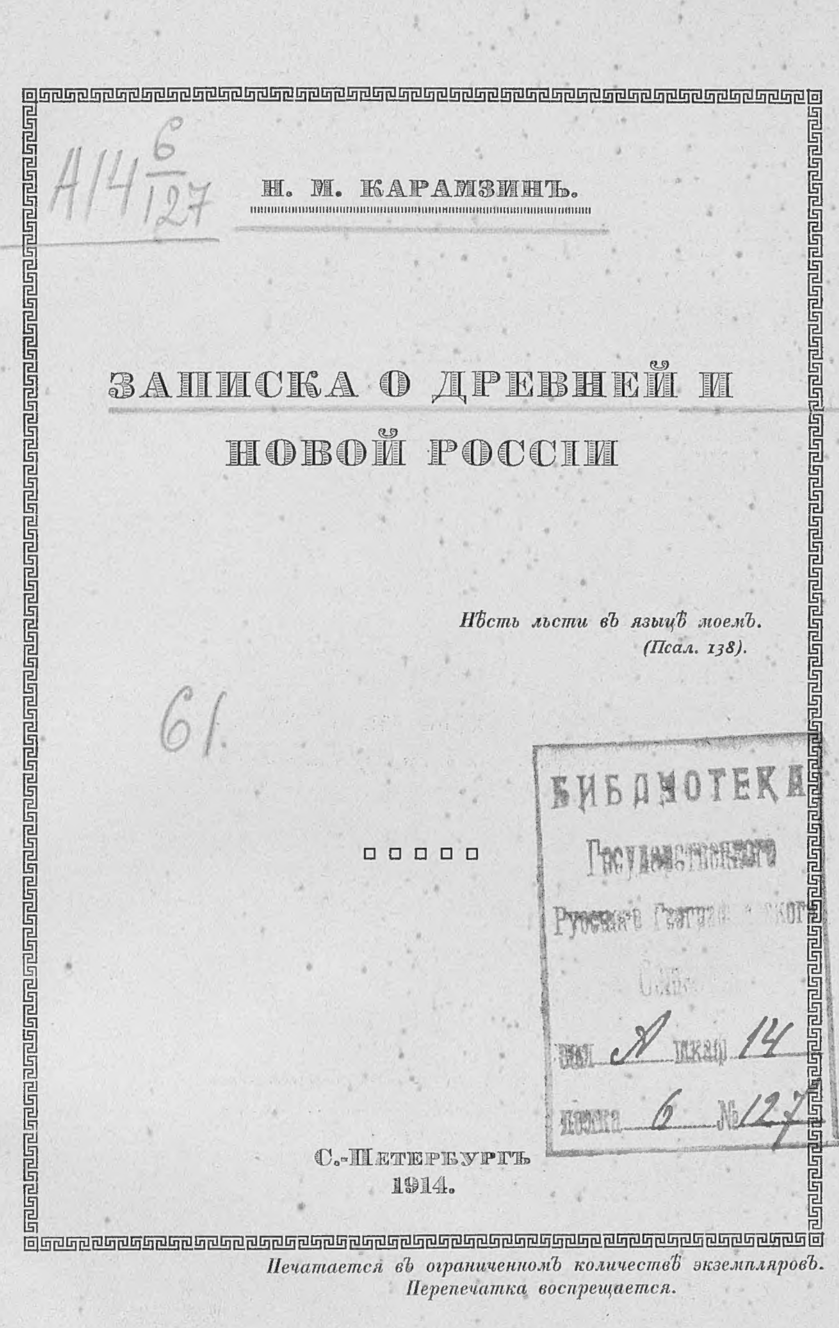
ЗАПИСКА О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССІИ

Нѣсть льсти въ языцѣ моемъ.
(Псал. 138).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914.

Печатается въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ.

Н. М. КАРАМЗИНЪ.

ЗАПИСКА О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССІИ

Нѣсть льсти въ языцѣ моемъ.
(Псал. 138).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914.

Изданіе графини М. Н. Толстой.
Редакція проф. В. В. Сиповскаго.

Фототипія и типографія А. Ф. Дресслера
Б. Подъяческая, 22

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЫ.

«Записка о Древней и Новой Россіи» была сочинена Н. М. Карамзинымъ по просьбѣ Великой Княгини Екатерины Павловны. Николай Михайловичъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Тверь по приглашенію Великой Княгини, жившей въ то время тамъ со своимъ супругомъ Принцемъ Ольденбургскимъ. Однажды, въ 1810 г., разговоръ между Карамзинымъ и Великой Княгиней зашелъ о состояніи Россіи и о новыхъ Государственныхъ мѣрахъ, которыя предпринимало тогда Правительство. Карамзинъ не одобрялъ этихъ мѣръ. Великая Княгиня, заинтересованная его мыслями, просила изложить ихъ письменно. «Братъ мой», говорила она,—«достоинъ ихъ слышать».

Въ своихъ письмахъ къ Карамзину отъ 14-го Декабря 1810 года и 5-го Января 1811 года она дважды напоминаетъ ему о своей просьбѣ: «Жду съ нетерпѣніемъ *Россію въ ея гражданскомъ и политическомъ отношеніи*», и въ другомъ письмѣ: «съ нетерпѣніемъ жду Васъ и *Россію*».

Выполняя желаніе Великой Княгини, Карамзинъ сочинилъ свою «Записку» для подачи ея Государю, что

видно изъ словъ, ее заключающихъ: «Любя отечество, любя Монарха, я говорилъ искренно. Возвращаюсь къ безмолвію вѣрноподданнаго, съ сердцемъ чистымъ, моля Всевышняго, да блюдетъ Царя и Царство Россійское». Онъ писалъ свою «Записку», конечно, не ради одной критики, а изъ любви къ родинѣ, перестрадавъ, такъ сказать, каждое свое слово, обличавшее ошибки любимаго имъ Александра. Никто даже изъ самыхъ близкихъ его друзей не зналъ объ ней. «Записка» найдена была случайно въ 1836-мъ году, много лѣтъ послѣ смерти Александра и Карамзина.

Въ Февралѣ 1811 г. онъ привезъ свою работу въ Тверь, къ Великой Княгинѣ. Послѣ окончанія чтенія она взяла «Записку» къ себѣ.

Въ Мартѣ Великая Княгиня, ожидавшая пріѣзда Государя въ Тверь, пригласила и Карамзина пріѣхать къ ней и привезти первые томы своей Исторіи для прочтенія Государю. Вотъ, какъ Карамзинъ описываетъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву послѣдній вечеръ, проведенный въ обществѣ Государя: «Вчера (т. е. 19 Марта) въ послѣдній разъ имѣлъ счастіе обѣдать съ Государемъ. Онъ уѣхалъ ночью. Сверхъ четырехъ обѣдовъ я съ женою былъ два раза у него во внутреннихъ комнатахъ (т. е. 16 и 17 числа), а въ третій — при Великой Княгинѣ и Принцѣ — читалъ ему свою Исторію далѣ двухъ часовъ, послѣ чего говорилъ съ нимъ немало, и о чемъ же?—о самодержавіи!.. Я не имѣлъ

счастія быть согласенъ съ нѣкоторыми его мыслями (Карамзинъ былъ за самодержавіе, Государь—противъ), но искренно удивлялся его разуму и скромному краснорѣчію. Сердце мое всегда влеклось къ нему, ибо угадывало и чувствовало доброту сего рѣдкаго Монарха: теперь люблю, уважаю его по внутреннему удостовѣренію въ красотѣ его души. Дай Богъ, чтобы онъ былъ счастливъ счастіемъ Россіи! Прощаясь съ нами, онъ вторично звалъ насъ въ Петербургъ и примолвилъ, что мы не имѣемъ нужды въ наемномъ домѣ,—что дворецъ Аничковскій довольно великъ, что Великая Княгиня, безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ помѣститъ насъ въ своемъ домѣ. Чувствую всю цѣну его милости. Скажи ему, любезнѣйшій другъ, при случаѣ, что я и по правиламъ, и по сердцу, преданъ навѣки Монарху, столь рѣдкому изящными качествами души. Послѣднія слова его были: «что приказываешь къ Ивану Ивановичу?». Великая Княгиня хотѣла даже, чтобы я далъ Государю письмо къ тебѣ. «На это есть почта», сказалъ я съ низкимъ поклономъ. Пусть другіе забываются,—мое дѣло помнить, что есть Государь и что подданный!.. Исторію мою слушалъ онъ съ непритворнымъ вниманіемъ, удовольствіемъ; никакъ не хотѣлъ прекратить нашего чтенія. Наконецъ, послѣ разговора, взглянувъ на часы, спросилъ у Великой Княгини: «угадайте время: двѣнадцатый часъ!». Однимъ словомъ, я долженъ быть совсѣмъ доволенъ».

Это письмо, посланное по почтѣ къ Дмитріеву, было, такъ сказать, оффиціальное, но самъ Дмитріевъ, Гр. Блудовъ, Кн. Вяземскій свидѣтельствовали, что Государь, сначала благосклонный и милостивый, въ послѣдній день показалъ Карамзину свое неудовольствіе. К. С. Сербиновичъ записалъ со словъ Гр. Блудова: «На другой день послѣ чтенія, въ день отъѣзда, Карамзинъ съ великимъ удивленіемъ замѣтилъ, что Государь былъ совершенно холоденъ къ нему и, прощаясь со всѣми, взглянулъ на него издали равнодушно» *).

Ясно, что источникомъ охлажденія была «Записка о Древней и Новой Россіи», которую Великая Княгиня передала, вѣроятно, Государю вечеромъ, наканунѣ его отъѣзда, послѣ чтенія Исторіи и разговора о самодержавіи. Повидимому, Великая Княгиня хотѣла, чтобы братъ ея познакомился сперва съ Карамзинымъ и очаровался имъ, какъ очарована была она. И сначала все шло согласно ея желанію. Государь принялъ Карамзина съ отмѣннымъ благоволеніемъ. Когда ей показалось удобнымъ передать Записку, она вручила ее Государю на прощанье, передъ сномъ.

*) Быть можетъ, приведенное письмо Карамзина къ Дмитріеву было написано и отправлено *почью*, сейчасъ же послѣ бесѣды съ Государемъ. Государь же, хотѣвшій уѣхать почью («онъ уѣхалъ почью»,—слова Карамзина), послѣ ухода Карамзина сталъ читать его «Записку» и отложилъ свой отъѣздъ.

(Примѣч. редактора).

Государь сейчасъ же ознакомился съ содержаніемъ «Записки», и, очевидно, она стала причиной той холодности, которая поразила Карамзина при ихъ прощаніи, послѣ четырехъ дней отмѣнно-милостиваго обращенья съ нимъ.

Оставляя Тверь, Карамзинъ попросилъ Великую Княгиню вернуть ему его «Записку». «Записка ваша теперь въ хорошихъ рукахъ»,—отвѣчала она.

Несомнѣнно, что Государь разгнѣвался на Карамзина. Рѣдко, кто умѣетъ спокойно, безъ раздраженія, выслушивать горькую истину,—тѣмъ труднѣе ее выслушивать было тому, кто стоялъ на той высотѣ, какъ Александръ I,—кумиръ своей семьи и всей Россіи! Далеко не всякій умѣетъ прощать строгихъ критиковъ того, что кажется дорогимъ. Александръ въ этомъ случаѣ доказалъ рѣдкое великодушіе и доброту, когда впослѣдствіи немилость свою къ Карамзину снова смѣнилъ исключительною милостью къ нему.

Прошло пять лѣтъ, и въ 1816-мъ году Карамзинъ писалъ своей женѣ: «Вчера въ 5 ч. вечера пришелъ я къ Государю. Онъ не заставилъ меня ждать ни минуты: встрѣтилъ ласково, обнялъ и провелъ со мною часъ сорокъ минутъ въ разговорѣ искренномъ, милостивомъ, прекрасномъ... Воображай, что хочешь, не вообразишь всей его любезности, привѣтливости». Съ этого времени уже до самой смерти Александра эти отношенія его къ Карамзину не измѣнились, даже и

тогда, когда въ 1816 году, послѣ бесѣды съ Государемъ о Польшѣ, которую онъ хотѣлъ возстановить въ ея прежнихъ границахъ, Карамзинъ написалъ свою знаменитую «Записку о Польшѣ», «мнѣніе Русскаго Гражданина». Что переживалъ Карамзинъ во время этого разговора, видно изъ слѣдующихъ словъ, приписанныхъ его рукою: «Читано Государю въ тотъ же вечеръ, Я пилъ у него чай въ кабинетѣ, и мы пробыли вмѣстѣ, съ глазу на глазъ, пять часовъ, отъ осьми до часу за полночь. На другой день я у него обѣдалъ, обѣдалъ еще въ Петербургѣ... Но мы душею разстались, кажется навѣки... Потомство, достоинъ ли я былъ имени Гражданина Россійскаго? Любилъ ли Отечество? Вѣрилъ ли добродѣтели? Вѣрилъ ли Богу?»...

И этотъ разговоръ съ Царемъ, и «Записка о Польшѣ» тоже остались для современниковъ тайной. Въ концѣ приписки сказано: «я не измѣнилъ скромности, — не сказалъ никому ни слова о нашемъ разговорѣ съ Александромъ, кромѣ вѣрной жены моей, съ которой я жилъ въ одну мысль, въ одно чувство».

Карамзинъ, испытавъ еще недавно всю тяжесть пятилѣтней Царской опалы, опять безстрашно предрекаетъ Государю осужденіе современной и будущей Россіи, вполнѣ сознавая, что ему угрожалъ полный разрывъ почти дружескихъ отношеній къ нему Государя. На дѣлѣ вышло иначе, и привязанность Александра и его довѣріе къ Карамзину съ этого времени еще болѣе

возрасли. Слѣдующая приписка къ «Бумагамъ для моихъ сыновей», сдѣланная уже послѣ смерти Александра, служитъ лучшимъ доказательствомъ неизмѣнной привязанности Царя къ Карамзину и горячей, безпристрастной любви къ Александру одного изъ вѣрнѣйшихъ его подданныхъ.

«Я ошибся: благоволеніе Александра ко мнѣ не измѣнилось, и въ теченіе шести лѣтъ (отъ 1819 до 1825 года) мы имѣли съ Нимъ нѣсколько подобныхъ бесѣдъ о разныхъ важныхъ предметахъ. Я всегда былъ чистосердеченъ,—Онъ всегда терпѣливъ, кротокъ, любезенъ неизъяснимо; не требовалъ моихъ совѣтовъ, однакожъ слушалъ ихъ, хотя имъ, большею частью, и не слѣдовалъ, такъ, что нынѣ, вмѣстѣ съ Россіею оплакивая кончину Его, не могу утѣшать себя мыслію о десятилѣтней милости и довѣренности ко мнѣ столь знаменитаго Вѣнценосца: ибо эти милость и довѣренность остались безплодны для любезнаго Отечества. Правда, Россія удержала свои Польскія области; но болѣе счастливыя обстоятельства, нежели мои слезныя убѣжденія спасли Александра отъ дѣла, равно бѣдственнаго и несправедливаго: по крайней мѣрѣ, такъ сказалъ Онъ мнѣ въ Ноябрѣ 1824 года. Я не безмолвствовалъ о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой Государственной системѣ Финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о Министерствѣ Просвѣщенія, или

затменія, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россію,—о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа,—наконецъ, о необходимости имѣть твердые законы, гражданскіе и государственные. Въ послѣдней моей бесѣдѣ съ Нимъ 28 Августа, отъ 8 до 11½ часовъ вечера, я сказалъ Ему, какъ пророкъ: «Sire, Vos années sont comptées, Vous n'avez plus rien à remettre, et Vous avez encore tant de choses à faire pour que la fin de Votre régne soit digne de son beau commencement». Движеніемъ головы и милою улыбкою Онъ изъявилъ согласіе; прибавилъ и словами, что непремѣнно все сдѣлаетъ: дастъ коренные законы Россіи. Если не я, то другіе увидятъ скоро, для чего Богъ внезапно отнялъ Александра у Россіи. Мнѣ хочется болѣе плакать, нежели писать объ Немъ... Я любилъ Его искренно и нѣжно, иногда негодовалъ, досадовалъ на Монарха, и все любилъ человѣка, красу человѣчества своимъ великодушіемъ, милосердіемъ, незлобіемъ рѣдкимъ... Не боюсь встрѣтиться съ Нимъ на томъ свѣтѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣря Богу и добродѣтели»...

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Впервые «Записка о древней и новой Россіи» была напечатана заграницей (Берлинъ, 1861 г.), но весьма небрежно и, повидимому, съ неисправнаго списка, почему въ печатномъ текстѣ встрѣчается много ошибокъ, иногда искажающихъ смыслъ; въ этомъ заграничномъ изданіи встрѣчаются: 1) пропуски словъ, даже цѣлыхъ предложеній *),—2) замѣна одного слова другимъ **),—3) перестановка словъ.

Затѣмъ «Записка» была напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» (1870 г., 71 ч. 2231—2350 стр.), но изъ журнала была вырѣзана и уничтожена.

---

*) Напр., стр. 106 пропущено: «не ахать»; стр. 101—«Европейскихъ»; стр. 93—«поля необработанными, многія...», стр. 76—«и выходятъ»: стр. 54—«умы легкіе не затрудняются»; стр. 83—«въ Университетахъ» и мн. др.

**) Привожу, для примѣра, нѣсколько наиболѣе яркихъ искаженій: стр. 36 напечатано: «Исторіи» вм. «Испаніи»; 30 стр.—«права» вм. «нравы»; 30 стр.—«цѣли» вм. «цѣны»; стр. 28—«Имперію» вм. «исторію»; 20 стр.—«участія» вм. «ученія»; 20 стр.—«сродникъ» вм. «угодникъ»; 64 стр.—«Швецію» вм. «Шлезію»; стр. 66—«рабскими» вм. «робкими»; стр. 4—«dentium» вм. «gentium»; стр. 12—«распоряженіе» вм. «расположеніе»; стр. 67—«размышленіе» вм. «разсмотрѣніе» и мн. др.

Акад. А. Н. Пыпинъ въ приложеніи ко 2-му изданію (и слѣд.) своего труда: «Общественныя движенія въ Россіи при Александрѣ I» перепечаталъ текстъ «Записки» по неизвѣстному мнѣ списку.

Въ 1911-мъ году исполнилось сто лѣтъ съ того года, когда Н. М. Карамзинъ поднесъ свою «Записку» Государю Императору Александру I во время пребыванія его въ Твери. Съ 1911 года прошло уже три года, и до сихъ поръ нѣтъ отдѣльнаго изданія этого, въ высокой степени цѣннаго, историческаго документа, краспорѣчиво характеризующаго русскія общественныя настроенія наканунѣ грозы 1812 года.

Правнучка Н. М. Карамзина, графиня М. Н. Толстая, любезно пришла на помощь мнѣ въ моихъ поискахъ оригинала «Записки»; благодаря ея содѣйствію, мнѣ удалось отыскать въ Собственной Его Императорскаго Величества Библіотекѣ хорошую копію «Записки». Эта копія помогла возстановить текстъ и разобраться во всѣхъ непонятныхъ мѣстахъ заграничнаго изданія этого сочиненія.

Оригинала «Записки», къ сожалѣнію, до сихъ поръ найти мнѣ нигдѣ не удалось: онъ или сгорѣлъ съ другими бумагами Великой Княгини Екатерины Павловны во время пожара Аничкова Дворца въ 1812-мъ году,—или, что менѣе вѣроятно, увезенъ былъ послѣ ея бракосочетанія съ герцогомъ Вюртембергскимъ ею въ Штуттгардтъ, гдѣ и хра-

нится, быть можетъ, въ одномъ изъ тамошнихъ архивовъ.

Если рукопись «Записки», принадлежащая Собственной Его Величества библіотекѣ, и позволяетъ возстановить текстъ, то нельзя признать ее исправной въ отношеніи орѳографіи. Вотъ почему, имѣя въ своемъ распоряженіи не оригиналъ, а списокъ, сдѣланный писарской рукой, я позволилъ себѣ при печатаніи текста нѣкоторую свободу: пунктуацію я ввелъ новую, внесъ нѣкоторое единообразіе въ правописаніе: напр., уничтожилъ рѣдкіе случаи употребленія въ рукописи окончанія твор. падежа ед. ч. словъ женскаго рода на—*ью* и замѣнилъ вездѣ обычнымъ карамзинскимъ—*ію*; ввелъ болѣе единообразное употребленіе прописныхъ буквъ; ввелъ вездѣ слитное написаніе словъ: «чтобы», «донынѣ», «вслѣдствіе», и внесъ нѣсколько существенныхъ поправокъ въ текстъ по собственному разумѣнію *).

---

*) Напр., на стр. 39 вмѣсто: «Государь терпитъ»—я напечаталъ: «Государь *не* терпитъ»; стр. 25: «сказали» замѣнилъ—«сказалъ»; 18 стр.: «погибло» замѣнилъ—«погибало»; 50 стр. вмѣсто: «не могло ничего не бояться» — «могло ничего не бояться»; 67 стр. «восходящій указъ» замѣнилъ—«выходящій указъ»; 81 стр. «также» замѣнилъ «такъ же»; стр. 110 «Мы всѣ—такъ! всѣ любящіе Россію... ненавидимъ!» замѣнилъ: «и мы всѣ, всѣ любящіе..., такъ ненавидимъ!..»

Считаю своимъ долгомъ принести свою благодарность гофмейстеру Двора Его Величества В. В. Щеглову, завѣдующему библіотекой Его Императорскаго Величества и его помощникамъ за любезное отношеніе ко мнѣ во время моихъ занятій въ библіотекѣ.

ЗАПИСКА О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССІИ.

Настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго. Чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее; одно другимъ, такъ сказать, дополняется и въ связи представляется мыслямъ яснѣе.

Отъ моря Каспійскаго до Балтійскаго, отъ Чернаго до Ледовитаго, за тысячу лѣтъ предъ симъ жили народы кочевые, звѣроловные и земледѣльческіе, среди обширныхъ пустынь, извѣстныхъ Грекамъ и Римлянамъ болѣе по сказкамъ баснословія, нежели по вѣрнымъ описаніямъ очевидцевъ. Провидѣнію угодно было составить изъ сихъ разнородныхъ племенъ обширнѣйшее Государство въ мірѣ.

Римъ, нѣкогда сильный доблестію, ослабѣлъ въ нѣгѣ и палъ, сокрушенный мышцею варваровъ Сѣверныхъ. Началось новое твореніе: явились новые народы, новые нравы, и Европа воспріяла новый образъ, донынѣ ею сохраненный въ главныхъ чертахъ ея бытія политическаго. Однимъ словомъ, на развалинахъ владычества Римскаго основалось въ Европѣ владычество народовъ Германскихъ.

Въ сію новую, общую систему вошла и Россія. Скандинавія, гнѣздо Витязей безпокойныхъ—officina

1

gentium, vagina nationum—дала нашему отечеству первыхъ Государей, добровольно принятыхъ Славянскими и Чудскими племенами, обитавшими на берегахъ Ильменя, Бѣла-озера и рѣки Великой. «Идите,—сказали имъ Чудь и Славяне, наскучивъ своими внутренними междоусобіями,—идите княжить и властвовать надъ нами. Земля наша обильна и велика, но порядка въ ней не видимъ». Сіе случилось въ 862 году, а въ концѣ X в. Европейская Россія была уже не менѣе нынѣшней, то есть, во сто лѣтъ, она достигла отъ колыбели до величія рѣдкаго. Въ 964 г. Россіяне, какъ наемники Грековъ, сражались въ Сициліи съ Аравитянами, а послѣ въ окрестностяхъ Вавилона.

Что произвело феноменъ столь удивительный въ Исторіи? Пылкая, романическая страсть нашихъ первыхъ Князей къ завоеваніямъ, и единовластіе, ими основанное на развалинахъ множества слабыхъ, несогласныхъ Державъ народныхъ, изъ коихъ составилась Россія. Рюрикъ, Олегъ, Святославъ, Владиміръ не давали образумиться Гражданамъ въ быстромъ теченіи побѣдъ, въ непрестанномъ шумѣ воинскихъ становъ, платя имъ славою и добычею за утрату прежней вольности, бѣдной и мятежной.

Въ XI в. Государство Россійское могло, какъ бодрый, пылкій юноша, обѣщать себѣ долголѣтіе и славную дѣятельность. Монархи его въ твердой рукѣ своей держали судьбы милліоновъ, озаренные блескомъ побѣдъ,

окруженные воинственною, благородною дружиною, казались народу полубогами, судили и рядили землю, мановеніемъ воздвигали рать и движеніемъ перста указывали ей путь къ Воспору Ѳракійскому, или къ горамъ Карпатскимъ. Въ счастливомъ отдохновеніи мира, Государь пировалъ съ Вельможами и народомъ, какъ Отецъ среди семейства многочисленнаго. Пустыни украсились городами, города—избранными жителями; свирѣпость дикихъ нравовъ смягчилась Вѣрою Христіанскою; на берегахъ Днѣпра и Волхова явились искусства Византійскія. Ярославъ далъ народу свитокъ законовъ гражданскихъ, простыхъ и мудрыхъ, согласныхъ съ древними Нѣмецкими. Однимъ словомъ, Россія не только была обширнымъ, но, въ сравненіи съ другими, и самымъ образованнымъ Государствомъ.

Къ несчастію, она въ сей бодрой юности не предохранила себя отъ Государственной общей язвы тогдашняго времени, которую народы Германскіе сообщили Европѣ: говорю о системѣ удѣльной. Счастіе и характеръ Владиміра, счастіе и характеръ Ярослава могли только отсрочить паденіе Державы, основанной единовластіемъ на завоеваніяхъ. Россія раздѣлилась.

Вмѣстѣ съ причиною ея могущества, столь необходимаго для благоденствія, исчезло и могущество, и благоденствіе народа. Открылось жалкое междоусобіе малодушныхъ Князей, которые, забывъ славу, пользу Отечества, рѣзали другъ друга и губили народъ, чтобы

прибавить какой нибудь ничтожный городокъ къ своему удѣлу. Греція, Венгрія, Польша отдохнули: зрѣлище нашего внутренняго бѣдствія служило имъ поручительствомъ въ ихъ безопасности. Дотолѣ боялись Россіянъ,—начали презирать ихъ. Тщетно нѣкоторые Князья великодушные — Мономахъ, Василько — говорили именемъ Отечества на торжественныхъ съѣздахъ; тщетно другіе—Боголюбскій, Всеволодъ III—старались присвоить себѣ единовластіе: покушенія были слабы, недружны, и Россія въ теченіе двухъ вѣковъ терзала собственныя нѣдра, пила слезы и кровь собственную.

Открылось и другое зло, не менѣе гибельное. Народъ утратилъ почтеніе къ Князьямъ: Владѣтель Торопца, или Гомеля, могъ ли казаться ему столь важнымъ смертнымъ, какъ Монархъ всей Россіи? Народъ охладѣлъ въ усердіи къ Князьямъ, видя, что они, для ничтожныхъ, личныхъ выгодъ, жертвуютъ его кровію, и равнодушно смотрѣлъ на паденіе ихъ троновъ, готовый всегда взять сторону счастливѣйшаго, или измѣнить ему вмѣстѣ съ счастіемъ; а Князья, уже не имѣя ни довѣренности, ни любви къ народу, старались только умножать свою дружину воинскую: позволили ей тѣснить мирныхъ жителей сельскихъ и купцевъ; сами обирали ихъ, чтобъ имѣть болѣе денегъ въ казнѣ на всякой случай, и сею политикою, утративъ нравственное достоинство Государей, сдѣлались подобны судіямъ-лихоимцамъ, или тиранамъ, а не

законнымъ властителямъ. И такъ, съ ослабленіемъ Государственнаго могущества, ослабѣла и внутренняя связь подданства съ властію.

Въ такихъ обстоятельствахъ удивительно ли, что варвары покорили наше Отечество? Удивительнѣе, что оно еще столь долго могло умирать по частямъ и въ сердцѣ сохраняя видъ и дѣйствія жизни Государственной, или независимость, изъясняемую одною слабостію нашихъ сосѣдовъ. На степяхъ Донскихъ и Волжскихъ кочевали орды Азіатскія, способныя только къ разбоямъ. Польша сама издыхала въ междоусобіяхъ. Короли Венгерскіе желали, но не могли никогда утвердить свое господство за горами Карпатскими, и Галиція, нѣсколько разъ отходивъ отъ Россіи, снова къ ней присоединялась. Орденъ Меченосцевъ едва держался въ Ливоніи. Но когда воинственный народъ, образованный побѣдами Хана Монгольскаго, овладѣвъ Китаемъ, частію Сибири и Тибетомъ, устремился на Россію, она могла имѣть только славу великодушной гибели. Смѣлые, но безразсудные Князья наши съ горстію людей выходили въ поле умирать Героями. Батый, предводительствуя полумилліономъ, топталъ ихъ трупы, и въ нѣсколько мѣсяцевъ сокрушилъ Государство. Въ искусствѣ воинскомъ предки наши не уступали никакому народу, ибо четыре вѣка гремѣли оружіемъ внѣ и внутри Отечества; но, слабые раздѣленіемъ силъ, несогласные даже и въ общемъ бѣд-

ствіи, удовольствовались вѣнцами мучениковъ, пріявъ оные въ неравныхъ битвахъ и въ защитѣ городовъ бренныхъ.

Земля Русская, упоенная кровію, усыпанная пепломъ, сдѣлалась жилищемъ рабовъ Ханскихъ, а Государи ея трепетали Баскаковъ. Сего не довольно. Въ окружностяхъ Двины и Нѣмана, среди густыхъ лѣсовъ, жилъ народъ бѣдный, дикій и болѣе 200 лѣтъ платилъ скудную дань Россіянамъ. Утѣсняемый ими, также Прусскими и Ливонскими Нѣмцами, онъ выучился искусству воинскому и, предводимый нѣкоторыми отважными витязями, въ стройномъ ополченіи выступилъ изъ лѣсовъ на ѳеатръ міра; не только возстановилъ свою независимость, но, пріявъ образъ народа Гражданскаго, основавъ Державу сильную, захватилъ и лучшую половину Россіи, т. е. Сѣверная осталась данницею Монголовъ, а Южная вся отошла къ Литвѣ по самую Калугу и рѣку Угру. Владиміръ, Суздаль, Тверь назывались Улусами Ханскими; Кіевъ, Черниговъ, Мценскъ, Смоленскъ—городами Литовскими. Первые хранили, по крайней мѣрѣ, свои нравы,—вторые заимствовали и самые обычаи чуждые. Казалось, что Россія погибла на вѣки.

Сдѣлалось чудо. Городокъ, едва извѣстный до XIV вѣка, отъ презрѣнія къ его маловажности долго именуемый «селомъ Кучковымъ», возвысилъ главу и спасъ Отечество. Да будетъ честь и слава Москвѣ!

Въ ея степахъ родилась, созрѣла мысль возстановить единовластіе въ истерзанной Россіи, и хитрый Іоаннъ Калита, заслуживъ имя Собирателя земли Русской, есть Первоначальникъ ея славнаго воскресенія, безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ міра. Надлежало, чтобы его преемники въ теченіе вѣка слѣдовали одной системѣ съ удивительнымъ постоянствомъ и твердостію,—системѣ наилучшей по всѣмъ обстоятельствамъ, и которая состояла въ томъ, чтобы употребить самихъ Хановъ въ орудіе нашей свободы. Снискавъ особенную милость Узбека и, вмѣстѣ съ нею, достоинство Великаго Князя, Калита первый убѣдилъ Хана не посылать собственныхъ чиновниковъ за данію въ города наши, а принимать ее въ ордѣ отъ Бояръ Княжескихъ, ибо Татарскіе Вельможи, окруженные воинами, ѣздили въ Россію болѣе для наглыхъ грабительствъ, нежели для собранія Ханской дани. Никто не смѣлъ встрѣтиться съ ними: какъ скоро они являлись, земледѣльцы бѣжали отъ плуга, купцы—отъ товаровъ, граждане—отъ домовъ своихъ. Все ожило, когда сіи хищники перестали ужасать народъ своимъ присутствіемъ: села, города успокоились, торговля пробудилась, не только внутренняя, но и внѣшняя; народъ и казна обогатились,—дань Ханская уже не тяготила ихъ. Вторымъ важнымъ замысломъ Калиты было присоединеніе частныхъ удѣловъ къ Великому Княжеству. Усыпляемые ласками властителей Московскихъ, Ханы

съ дѣтскою невинностію дарили имъ цѣлыя Области и подчиняли другихъ Князей Россійскихъ, до самаго того времени, какъ сила, воспитанная хитростію, довершила мечемъ дѣло нашего освобожденія.

Глубокомысленная политика Князей Московскихъ, не удовольствовалась собраніемъ частей въ цѣлое: надлежало еще связать ихъ твердо, и единовластіе усилить самодержавіемъ. Славяне Россійскіе, признавъ Князей Варяжскихъ своими Государями, хотя отказались отъ Правленія общенароднаго, но удерживали многія его обыкновенія. Во всѣхъ древнихъ городахъ нашихъ бывало, такъ называемое, Вѣче, или Совѣтъ народный, при случаяхъ важныхъ; во всѣхъ городахъ избирались Тысяцкіе, или Полководцы, не Княземъ, а народомъ. Сіи республиканскія учрежденія не мѣшали Олегу, Владиміру, Ярославу самодержавно повелѣвать Россіею: слава дѣлъ, великодушіе и многочисленность дружинъ воинскихъ, имъ преданныхъ, обуздывали народную буйность; когда же Государство раздѣлилось на многія области независимыя, тогда граждане, не уважая Князей слабыхъ, захотѣли пользоваться своимъ древнимъ правомъ Вѣча и Верховнаго законодательства; иногда судили Князей и торжественно изгоняли въ Новѣгородѣ и другихъ мѣстахъ. Сей духъ вольности господствовалъ въ Россіи до нашествія Батыева, и въ самыхъ ея бѣдствіяхъ не могъ вдругъ исчезнуть, но ослабѣлъ примѣтно. Такимъ образомъ, Исторія

наша представляетъ новое доказательство двухъ истинъ: 1) для твердаго самодержавія необходимо Государственное могущество; 2) рабство Политическое не совмѣстно съ гражданскою вольностію. Князья пресмыкались въ Ордѣ, но, возвращаясь оттуда съ милостивымъ ярлыкомъ Ханскимъ, повелѣвали смѣлѣе, нежели въ дни нашей Государственной независимости. Народъ, смиренный игомъ варваровъ, думалъ только о спасеніи жизни и собственности, мало заботясь о своихъ правахъ гражданскихъ. Симъ расположеніемъ умовъ, сими обстоятельствами воспользовались Князья Московскіе, и, мало по малу, истребивъ всѣ остатки древней республиканской системы, основали истинное самодержавіе. Умолкъ Вѣчевый колоколъ во всѣхъ городахъ Россіи. Димитрій Донскій отнялъ власть у народа избирать Тысяцкихъ, и, вопреки своему рѣдкому человѣколюбію, первый уставилъ торжественную смертную казнь для Государственныхъ преступниковъ, чтобы вселить ужасъ въ дерзкихъ мятежниковъ. Наконецъ, что началось при Іоаннѣ І-мъ, или Калитѣ, то совершилось при Іоаннѣ ІІІ: столица Ханская на берегу Ахтубы, гдѣ столько лѣтъ потомки Рюриковы преклоняли колѣна, исчезла на вѣки, сокрушенная местію Россіянъ. Новгородъ, Псковъ, Рязань, Тверь присоединились къ Москвѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми областями, прежде захваченными Литвою. Древнія Югозападныя Княженія потомковъ Владиміровыхъ еще

оставались въ рукахъ Польши, за то Россія, новая, возрожденная, во время Іоанна IV пріобрѣла три царства: Казанское, Астраханское и неизмѣримое Сибирское, дотолѣ неизвѣстное Европѣ.

Сіе великое твореніе Князей Московскихъ было произведено не личнымъ ихъ Геройствомъ, ибо, кромѣ Донскаго, никто изъ нихъ не славился онымъ, но единственно умною политическою системою, согласно съ обстоятельствами времени. Россія основалась побѣдами и единоначаліемъ, гибла отъ разновластія, а спаслась мудрымъ самодержавіемъ.

Во глубинѣ Сѣвера, возвысивъ главу свою между Азіатскими и Европейскими Царствами, она представляла въ своемъ гражданскомъ образѣ черты сихъ обѣихъ частей міра: смѣсь древнихъ Восточныхъ нравовъ, принесенныхъ Славянами въ Европу и подновленныхъ, такъ сказать, нашею долговременною связію съ Монголами,—Византійскихъ, заимствованныхъ Россіянами вмѣстѣ съ Христіанскою вѣрою, и нѣкоторыхъ Германскихъ, сообщенныхъ имъ Варягами. Сіи послѣднія черты, свойственныя народу мужественному, вольному, еще были замѣтны въ обыкновеніи судебныхъ поединковъ, въ утѣхахъ рыцарскихъ и въ духѣ мѣстничества, основаннаго на родовомъ славолюбіи. Заключеніе женскаго пола и строгое холопство оставались признакомъ древнихъ Азіатскихъ обычаевъ. Дворъ Царскій уподоблялся Византійскому.

Іоаннъ III, зять одного изъ Палеологовъ, хотѣлъ какъ бы возстановить у насъ Грецію соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ ея церковныхъ и придворныхъ: окружилъ себя Римскими Орлами и принималъ иноземныхъ пословъ въ Золотой Палатѣ, которая напоминала Юстиніанову. Такая смѣсь въ нравахъ, произведенная случаями, обстоятельствами, казалась намъ природною, и Россіяне любили оную, какъ свою народную собственность.

Хотя двувѣковое иго Ханское не благопріятствовало успѣхамъ гражданскимъ искусствъ и разума въ нашемъ Отечествѣ, однакожъ Москва и Новгородъ пользовались важными открытіями тогдашнихъ временъ: бумага, порохъ, книгопечатаніе, сдѣлались у насъ извѣстны весьма скоро по ихъ изобрѣтеніи. Библіотеки Царская и Митрополитская, наполненныя рукописями Греческими, могли быть предметомъ зависти для иныхъ Европейцевъ. Въ Италіи возродилось зодчество: Москва въ XV в. уже имѣла знаменитыхъ Архитекторовъ, призванныхъ изъ Рима, великолѣпныя церкви и Грановитую Палату; иконописцы, рѣзчики, золотари обогащались въ нашей столицѣ. Законодательство молчало во время рабства,—Іоаннъ III издалъ новые Гражданскіе Уставы, Іоаннъ IV—полное уложеніе, коего главная отмѣна отъ Ярославовыхъ законовъ состоитъ въ введеніи торговой казни, неизвѣстной древнимъ независимымъ Россіянамъ. Сей же Іоаннъ IV

устроилъ Земское войско, какого у насъ дотолѣ не бывало: многочисленное, всегда готовое и раздѣленное на полки областные.

Европа устремила глаза на Россію: Государи, Папы, Республики вступили съ нею въ дружелюбныя сношенія,—одни для выгодъ купечества, иные—въ надеждѣ обратить ея силы къ обузданію ужасной Турецкой Имперіи, Польши, Швеціи. Даже изъ самой глубины Индостана, съ береговъ Гангеса, въ XVI вѣкѣ пріѣзжали послы въ Москву, и мысль сдѣлать Россію путемъ Индѣйской торговли была тогда общею. Политическая система Государей Московскихъ заслуживала удивленіе своею мудростію: имѣя цѣлію одно благоденствіе народа, они воевали только по необходимости, всегда готовые къ миру, уклоняясь отъ всякаго участія въ дѣлахъ Европы, болѣе пріятнаго для суетности Монарховъ, нежели полезнаго для Государства, и, возстановивъ Россію въ умѣренномъ, такъ сказать, величіи, не алкали завоеваній невѣрныхъ, или опасныхъ, желая сохранять, а не пріобрѣтать.

Внутри самодержавіе укоренилось. Никто, кромѣ Государя, не могъ ни судить, ни жаловать: всякая власть была изліяніемъ Монаршей. Жизнь, имѣніе, зависѣли отъ произвола Царей, и знаменитѣйшее въ Россіи титло уже было не Княжеское, не Боярское, но титло слуги Царева. Народъ, избавленный Князьями Московскими отъ бѣдствій внутренняго

междоусобія и внѣшняго ига, не жалѣлъ о своихъ древнихъ Вѣчахъ и Сановникахъ, которые умѣряли власть Государеву; довольный дѣйствіемъ, не спорилъ о правахъ. Одни Бояре, столь нѣкогда величавые въ удѣльныхъ господствахъ, роптали на строгость самодержавія; но бѣгство, или казнь ихъ, свидѣтельствовали твердость онаго. Наконецъ, Царь сдѣлался для всѣхъ Россіянъ земнымъ Богомъ.

Тщетно Іоаннъ IV былъ до 35-ти лѣтъ Государемъ добрымъ и, по какому-то адскому вдохновенію, возлюбивъ кровь, лилъ оную безъ вины и сѣкъ головы людей, славнѣйшихъ добродѣтелями. Бояре и народъ во глубинѣ души своей, не дерзая что либо замыслить противъ Вѣнценосца, только смиренно молили Господа, да смягчитъ ярость Цареву,—сію казнь за грѣхи ихъ!

Кромѣ злодѣевъ, ознаменованныхъ въ Исторіи названіемъ опришнины, всѣ люди, знаменитые богатствомъ, или саномъ, ежедневно готовились къ смерти и не предпринимали ничего для спасенія жизни своей! Время и расположеніе умовъ достопамятное! Нигдѣ и никогда грознѣе самовластіе не предлагало столь жестокихъ искушеній для народной добродѣтели, для вѣрности, или повиновенія; но сія добродѣтель даже не усумнилась въ выборѣ между гибелью и сопротивленіемъ.

Злодѣяніе, въ тайнѣ умышленное, не открытое

Исторіею, пресѣкло родъ Іоанновъ: Годуновъ, Татаринъ происхожденіемъ, Кромвель умомъ, воцарился со всѣми правами Монарха законнаго и съ тою же системою единовластія неприкосновеннаго. Сей несчастный, сраженный тѣнію убитаго имъ Царевича, среди великихъ усилій человѣческой мудрости и въ сіяніи добродѣтелей наружныхъ, погибъ, какъ жертва властолюбія неумѣреннаго, беззаконнаго, въ примѣръ вѣкамъ и народамъ. Годуновъ, тревожимый совѣстію, хотѣлъ заглушить ея священныя укоризны дѣйствіями кротости и смягчалъ Самодержавіе въ рукахъ своихъ: кровь не лилась на лобномъ мѣстѣ,—ссылка, заточеніе, невольное постриженіе въ монахи, были единственнымъ наказаніемъ Бояръ, виновныхъ, или подозрѣваемыхъ въ злыхъ умыслахъ. Но Годуновъ не имѣлъ выгоды быть любимымъ, ни уважаемымъ, какъ прежніе Монархи наслѣдственные. Бояре, нѣкогда стоявъ съ нимъ на одной ступени, ему завидовали; народъ помнилъ его слугою придворнымъ. Нравственное могущество Царское ослабѣло въ семъ избранномъ Вѣнценосцѣ.

Немногіе изъ Государей бывали столь усердно привѣтствуемы народомъ, какъ Лжедимитрій въ день своего торжественнаго въѣзда въ Москву: разсказы о его мнимомъ, чудесномъ спасеніи, память ужасныхъ естественныхъ бѣдъ Годунова времени, и надежда, что Небо, возвративъ престолъ Владимірову потомству,

возвратитъ благоденствіе Россіи, влекли сердца въ срѣтеніе юному Монарху, любимцу счастія.

Но Лжедимитрій былъ тайный Католикъ, и нескромность его обнаружила сію тайну. Онъ имѣлъ нѣкоторыя достоинства и добродушіе, но голову романическую и на самомъ тронѣ характеръ бродяги; любилъ иноземцевъ до пристрастія и, не зная Исторіи своихъ мнимыхъ предковъ, вѣдалъ малѣйшія обстоятельства жизни Генриха IV, Короля Французскаго, имъ обожаемаго. Наши Монархическія учрежденія XV и XVI вѣка приняли иной образъ: малочисленная Дума Боярская, служивъ прежде единственно Царскимъ Совѣтомъ, обратилась въ шумный сонмъ ста правителей, мірскихъ и духовныхъ, коимъ безпечный и лѣнивый Димитрій ввѣрилъ внутреннія дѣла Государственныя, оставляя для себя внѣшнюю политику; иногда являлся тамъ и спорилъ съ Боярами къ общему удивленію: ибо Россіяне дотолѣ не знали, какъ подданный могъ торжественно противорѣчить Монарху. Веселая обходительность его вообще преступила границы благоразумія и той величественной скромности, которая для Самодержавцевъ гораздо нужнѣе, нежели для монаховъ Картезіанскихъ. Сего мало. Димитрій явно презиралъ Русскіе обычаи и вѣру: пировалъ, когда народъ постился; забавлялъ свою невѣсту пляскою скомороховъ въ Монастырѣ Вознесенскомъ; хотѣлъ угощать Бояръ яствами, гнусными для ихъ

суевѣрія; окружилъ себя не только иноземною стражею, но и шайкою Іезуитовъ, говорилъ о соединеніи Церквей и хвалилъ Латинскую. Россіяне перестали уважать его, наконецъ, возненавидѣли и, согласясь, что истинный сынъ Іоанновъ не могъ бы попирать ногами святыню своихъ предковъ, возложили руку на Самозванца.

Сіе происшествіе имѣло ужасныя слѣдствія для Россіи; могло бы имѣть еще и гибельнѣйшія. Самовольныя управы народа бываютъ для Гражданскихъ Обществъ вреднѣе личныхъ несправедливостей, или заблужденій Государя. Мудрость цѣлыхъ вѣковъ нужна для утвержденія власти: одинъ часъ народнаго изступленія разрушаетъ основу ея, которая есть уваженіе нравственное къ сану властителей. Москвитяне истерзали того, кому недавно присягали въ вѣрности: горе его преемнику и народу!

Отрасль древнихъ Князей Суздальскихъ и племени Мономахова, Василій Шуйскій, угодникъ Царя Бориса, осужденный на казнь и помилованный Лжедимитріемъ, свергнувъ неосторожнаго Самозванца, въ награду за то пріялъ окровавленный его скипетръ отъ Думы Боярской и торжественно измѣнилъ Самодержавію; присягнувъ безъ ея согласія не казнить никого, не отнимать имѣній и не объявлять войны. Еще имѣя въ свѣжей памяти ужасныя изступленія Іоанновы, сыновья отцевъ, невинно убіенныхъ симъ Царемъ

лютымъ, предпочли свою безопасность Государственной и легкомысленно стѣснили дотолѣ неограниченную власть Монаршую, коей Россія была обязана спасеніемъ и величіемъ. Уступчивость Шуйскаго и самолюбіе Бояръ кажутся равнымъ преступленіемъ въ глазахъ потомства, ибо первый также думалъ болѣе о себѣ, нежели о Государствѣ, и, плѣняясь мыслію быть Царемъ, хотя и съ ограниченными правами, дерзнулъ на явную для Царства опасность.

Случилось, чему необходимо надлежало случиться: Бояре видѣли въ Полумонархѣ дѣло рукъ своихъ и хотѣли, такъ сказать, продолжать оное, болѣе и болѣе стѣсняя власть его. Поздно очнулся Шуйскій и тщетно хотѣлъ порывами великодушія утвердить колеблемость трона. Воскресли древнія смуты Боярскія, и народъ, волнуемый на площади наемниками нѣкоторыхъ коварныхъ Вельможъ, толпами стремился къ Дворцу Кремлевскому предписывать законы Государю. Шуйскій изъявлялъ твердость: «Возьмите вѣнецъ Мономаховъ, возложенный вами на главу мою, или повинуйтесь мнѣ!», говорилъ онъ Москвитянамъ. Народъ смирялся, и вновь мятежничалъ въ самое то время, когда самозванцы, прельщенные успѣхомъ перваго, одинъ за другимъ, на Москву возставали. Шуйскій палъ, сверженный не сими бродягами, а Вельможами недостойными, и палъ съ величіемъ, возсѣвъ на тронъ съ малодушіемъ. Въ мантіи инока, преданный зло-

дѣями въ руки чужеземцамъ, онъ жалѣлъ болѣе о Россіи, нежели о коронѣ, съ истинною Царскою гордостію отвѣтствовалъ на коварныя требованія Сигизмундовы, и внѣ Отечества, заключенный въ темницу, умеръ Государственнымъ мученикомъ.

Недолго многоглавая гидра Аристократіи владычествовала въ Россіи. Никто изъ Бояръ не имѣлъ рѣшительнаго перевѣса; спорили и мѣшали другъ другу въ дѣйствіяхъ власти. Увидѣли необходимость имѣть Царя, и, боясь избрать единоземца, чтобы родъ его не занялъ всѣхъ степеней трона, предложили вѣнецъ сыну нашего врага, Сигизмунда, который, пользуясь мятежами Россіи, силился овладѣть ея Западными странами. Но, вмѣстѣ съ Царствомъ, предложили ему условія: хотѣли обезпечить вѣру и власть Боярскую. Еще договоръ не совершился, когда Поляки, благопріятствуемые внутренними измѣнниками, вступили въ Москву и прежде времени начали тиранствовать именемъ Владислава. Шведы взяли Новгородъ. Самозванцы, козаки, свирѣпствовали въ другихъ областяхъ нашихъ. Правительство рушилось, Государство погибало...

Исторія назвала Минина и Пожарскаго «спасителями Отечества»: отдадимъ справедливость ихъ усердію, не менѣе и Гражданамъ, которые въ сіе рѣшительное время дѣйствовали съ удивительнымъ единодушіемъ. Вѣра, любовь къ своимъ обычаямъ и ненависть къ чужеземной власти, произвели общее

славное возстаніе народа подъ знаменами нѣкоторыхъ вѣрныхъ Отечеству Бояръ. Москва освободилась.

Но Россія не имѣла Царя и еще бѣдствовала отъ хищныхъ иноплеменниковъ; изъ всѣхъ городовъ съѣхались въ Москву избранные знаменитѣйшіе люди и въ храмѣ Успенія, вмѣстѣ съ Пастырями Церкви и Боярами, рѣшили судьбу Отечества. Никогда народъ не дѣйствовалъ торжественнѣе и свободнѣе, никогда не имѣлъ побужденій Святѣйшихъ... Всѣ хотѣли одного— цѣлости, блага Россіи. Не блистало вокругъ оружіе; не было ни угрозъ, ни подкупа, ни противорѣчій, ни сомнѣнія. Избрали юношу, почти отрока, удаленнаго отъ свѣта; почти силою извлекли его изъ объятій устрашенной матери-инокини и возвели на Престолъ, орошенный кровію Лжедимитрія и слезами Шуйскаго. Сей прекрасный, невинный юноша казался агнцемъ и жертвою, трепеталъ и плакалъ. Не имѣя подлѣ себя ни единаго сильнаго родственника, чуждый Боярамъ Верховнымъ, гордымъ, властолюбивымъ, онъ видѣлъ въ нихъ не подданныхъ, а будущихъ своихъ тирановъ,— и, къ счастію Россіи, ошибся. Бѣдствія мятежной Аристократіи просвѣтили гражданъ и самихъ Аристократовъ; тѣ и другіе, единогласно, единодушно наименовали Михаила Самодержцемъ, Монархомъ неограниченнымъ; тѣ и другіе, воспламененные любовію къ Отечеству, взывали только: Богъ и Государь!.. Написали хартію и положили оную на престолѣ. Сія

грамота, внушенная мудростію опытовъ, утвержденная волею и Бояръ, и народа, есть священнѣйшая изъ всѣхъ Государственныхъ хартій. Князья Московскіе учредили Самодержавіе,—Отечество даровало оное Романовымъ.

Самое личное избраніе Михаила доказывало искреннее намѣреніе утвердить единовластіе. Древніе Княжескіе роды, безъ сомнѣнія, имѣли гораздо болѣе права на корону, нежели сынъ племянника Іоанновой супруги, коего неизвѣстные предки выѣхали изъ Пруссіи, но Царь, избранный изъ сихъ потомковъ Мономаховыхъ, или Олеговыхъ, имѣя множество знатныхъ родственниковъ, легко могъ бы дать имъ власть Аристократическую и тѣмъ ослабить Самодержавіе. Предпочли юношу, почти безроднаго; но сей юноша, свойственникъ Царскій, имѣлъ отца, мудраго, крѣпкаго духомъ, непреклоннаго въ совѣтахъ, который долженствовалъ служить ему пѣстуномъ на тронѣ и внушать правила твердой власти. Такъ строгій характеръ Филарета, не смягченный принужденною монашескою жизнію, болѣе родства его съ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ, способствовалъ къ избранію Михаила.

Исполнилось намѣреніе сихъ незабвенныхъ мужей, которые въ чистой рукѣ держали тогда урну судьбы нашей, обуздывая собственныя и чуждыя страсти. Дуга небеснаго мира возсіяла надъ трономъ Россійскимъ. Отечество подъ сѣнію Самодержавія успокоилось, из-

вергнувъ чужеземныхъ хищниковъ изъ нѣдръ своихъ, возвеличилось пріобрѣтеніями и вновь образовалось въ Гражданскомъ порядкѣ, творя, обновляя и дѣлая только необходимое, согласное съ понятіями народными и ближайшее къ существующему. Дума Боярская осталась на древнемъ основаніи, т. е. Совѣтомъ Царей во всѣхъ дѣлахъ важныхъ, политическихъ, гражданскихъ, казенныхъ. Прежде Монархъ рядилъ Государство чрезъ своихъ намѣстниковъ, или Воеводъ; недовольные ими прибѣгали къ Нему: онъ судилъ дѣло съ Боярами.

Сія Восточная простота уже не отвѣтствовала Государственному возрасту Россіи, и множество дѣлъ требовало болѣе посредниковъ между Царемъ и народомъ. Учредились въ Москвѣ Приказы, которые вѣдали дѣла всѣхъ городовъ и судили намѣстниковъ. Но еще судъ не имѣлъ Устава полнаго, ибо Іоанновъ оставлялъ много на совѣсть, или произволъ судящаго. Увѣренный въ важности такого дѣла, Царь Алексѣй Михайловичъ назначилъ для онаго мужей Думныхъ и повелѣлъ имъ, вмѣстѣ съ выборными всѣхъ городовъ, всѣхъ состояній, исправить судебникъ, дополнить его законами Греческими, намъ давно извѣстными, новѣйшими Указами Царей и необходимыми прибавленіями на случаи, которые уже встрѣчаются въ судахъ, но еще не рѣшены закономъ яснымъ. Россія получила Уложеніе, скрѣпленное

Патріархомъ, всѣми значительными Духовными, мірскими чиновниками и выборными городскими. Оно, послѣ хартіи Михаилова избранія, есть донынѣ важнѣйшій Государственный завѣтъ нашего Отечества.

Вообще царствованіе Романовыхъ, Михаила, Алексѣя, Ѳеодора, способствовало сближенію Россіянъ съ Европою, какъ въ Гражданскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ правахъ отъ частыхъ Государственныхъ сношеній съ ея Дворами, отъ принятія въ нашу службу многихъ иноземцевъ и поселенія другихъ въ Москвѣ. Еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ, но примѣръ начиналъ дѣйствовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ старымъ навыкомъ въ воинскихъ Уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія, или ученія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи: ибо нѣтъ сомнѣнія, что Европа отъ XIII до XIV вѣка далеко опередила насъ въ Гражданскомъ просвѣщеніи. Сіе измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія. Мы заимствовали, но какъ бы нехотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя съ старымъ.

Явился Петръ. Въ его дѣтскія лѣта самовольство Вельможъ, наглость Стрѣльцовъ и властолюбіе Софіи, напоминали Россіи несчастныя времена смутъ Боярскихъ. Но великій мужъ созрѣлъ уже въ юношѣ и мощною рукою схватилъ кормило Государства. Онъ

сквозь бурю и волны устремился къ своей цѣли: достигъ—и все перемѣнилось!

Сею цѣлію было не только новое величіе Россіи, но и совершенное присвоеніе обычаевъ Европейскихъ... Потомство воздало усердную хвалу сему безсмертному Государю и личнымъ его достоинствамъ и славнымъ подвигамъ. Онъ имѣлъ великодушіе, проницаніе, волю непоколебимую, дѣятельность, неутомимость рѣдкую: исправилъ, умножилъ войско, одержалъ блестящую побѣду надъ врагомъ искуснымъ и мужественнымъ; завоевалъ Ливонію, сотворилъ флотъ, основалъ гавани, издалъ многіе законы мудрые, привелъ въ лучшее состояніе торговлю, рудокопни, завелъ мануфактуры, училища, Академію, наконецъ поставилъ Россію на знаменитую степень въ политической системѣ Европы. Говоря о превосходныхъ его дарованіяхъ, забудемъ ли почти важнѣйшее для Самодержцевъ дарованіе: употреблять людей по ихъ способностямъ? Полководцы, Министры, Законодатели не родятся въ такое, или такое Царствованіе, но единственно избираются... Чтобы избрать, надобно угадать; угадываютъ же людей только великіе люди— и слуги Петровы удивительнымъ образомъ помогали ему на ратномъ полѣ, въ Сенатѣ, въ Кабинетѣ. Но мы, Россіяне, имѣя предъ глазами свою Исторію, подтвердимъ ли мнѣніе несвѣдущихъ иноземцевъ и скажемъ ли, что Петръ есть Творецъ нашего величія

Государственнаго?.. Забудемъ ли Князей Московскихъ: Іоанна I, Іоанна III, которые, можно сказать, изъ ничего воздвигли Державу сильную, и,—что не менѣе важно,—учредили твердое въ ней Правленіе единовластное?.. Петръ нашелъ средства дѣлать великое,—Князья Московскіе приготовляли оное. И, славя славное въ семъ Монархѣ, оставимъ ли безъ замѣчанія вредную сторону его блестящаго царствованія?

Умолчимъ о порокахъ личныхъ; но сія страсть къ новымъ для насъ обычаямъ преступила въ немъ границы благоразумія. Петръ не хотѣлъ вникнуть въ истину, что духъ народный составляетъ нравственное могущество Государствъ, подобно физическому, нужное для ихъ твердости. Сей духъ и вѣра спасли Россію во время Самозванцевъ; онъ есть не что иное, какъ привязанность къ нашему особенному,—не что иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству. Искореняя древніе навыки, представляя ихъ смѣшными, глупыми, хваля и вводя иностранные, Государь Россіи унижалъ Россіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ. Презрѣніе къ самому себѣ располагаетъ ли человѣка и Гражданина къ великимъ дѣламъ? Любовь къ Отечеству питается сими народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго. Просвѣщеніе достохвально, но въ чемъ состоитъ оно? Въ знаніи

нужнаго для благоденствія: художества, искусства, науки не имѣютъ иной цѣны. Русская одежда, пища, борода не мѣшали заведенію школъ. Два Государства могутъ стоять на одной степени гражданскаго просвѣщенія, имѣя нравы различные. Государство можетъ заимствовать отъ другаго полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ Уставы есть насиліе, беззаконное и для Монарха Самодержавнаго. Народъ въ первоначальномъ завѣтѣ съ Вѣнценосцами сказалъ имъ: «блюдите нашу безопасность внѣ и внутри, наказывайте злодѣевъ, жертвуйте частію для спасенія цѣлаго», — но не сказалъ: «противуборствуйте нашимъ невиннымъ склонностямъ и вкусамъ въ домашней жизни». Въ семъ отношеніи Государь, по справедливости, можетъ дѣйствовать только примѣромъ, а не указомъ.

Жизнь человѣческая кратка, а для утвержденія новыхъ обычаевъ требуется долговременность. Петръ ограничилъ свое преобразованіе Дворянствомъ. Дотолѣ, отъ сохи до Престола, Россіяне сходствовали между собою нѣкоторыми общими признаками наружности и въ обыкновеніяхъ, — со временъ Петровыхъ высшія степени отдѣлились отъ нижнихъ, и Русскій земледѣлецъ, мѣщанинъ, купецъ увидѣлъ Нѣмцевъ въ Русскихъ Дворянахъ, ко вреду братскаго, народнаго единодушія Государственныхъ состояній.

Въ теченіе вѣковъ народъ обыкъ чтить Бояръ, какъ мужей, ознаменованныхъ величіемъ,—поклонялся имъ съ истиннымъ уничиженіемъ, когда они съ своими благородными дружинами, съ Азіатскою пышностію, при звукѣ бубновъ, являлись на стогнахъ, шествуя въ храмъ Божій, или на Совѣтъ къ Государю. Петръ уничтожилъ достоинство Бояръ: ему надобны были Министры, Канцлеры, Президенты! Вмѣсто древней славной Думы, явился Сенатъ, вмѣсто Приказовъ—Коллегіи, вмѣсто Дьяковъ—Секретари и проч. Та же безсмысленная для Россіянъ перемѣна въ воинскомъ чиноначаліи: Генералы, Капитаны, Лейтенанты изгнали изъ нашей рати Воеводъ, Сотниковъ, Пятидесятниковъ и пр. Честію и достоинствомъ Россіянъ сдѣлалось подражаніе.

Семейственные нравы не укрылись отъ вліянія Царской дѣятельности. Вельможи стали жить открытымъ домомъ; ихъ супруги и дочери вышли изъ непроницаемыхъ теремовъ своихъ; балы, ужины соединили одинъ полъ съ другимъ въ шумныхъ залахъ; Россіянки перестали краснѣть отъ нескромнаго взора мужчинъ, и Европейская вольность заступила мѣсто Азіатскаго принужденія... Чѣмъ болѣе мы успѣвали въ людскости, въ обходительности, тѣмъ болѣе слабѣли связи родственныя: имѣя множество пріятелей, чувствуемъ менѣе нужды въ друзьяхъ и жертвуемъ свѣту союзомъ единокровія.

Не говорю и не думаю, чтобы древніе Россіяне подъ Великокняжескимъ, или Царскимъ правленіемъ были вообще лучше насъ. Не только въ свѣдѣніяхъ, но и въ нѣкоторыхъ нравственныхъ отношеніяхъ, мы превосходнѣе, т. е. иногда стыдимся, чего они не стыдились, и что, дѣйствительно, порочно; однакожъ должно согласиться, что мы, съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ, утратили гражданскія. Имя Русскаго имѣетъ ли теперь для насъ ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде? И весьма естественно: дѣды наши, уже въ царствованіе Михаила и сына его присвоивая себѣ многія выгоды иноземныхъ обычаевъ, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный Россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а Святая Русь—первое Государство. Пусть назовутъ то заблужденіемъ; но какъ оно благопріятствовало любви къ Отечеству и нравственной силѣ онаго! Теперь же, болѣе ста лѣтъ находясь въ школѣ иноземцевъ, безъ дерзости можемъ ли похвалиться своимъ Гражданскимъ достоинствомъ? Нѣкогда называли мы всѣхъ иныхъ Европейцевъ невѣрными, теперь называемъ братьями; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россію — невѣрнымъ, или братьямъ? т. е. кому бы она, по вѣроятности, долженствовала болѣе противиться? При Царѣ Михаилѣ, или Ѳеодорѣ, Вельможа Россійскій, обязанный всѣмъ Отечеству, могъ ли бы съ веселымъ

сердцемъ навѣки оставить его, чтобы въ Парижѣ, въ Лондонѣ, Вѣнѣ спокойно читать въ газетахъ о нашихъ Государственныхъ опасностяхъ? Мы стали гражданами міра, но перестали быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гражданами Россіи. Виною Петръ.

Онъ великъ безъ сомнѣнія; но еще могъ бы возвеличиться гораздо болѣе, когда бы нашелъ способъ просвѣтить умъ Россіянъ безъ вреда для ихъ гражданскихъ добродѣтелей. Къ несчастію, сей Государь, худо воспитанный, окруженный людьми молодыми, узналъ и полюбилъ Женевца Лефорта, который отъ бѣдности заѣхалъ въ Москву и, весьма естественно, находя Русскіе обычаи для него странными, говорилъ ему объ нихъ съ презрѣніемъ, а все Европейское возвышалъ до небесъ. Вольныя общества Нѣмецкой Слободы, пріятныя для необузданной молодости, довершили Лефортово дѣло, и пылкій Монархъ съ разгоряченнымъ воображеніемъ, увидѣвъ Европу, захотѣлъ сдѣлать Россію—Голландіею.

Еще народныя склонности, привычки, мысли имѣли столь великую силу, что Петръ, любя въ воображеніи нѣкоторую свободу ума человѣческаго, долженствовалъ прибѣгнуть ко всѣмъ ужасамъ самовластія для обузданія своихъ, впрочемъ, столь вѣрныхъ подданныхъ. Тайная Канцелярія день и ночь работала въ Преображенскомъ: пытки и казни служили средствомъ нашего славнаго преобразованія Государственнаго. Многіе

гибли за одну честь Русскихъ кафтановъ и бороды: ибо не хотѣли оставить ихъ и дерзали порицать Монарха. Симъ бѣднымъ людямъ казалось, что онъ, вмѣстѣ съ древними привычками, отнимаетъ у нихъ самое Отечество.

Въ необыкновенныхъ усиліяхъ Петровыхъ видимъ всю твердость его характера и власти Самодержавной. Ничто не казалось ему страшнымъ. Церковь Россійская искони имѣла главу сперва въ Митрополитѣ, наконецъ въ Патріархѣ. Петръ объявилъ себя Главою Церкви, уничтоживъ Патріаршество, какъ опасное для Самодержавія неограниченнаго. Но замѣтимъ, что наше Духовенство никогда не противоборствовало мірской власти, ни Княжеской, ни Царской: служило ей полезнымъ орудіемъ въ дѣлахъ Государственныхъ и совѣстію въ ея случайныхъ уклоненіяхъ отъ добродѣтели. Первосвятители имѣли у насъ одно право,—вѣщать истину Государямъ, не дѣйствовать, не мятежничать,— право благословенное не только для народа, но и для Монарха, коего счастіе состоитъ въ справедливости. Со временъ Петровыхъ упало духовенство въ Россіи. Первосвятители наши уже только были угодниками Царей и на каѳедрахъ языкомъ Библейскимъ произносили имъ слова похвальныя. Для похвалъ мы имѣемъ стихотворцевъ и придворныхъ,— главная обязанность Духовенства есть учить народъ добродѣтели, а чтобы сіи наставленія были тѣмъ

дѣйствительнѣе, надобно уважать оное. Если Государь предсѣдательствуетъ тамъ, гдѣ засѣдаютъ главные сановники Церкви; если онъ судитъ ихъ, или награждаетъ мірскими почестями и выгодами, то Церковь подчиняется мірской власти и теряетъ свой характеръ священный; усердіе къ ней слабѣетъ, а съ нимъ и вѣра, а съ ослабленіемъ вѣры Государь лишается способа владѣть сердцами народа въ случаяхъ чрезвычайныхъ, гдѣ нужно все забыть, все оставить для Отечества, и гдѣ Пастырь душъ можетъ обѣщать въ награду одинъ вѣнецъ мученическій. Власть духовная должна имѣть особенный кругъ дѣйствія внѣ гражданской власти, но дѣйствовать въ тѣсномъ союзѣ съ нею. Говорю о законѣ, о правѣ. Умный Монархъ въ дѣлахъ Государственной пользы всегда найдетъ способъ согласить волю Митрополита, или Патріарха, съ волею Верховною; но лучше, если сіе согласіе имѣетъ видъ свободы и внутренняго убѣжденія, а не всеподданнической покорности. Явная, совершенная зависимость духовной власти отъ гражданской предполагаетъ мнѣніе, что первая безполезна, или, по крайней мѣрѣ, не есть необходима для Государственной твердости,—примѣръ древней Россіи и нынѣшней Испаніи доказываетъ совсѣмъ иное.

Утаимъ ли отъ себя еще одну блестящую ошибку Петра Великаго? Разумѣю основаніе новой столицы на сѣверномъ краѣ Государства, среди зыбей болот-

ныхъ, въ мѣстахъ, осужденныхъ природою на безплодіе и недостатокъ. Еще не имѣя ни Риги, ни Ревеля, онъ могъ заложить на берегахъ Невы купеческій городъ для ввоза и вывоза товаровъ; но мысль утвердить тамъ пребываніе нашихъ Государей была, есть и будетъ вредною. Сколько людей погибло, сколько милліоновъ и трудовъ употреблено для приведенія въ дѣйство сего намѣренія? Можно сказать, что Петербургъ основанъ на слезахъ и трупахъ. Иноземный путешественникъ, въѣзжая въ Государство, ищетъ столицы, обыкновенно, среди мѣстъ плодоноснѣйшихъ, благопріятнѣйшихъ для жизни и здравія; въ Россіи онъ видитъ прекрасныя равнины, обогащенныя всѣми дарами природы, осѣненныя липовыми, дубовыми рощами, пресѣкаемыя рѣками судоходными, коихъ берега живописны для зрѣнія, и гдѣ въ климатѣ умѣренномъ, благорастворенный воздухъ способствуетъ долголѣтію,—видитъ и, съ сожалѣніемъ оставляя сіи прекрасныя страны за собою, въѣзжаетъ въ пески, въ болота, въ песчаные лѣса сосновые, гдѣ царствуютъ бѣдность, уныніе, болѣзни. Тамъ обитаютъ Государи Россійскіе, съ величайшимъ усиліемъ домогаясь, чтобы ихъ царедворцы и стража не умирали голодомъ и чтобы ежегодная убыль въ жителяхъ наполнялась новыми пришельцами, новыми жертвами преждевременной смерти! Человѣкъ не одолѣетъ натуры!

Но Великій мужъ самыми ошибками доказываетъ свое величіе: ихъ трудно, или невозможно изгладить,— какъ хорошее, такъ и худое дѣлаетъ онъ навѣки. Сильною рукою дано новое движеніе Россіи; мы уже не возвратимся къ старинѣ!.. Вторый Петръ Великій могъ бы только въ 20, или 30 лѣтъ утвердить новый порядокъ вещей гораздо основательнѣе, нежели всѣ наслѣдники Перваго до самой Екатерины II. Несмотря на его чудесную дѣятельность, онъ многое оставилъ исполнить преемникамъ, но Меньшиковъ думалъ единственно о пользахъ своего личнаго властолюбія; такъ и Долгорукіе. Меньшиковъ замышлялъ открыть сыну своему путь къ трону; Долгорукіе и Голицыны хотѣли видѣть на Престолѣ слабую тѣнь Монарха и господствовать именемъ Верховнаго Совѣта. Замыслы дерзкіе и малодушные! Пигмеи спорили о наслѣдіи великана. Аристократія, Олигархія губили Отечество... И, въ то время, когда оно измѣнило правы, утвержденные вѣками, потрясенные внутри новыми, важными перемѣнами, которыя, удаливъ въ обычаяхъ Дворянство отъ народа, ослабили власть духовную, могла ли Россія обойтись безъ Государя? Самодержавіе сдѣлалось необходимѣе прежняго для охраненія порядка,—и дочь Іоаннова, бывъ нѣсколько дней въ зависимости осьми Аристократовъ, воспріяла отъ народа, Дворянъ и Духовенства власть неограниченную. Сія Государыня хотѣла правительствовать согласно съ мыслями Петра

Великаго и спѣшила исправить многія упущенія, сдѣланныя съ его времени. Преобразованная Россія казалась тогда величественнымъ недостроеннымъ зданіемъ, уже ознаменованнымъ нѣкоторыми примѣтами близкаго разрушенія: часть судебная, воинская, внѣшняя политика находились въ упадкѣ. Остерманъ и Минихъ, одушевленные честолюбіемъ заслужить имя Великихъ мужей въ ихъ второмъ Отечествѣ, дѣйствовали неутомимо и съ успѣхомъ блестящимъ: первый возвратилъ Россіи ея знаменитость въ Государственной системѣ Европейской,—цѣль усилій Петровыхъ: Минихъ исправилъ, оживилъ воинскія учрежденія и давалъ намъ побѣды. Къ совершенной славѣ Аннина царствованія недоставало третьяго мудраго дѣйствователя для законодательства и внутренняго гражданскаго образованія Россіянъ. Но злосчастная привязанность Анны къ любимцу, бездушному, низкому, омрачила и жизнь, и память ея въ Исторіи. Воскресла Тайная Канцелярія Преображенская съ пытками; въ ея вертепахъ и на площадяхъ градскихъ лились рѣки крови. И кого терзали? Враговъ ли Государыни?— Никто изъ нихъ и мысленно не хотѣлъ ей зла: самые Долгорукіе виновны были только предъ Отечествомъ, которое примирилось съ ними ихъ несчастіемъ. Биронъ, не достойный власти, думалъ утвердить ее въ рукахъ своихъ ужасами: самое легкое подозрѣніе, двусмысленное слово, даже молчаніе казалось ему

иногда достаточною виною для казни, или ссылки. Онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ непріятелей: добрые Россіяне могли ли видѣть равнодушно Курляндскаго шляхтича почти на тронѣ? Но сіи Бироновы непріятели были истинными друзьями Престола и Анны. Они гибли; враги наушника Бирона гибли; а статный конь, ему подаренный, давалъ право ждать милостей Царскихъ.

Вслѣдствіе двухъ заговоровъ, злобный Биронъ и добродушная Правительница утратили власть и свободу. Лекарь Французъ и нѣсколько пьяныхъ Гренадеровъ возвели дочь Петрову на престолъ величайшей Имперіи въ мірѣ, съ восклицаніями: «гибель Иноземцамъ! честь Россіянамъ!» Первыя времена сего Царствованія ознаменовались нахальствомъ славной Лейбъ-Компаніи, возложеніемъ голубой ленты на Малороссійскаго пѣвчаго и бѣдствіемъ нашихъ Государственныхъ благодѣтелей,—Остермана и Миниха, которые никогда не были такъ велики, какъ стоя подъ эшафотомъ и желая счастія Россіи и Елисаветѣ. Вина ихъ состояла въ усердіи къ Императрицѣ Аннѣ и во мнѣніи, что Елисавета, праздная, сластолюбивая, не могла хорошо управлять Государствомъ. Несмотря на то, Россіяне хвалили ея Царствованіе: она изъявляла къ нимъ болѣе довѣренности, нежели къ Нѣмцамъ; возстановила власть Сената, отмѣнила смертную казнь, имѣла любовниковъ добродушныхъ, страсть къ

весельямъ и нѣжнымъ стихамъ. Вопреки своему человѣколюбію, Елисавета вмѣшалась въ войну кровопролитную и для насъ безполезную. Первымъ Государственнымъ человѣкомъ сего времени былъ Канцлеръ Бестужевъ, умный и дѣятельный, но корыстолюбивый и пристрастный. Усыпленная нѣгою, Монархиня давала ему волю торговать политикою и силами Государства; наконецъ, свергнула его и сдѣлала новую ошибку, торжественно объявивъ народу, что сей Министръ, душа почти всего ея Царствованія, есть гнуснѣйшій изъ смертныхъ! Счастіе, благопріятствуя мягкосердой Елисаветѣ въ ея правленіе, спасло Россію отъ тѣхъ чрезвычайныхъ золъ, коихъ не можетъ отвратить никакая мудрость человѣческая, но счастіе не могло спасти Государства отъ алчнаго корыстолюбія П. И. Шувалова. Ужасныя Монополіи сего времени долго жили въ памяти народа, утѣсняемаго для выгоды частныхъ людей и ко вреду самой Казны. Многія изъ заведеній Петра Великаго пришли въ упадокъ отъ небреженія, и вообще Царствованіе Елисаветы не прославилось никакими блестящими дѣяніями ума Государственнаго. Нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ болѣе стойкостію воиновъ, нежели дарованіемъ военачальниковъ, Московскій Университетъ и оды Ломоносова остаются красивѣйшими памятниками сего времени. Какъ при Аннѣ, такъ и при Елисаветѣ, Россія текла путемъ, предписаннымъ ей рукою Петра,

болѣе и болѣе удаляясь отъ своихъ древнихъ нравовъ и сообразуясь съ Европейскими. Замѣчались успѣхи свѣтскаго вкуса. Уже дворъ нашъ блисталъ великолѣпіемъ и, нѣсколько лѣтъ говоривъ по Нѣмецки, началъ употреблять языкъ Французскій. Въ одеждѣ, въ экипажахъ, въ услугѣ, вельможи наши мѣрялись съ Парижемъ, Лондономъ, Вѣною. Но грозы Самодержавія еще пугали воображеніе людей: осматривались, произнося имя самой кроткой Елисаветы, или Министра сильнаго; еще пытки и Тайная Канцелярія существовали.

Новый заговоръ—и несчастный Петръ III въ могилѣ съ своими жалкими пороками... Екатерина II была истинною преемницею величія Петрова и второю образовательницею новой Россіи. Главное дѣло сей незабвенной Монархини состоитъ въ томъ, что Ею смягчилось Самодержавіе, не утративъ силы своей. Она ласкала, такъ называемыхъ, Философовъ XVIII вѣка и плѣнялась характеромъ древнихъ Республиканцевъ, но хотѣла повелѣвать, какъ земной Богъ—и повелѣвала. Петръ, насильствуя обычаи народные, имѣлъ нужду въ средствахъ жестокихъ,—Екатерина могла обойтись безъ оныхъ, къ удовольствію своего нѣжнаго сердца: ибо не требовала отъ Россіянъ ничего противнаго ихъ совѣсти и гражданскимъ навыкамъ, стараясь единственно возвеличить данное ей Небомъ Отечество, или славу свою—побѣ-

дами, законодательствомъ, просвѣщеніемъ. Ея душа, гордая, благородная, боялась унизиться робкимъ подозрѣніемъ,—и страхи Тайной Канцеляріи исчезли; съ ними вмѣстѣ исчезъ у насъ и духъ рабства, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ гражданскихъ состояніяхъ. Мы пріучились судить, хвалить въ дѣлахъ Государя только похвальное, осуждать противное. Екатерина слышала, иногда сражалась съ собою, но побѣждала желаніе мести,—добродитель превосходная въ Монархѣ! Увѣренная въ своемъ величіи, твердая, непреклонная въ намѣреніяхъ, объявленныхъ Ею, будучи единственною душею всѣхъ Государственныхъ движеній въ Россіи, не выпуская власти изъ собственныхъ рукъ— безъ казни, безъ пытокъ, вліявъ въ сердца Министровъ, Полководцевъ, всѣхъ Государственныхъ чиновниковъ живѣйшій страхъ сдѣлаться Ей неугоднымъ и пламенное усердіе заслуживать Ея милость, Екатерина могла презирать легкомысленное злословіе, а гдѣ искренность говорила правду, тамъ Монархиня думала: «я властна требовать молчанія отъ Россіянъ-современниковъ, но что скажетъ потомство? и мысль, страхомъ заключенная въ сердцѣ, менѣе ли слова будетъ для меня оскорбительна?» Сей образъ мыслей, доказанный дѣлами 34-хъ лѣтняго владычества, отличаетъ Ея Царствованіе отъ всѣхъ прежнихъ въ новой Россійской Исторіи, т. е. Екатерина очистила Самодержавіе отъ примѣсовъ тиранства. Слѣдствіемъ

были спокойствіе сердецъ, успѣхи пріятностей свѣтскихъ, знаній, разума.

Возвысивъ нравственную цѣну человѣка въ своей Державѣ, она пересмотрѣла всѣ внутреннія части нашего зданія Государственнаго и не оставила ни единой безъ направленія: Уставы Сената, Губерній, Судебные, хозяйственные, военные, торговые усовершенствовались Ею. Внѣшняя политика сего Царствованія достойна особенной хвалы: Россія съ честію и славою занимала одно изъ первыхъ мѣстъ въ Государственной Европейской системѣ. Воинствуя, мы разили. Петръ удивилъ Европу своими побѣдами,—Екатерина пріучила ее къ нашимъ побѣдамъ. Россіяне уже думали, что ничто въ мірѣ не можетъ одолѣть ихъ,—заблужденіе славное для сей великой Монархини! Она была женщина, но умѣла избирать вождей же, такъ какъ Министровъ, или Правителей Государственныхъ. Румянцевъ, Суворовъ стали на ряду съ знаменитѣйшими Полководцами въ мірѣ. Князь Вяземскій заслужилъ имя достойнаго Министра благоразумною Государственною экономіею, храненіемъ порядка и цѣлости. Упрекнемъ ли Екатерину излишнимъ воинскимъ славолюбіемъ? Ея побѣды утвердили внѣшнюю безопасность Государства. Пусть иноземцы осуждаютъ раздѣлъ Польши: мы взяли свое. Правиломъ Монархини было не мѣшаться въ войны, чуждыя и безполезныя для Россіи, но питать духъ ратный въ Имперіи, рожденной побѣдами.

Слабый Петръ III, желая угодить Дворянству, далъ ему свободу служить, или не служить. Умная Екатерина, не отмѣнивъ сего закона, отвратила его, вредныя для Государства, слѣдствія: любовь къ Святой Руси, охлажденную въ насъ перемѣнами Великаго Петра, Монархиня хотѣла замѣнить гражданскимъ честолюбіемъ; для того соединила съ чинами новыя прелести, или выгоды, вымышляя знаки отличій и старалась поддерживать ихъ цѣну достоинствомъ людей, украшаемыхъ оными. Крестъ Св. Георгія не рождалъ, однакожъ усиливалъ храбрость. Многіе служили, чтобы не лишиться мѣста и голоса въ Дворянскихъ Собраніяхъ; многіе, несмотря на успѣхи роскоши, любили чины и ленты гораздо болѣе корысти. Симъ утвердилась нужная зависимость Дворянства отъ Трона.

Но согласимся, что блестящее царствованіе Екатерины представляетъ взору наблюдателя и нѣкоторыя пятна. Нравы болѣе развратились въ палатахъ и хижинахъ,—тамъ отъ примѣровъ Двора любострастнаго,—здѣсь отъ выгоднаго для казны умноженія питейныхъ домовъ. Примѣръ Анны и Елисаветы извиняетъ ли Екатерину? Богатства Государственныя принадлежатъ ли тому, кто имѣетъ единственно лице красивое? Слабость тайная есть только слабость; явная—порокъ, ибо соблазняетъ другихъ. Самое достоинство Государя не терпитъ, когда онъ нарушаетъ Уставъ благопра-

вія: какъ люди не развратны, но внутренно не могутъ уважать развратныхъ. Требуется ли доказательствъ, что искреннее почтеніе къ добродѣтелямъ Монарха утверждаетъ власть его? Горестно, но должно признаться, что, хваля усердно Екатерину за превосходныя качества души, невольно воспоминаемъ Ея слабости и краснѣемъ за человѣчество. Замѣтимъ еще, что правосудіе не цвѣло въ сіе время; вельможа, чувствуя несправедливость свою въ тяжбѣ съ Дворяниномъ, переносилъ дѣло въ Кабинетъ; тамъ засыпало оно и не пробуждалось. Въ самыхъ Государственныхъ учрежденіяхъ Екатерины видимъ болѣе блеска, нежели основательности: избиралось не лучшее по состоянію вещей, но красивѣйшее по формамъ. Таково было новое учрежденіе Губерній, изящное на бумагѣ, но худо примѣненное къ обстоятельствамъ Россіи. Солонъ говорилъ: «Мои законы несовершенные, но лучшіе для Аѳинянъ». Екатерина хотѣла умозрительнаго совершенства въ законахъ, не думая о легчайшемъ, полезнѣйшемъ дѣйствіи оныхъ: дала намъ суды, не образовавъ судей; дала правила безъ средствъ исполненія. Многія вредныя слѣдствія Петровой системы также яснѣе открылись при сей Государынѣ; чужеземцы овладѣли у насъ воспитаніемъ; Дворъ забылъ языкъ Русскій; отъ излишнихъ успѣховъ Европейской роскоши, дворянство одолжало; дѣла безчестныя, внушаемыя корыстолюбіемъ для

удовлетворенія прихотямъ, стали обыкновеннѣе; сыновья Бояръ нашихъ разсыпались по чужимъ землямъ тратить деньги и время для пріобрѣтенія Французской, или Англійской наружности. У насъ были Академіи, высшія училища, народныя школы, умные Министры, пріятные свѣтскіе люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флотъ и Великая Монархиня,—не было хорошаго воспитанія, твердыхъ правилъ и нравственности въ гражданской жизни. Любимецъ Вельможи, рожденный бѣднымъ, не стыдился жить пышно; Вельможа не стыдился быть развратнымъ. Торговали правдою и чинами. Екатерина—Великій Мужъ въ главныхъ Собраніяхъ Государственныхъ — являлась женщиною въ подробностяхъ Монаршей дѣятельности: дремала на розахъ, была обманываема, или себя обманывала; не видала, или не хотѣла видѣть многихъ злоупотребленій, считая ихъ, можетъ быть, неизбѣжными и довольствуясь общимъ, успѣшнымъ, славнымъ теченіемъ Ея Царствованія.

По крайней мѣрѣ, сравнивая всѣ извѣстныя намъ времена Россіи, едва-ли не всякой изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было счастливѣйшее для гражданина Россійскаго; едва-ли не всякой изъ насъ пожелалъ жить тогда, а не въ иное время.

Слѣдствія кончины Ея заградили уста строгимъ судіямъ сей Великой Монархини: ибо особенно въ послѣдніе годы Ея жизни, дѣйствительно, слабѣйшіе

въ правилахъ и исполненіи, мы болѣе осуждали, нежели хвалили Екатерину, отъ привычки къ добру уже не чувствуя всей цѣны онаго и тѣмъ сильнѣе чувствуя противное: доброе казалось намъ естественнымъ, необходимымъ слѣдствіемъ порядка вещей, а не личной Екатерининой мудрости, худое же—Ея собственною виною.

Павелъ восшелъ на Престолъ въ то благопріятное для Самодержавія время, когда ужасы Французской революціи излечили Европу отъ мечтаній гражданской вольности и равенства... Но что сдѣлали Якобинцы въ отношеніи къ Республикамъ, то Павелъ сдѣлалъ въ отношеніи къ Самодержавію: заставилъ ненавидѣть злоупотребленія онаго. По жалкому заблужденію ума и вслѣдствіе многихъ личныхъ, претерпѣнныхъ имъ, неудовольствій, онъ хотѣлъ быть Іоанномъ V; но Россіяне уже имѣли Екатерину II, знали, что Государь не менѣе подданныхъ долженъ исполнять свои святыя обязанности, коихъ нарушеніе уничтожаетъ древній завѣтъ власти съ повинованіемъ и низвергаетъ народъ съ степени гражданственности въ хаосъ частнаго естественнаго права. Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность Отечества; къ неизъяснимому изумленію Россіянъ, онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ Уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ за-

слугъ; отнялъ стыдъ у казни, у награды — прелесть; унизилъ чины и ленты расточительностію въ оныхъ; легкомысленно истреблялъ долговременные плоды Государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери; умертвилъ въ полкахъ нашихъ благородный духъ воинскій, воспитанный Екатериною, и замѣнилъ его духомъ капральства. Героевъ, пріученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать; отвратилъ Дворянъ отъ воинской службы; презирая душу, уважалъ шляпы и воротники, имѣя, какъ человѣкъ, природную склонность къ благотворенію, питался желчію зла; ежедневно вымышлялъ способы устрашать людей—и самъ всѣхъ болѣе страшился; думалъ соорудить себѣ неприступный Дворецъ — и соорудилъ гробницу!.. Замѣтимъ черту, любопытною для наблюдателя: въ сіе Царствованіе ужаса, по мнѣнію иноземцевъ, Россіяне боялись даже и мыслить,—нѣтъ! говорили,—и смѣло!.. Умолкали единственно отъ скуки частаго повторенія, вѣрили другъ другу—и не обманывались! Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ: общее бѣдствіе сближало сердца, и великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности. Вотъ дѣйствія Екатеринина человѣколюбиваго царствованія: оно не могло быть истреблено въ 4 года Павлова, и доказывало, что мы были достойны имѣть Правительство мудрое, законное, основанное на справедливости.

Россіяне смотрѣли на сего Монарха, какъ на грозный метеоръ, считая минуты и съ нетерпѣніемъ ожидая послѣдней... Она пришла, и вѣсть о томъ въ цѣломъ Государствѣ, была вѣстію искупленія: въ домахъ, на улицахъ люди плакали отъ радости, обнимая другъ друга, какъ въ день свѣтлаго Воскресенія. Кто былъ несчастливѣе Павла?.. Слезы горести лились только въ нѣдрахъ Его августѣйшаго семейства; тужили еще нѣкоторые, имъ облагодѣтельствованные, но какіе люди!.. Ихъ сожалѣніе не менѣе всеобщей радости долженствовало оскорбить душу Павлову, если она, по разлученіи съ тѣломъ, озаренная, наконецъ, свѣтомъ истины, могла воззрѣть на землю и на Россію! Къ чести благоразумнѣйшихъ Россіянъ не умолчимъ объ ихъ сужденіи. Свѣдавъ дѣло, они жалѣли, что зло вреднаго царствованія пресѣчено способомъ вреднымъ. Заговоры суть бѣдствія, колеблютъ основу Государствъ и служатъ опаснымъ примѣромъ для будущности. Если нѣкоторые Вельможи, Генералы, тѣлохранители присвоятъ себѣ власть тайно губить Монарховъ, или смѣнять ихъ, что будетъ Самодержавіе?— игралищемъ Олигархіи, и должно скоро обратиться въ безначаліе, которое ужаснѣе самаго злѣйшаго властителя, подвергая опасности всѣхъ гражданъ, а тиранъ казнитъ только нѣкоторыхъ. Мудрость вѣковъ и благо народное утвердили сіе правило для Монархіи, что законъ долженъ располагать трономъ, а Богъ,

одинъ Богъ,—жизнію Царей!.. Кто вѣритъ Провидѣнію, да видитъ въ зломъ Самодержцѣ бичъ гнѣва Небеснаго! Снесемъ его, какъ бурю, землетрясеніе, язву,—феномены страшные, но рѣдкіе: ибо мы въ теченіе 9 вѣковъ имѣли только двухъ тирановъ: ибо тиранство предполагаетъ необыкновенное ослѣпленіе ума въ Государѣ, коего дѣйствительное счастіе неразлучно съ народнымъ, съ правосудіемъ и съ любовію къ добру. Заговоры да устрашаютъ народъ для спокойствія Государей! Да устрашаютъ и Государей для спокойствія народовъ!.. Двѣ причины способствуютъ заговорамъ: общая ненависть, или общее неуваженіе къ Властителю: Биронъ и Павелъ были жертвою ненависти, Правительница Анна и Петръ III—жертвою неуваженія. Минихъ, Лестокъ и другіе не дерзнули бы на дѣло, противное совѣсти, чести и всѣмъ уставамъ Государственнымъ, если бы сверженные ими властители пользовались уваженіемъ и любовію Россіянъ.

Не сомнѣваясь въ добродѣтели Александра, судили единственно заговорщиковъ, подвигнутыхъ местію и страхомъ личныхъ опасностей; винили особенно тѣхъ, которые сами были орудіемъ Павловыхъ жестокостей и предметомъ его благодѣяній. Сіи люди уже, большею частію, скрылись отъ глазъ нашихъ въ мракѣ могилы, или неизвѣстности... Едва ли кто нибудь изъ нихъ имѣлъ утѣшеніе Брута, или Кассія, предъ смертію, или въ уединеніи. Россіяне одобрили юнаго Монарха, ко-

торый не хотѣлъ быть окруженъ ими и съ величайшею надеждою устремили взоръ на внука Екатерины, давшаго обѣтъ властвовать по Ея сердцу!

Доселѣ говорилъ я о царствованіяхъ минувшихъ,— буду говорить о настоящемъ, съ моею совѣстію и съ Государемъ, по лучшему своему уразумѣнію. Какое имѣю право? Любовь къ Отечеству и Монарху, нѣкоторыя, можетъ быть, данныя мнѣ Богомъ способности, нѣкоторыя знанія, пріобрѣтенныя мною въ лѣтописяхъ міра и въ бесѣдахъ съ мужами великими, т. е. въ ихъ твореніяхъ. Чего хочу? Съ добрымъ намѣреніемъ—испытать великодушіе Александра и сказать, что мнѣ кажется справедливымъ и что нѣкогда скажетъ Исторія.

Два мнѣнія были тогда господствующими въ умахъ: одни хотѣли, чтобы Александръ къ вѣчной славѣ своей взялъ мѣры для обузданія неограниченнаго самовластія, столь бѣдственнаго при Его родителѣ; другіе, сомнѣваясь въ надежномъ успѣхѣ такого предпріятія, хотѣли единственно, чтобы онъ возстановилъ разрушенную систему Екатеринина Царствованія, столь счастливую и мудрую въ сравненіи съ системою Павла. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли и какими способами ограничить самовластіе въ Россіи, не ослабивъ спасительной Царской власти? Умы легкія не затрудняются отвѣтомъ и говорятъ: «можно, надобно только поставить законъ еще выше Государя». Но

кому дадимъ право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату-ли? Совѣту-ли? Кто будутъ члены ихъ? Выбираемые Государемъ, или Государствомъ? Въ первомъ случаѣ они — угодники Царя, во второмъ захотятъ спорить съ нимъ о власти,—вижу Аристократію, а не Монархію. Далѣе: что сдѣлаютъ Сенаторы, когда Монархъ нарушитъ уставъ? Представятъ о томъ Его Величеству? А если онъ десять разъ посмѣется надъ ними, объявятъ ли его преступникомъ? Возмутятъ ли народъ?.. Всякое доброе Русское сердце содрагается отъ сей ужасной мысли. Двѣ власти Государственныя въ одной Державѣ суть два грозные льва въ одной клѣткѣ, готовые терзать другъ друга, а право безъ власти есть ничто. Самодержавіе основало и воскресило Россію: съ перемѣною Государственнаго Устава ея, она гибла и должна погибнуть, составленная изъ частей столь многихъ и разныхъ, изъ коихъ всякая имѣетъ свои особенныя гражданскія пользы. Что, кромѣ единовластія неограниченнаго, можетъ въ сей махинѣ производить единство дѣйствія? Если бы Александръ, вдохновенный великодушною ненавистію къ злоупотребленіямъ самодержавія, взялъ перо для предписанія себѣ иныхъ законовъ, кромѣ Божіихъ и совѣсти, то истинный добродѣтельный гражданинъ Россійскій дерзнулъ бы остановить его руку и сказать: «Государь! ты преступаешь границы своей власти: наученная долговременными бѣдствіями, Россія предъ Святымъ

Алтарем вручила Самодержавіе Твоему предку и требовала, да управляетъ ее верховно, нераздѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе Твоей власти, иной не имѣешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее!..» Но вообразимъ, что Александръ предписалъ бы Монаршей власти какой нибудь Уставъ, основанный на правилахъ общей пользы и скрѣпилъ бы оный святостію клятвы... Сія клятва безъ иныхъ способовъ, которые всѣ или невозможны, или опасны для Россіи, будетъ ли уздою для преемниковъ Александровыхъ? Нѣтъ, оставимъ мудрствованія ученическія и скажемъ, что нашъ Государь имѣетъ только одинъ вѣрный способъ обуздать своихъ наслѣдниковъ въ злоупотребленіяхъ власти: да царствуетъ добродѣтельно! да пріучитъ подданныхъ ко благу!.. Тогда родятся обычаи спасительные; правила, мысли народныя, которыя лучше всѣхъ бренныхъ формъ удержатъ будущихъ Государей въ предѣлахъ законной власти... Чѣмъ? — страхомъ возбудить всеобщую ненависть въ случаѣ противной системы царствованія. Тиранъ можетъ иногда безопасно господствовать послѣ тирана, но послѣ Государя мудраго—никогда! «Сладкое отвращаетъ насъ отъ горькаго» — сказали послы Владиміровы, извѣдавъ вѣры Европейскія.

Всѣ Россіяне были согласны въ добромъ мнѣніи о качествахъ юнаго Монарха: онъ царствуетъ 10 лѣтъ, и никто не перемѣнитъ о томъ своихъ мыслей; скажу

еще болѣе: всѣ согласны, что едва ли кто нибудь изъ Государей превосходилъ Александра въ любви, въ ревности къ общему благу; едва ли кто нибудь столь мало ослѣплялся блескомъ вѣнца и столь умѣлъ быть человѣкомъ на тронѣ, какъ Онъ!.. Но здѣсь имѣю нужду въ твердости духа, чтобы сказать истину. Россія наполнена недовольными: жалуются въ Палатахъ и въ хижинахъ, не имѣютъ ни довѣренности, ни усердія къ правленію, строго осуждаютъ его цѣли и мѣры. Удивительный Государственный феноменъ! Обыкновенно бываетъ, что преемникъ Монарха жестокаго, легко снискиваетъ всеобщее одобреніе, смягчая правила власти: успокоенные кротостію Александра, безвинно не страшась ни Тайной Канцеляріи, ни Сибири, и свободно наслаждаясь всѣми позволенными въ гражданскихъ Обществахъ удовольствіями, какимъ образомъ изъяснимъ сіе горестное расположеніе умовъ? Несчастными обстоятельствами Европы и важными, какъ думаю, ошибками Правительства, ибо, къ сожалѣнію, можно съ добрымъ намѣреніемъ ошибаться въ средствахъ добра. Увидимъ...

Начнемъ со внѣшней политики, которая имѣла столь важное дѣйствіе на внутренность Государства. Ужасная Французская революція была погребена, но оставила сына, сходнаго съ нею въ главныхъ чертахъ лица. Такъ называемая республика обратилась въ Монархію, движимую геніемъ властолюбія и по-

бѣдъ. Умная Англія, испытавъ невыгоду мира, старалась снова поднять всю Европу на Францію и дѣлала свое дѣло. Вѣна тосковала о Нидерландахъ и Ломбардіи: война представляла ей великія опасности и великія надежды. Берлинъ хитрилъ, довольствуясь учтивостями: миръ былъ для него закономъ благоразумія. Россія ничего не утратила и могла ничего не бояться, т. е. находилась въ самомъ счастливѣйшемъ положеніи. Австрія, все еще сильная, какъ величественная твердыня, стояла между ею и Франціею, а Пруссія служила намъ уздою для Австріи. Основаніемъ Россійской политики долженствовало быть желаніе всеобщаго мира, ибо война могла измѣнить состояніе Европы; успѣхи Франціи и Австріи могли имѣть для насъ равно опасныя слѣдствія, усиливъ ту, или другую. Властолюбіе Наполеона тѣснило Италію и Германію; первая, какъ отдаленнѣйшая, менѣе касалась до особенныхъ пользъ Россіи; вторая долженствовала сохранять свою независимость, чтобъ удалить отъ насъ вліяніе Франціи. Императоръ Александръ болѣе всѣхъ имѣлъ право на уваженіе Наполеона; слава Героя Италійскаго еще гремѣла въ Европѣ и не затмилась стыдомъ Германа и Корсакова; Англія, Австрія были въ глазахъ Консула естественными врагами Франціи; Россія казалась только великодушною посредницею Европы и, неотступно ходатайствуя за Германію, могла напомнить

ему Требію и Нови въ случаѣ, если бы онъ не изъявилъ надлежащаго вниманія къ нашимъ требованіямъ. Министръ, знаменитый въ хитростяхъ дипломатической науки, представлялъ Россію въ Парижѣ; избраніе такого человѣка свидѣтельствовало, сколь Александръ чувствовалъ важность сего мѣста и даже могло быть пріятно для самолюбія Консулова. Къ общему изумленію, мы увидѣли, что Графъ Марковъ пишетъ свое имя подъ новымъ раздѣломъ Германскихъ южныхъ областей, въ угодность, въ честь Франціи и къ ея сильнѣйшему вліянію на землю Нѣмецкую; но еще съ большимъ изумленіемъ мы свѣдали, что сей Министръ, въ важномъ случаѣ оказавъ излишнюю снисходительность къ видамъ Наполеона, вручаетъ грозныя записки Талейрану о какомъ-то Женевскомъ бродягѣ, взятомъ подъ стражу во Франціи; дѣлаетъ разныя неудовольствія Консулу въ бездѣлицахъ и, принужденный выѣхать изъ Парижа, получаетъ голубую ленту. Можно было угадать слѣдствія... Но отъ чего такая перемѣна въ системѣ? Узнали опасное властолюбіе Наполеона? А дотолѣ не знали его?.. Здѣсь приходитъ мнѣ на мысль тогдашній разговоръ одного молодаго любимца Государева и стараго Министра. Первый, имѣя еще болѣе самолюбія, нежели остроумія и весьма несильный въ Государственной наукѣ, рѣшительно объявилъ при мнѣ, что Россія должна воевать для занятія умовъ праздныхъ и для сохране-

нія ратнаго духа въ нашихъ арміяхъ; вторый съ тонкою улыбкою давалъ чувствовать, что онъ способствовалъ Графу Маркову получить голубую ленту въ досаду Консулу. Молодой любимецъ веселился мыслію схватить ее въ полѣ съ славнымъ Бонапарте, а старый Министръ торжествовалъ, представляя себѣ безсильную ярость Наполеона. Несчастные! Однимъ словомъ, исторія Маркова посольства, столь несогласнаго въ правилахъ, была первою нашею политическою ошибкою.

Никогда не забуду своихъ горестныхъ предчувствій, когда я, страдая въ тяжкой болѣзни, услышалъ о походѣ нашего войска... Россія привела въ движеніе всѣ силы свои, чтобъ помогать Англіи и Вѣнѣ, т. е. служить имъ орудіемъ въ ихъ злобѣ на Францію безъ всякой особенной для себя выгоды. Еще Наполеонъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ не вредилъ прямо нашей безопасности, огражденной Австріею, Пруссіею, числомъ и славою нашего воинства. Какіе замыслы имѣли мы въ случаѣ успѣха? Возвратить Австріи великія утраты ея? Освободить Голландію, Швейцарію? Признаемъ возможность, но только вслѣдствіе десяти рѣшительныхъ побѣдъ и совершеннаго изнуренія Французскихъ силъ... Что оказалось бы въ новомъ порядкѣ вещей? Величіе, первенство Австріи, которая изъ благодарности указала бы Россіи вторую степень, и то до времени, пока не смирила

бы Пруссіи, а тамъ объявила бы насъ Державою Азіатскою, какъ Бонапарте. Вотъ счастливая сторона; несчастная уже извѣстна!... Политика нашего Кабинета удивляла своею смѣлостію: одну руку поднявъ на Францію, другою грозили мы Пруссіи, требуя отъ нея содѣйствія! Не хотѣли терять времени въ предварительныхъ сношеніяхъ,—хотѣли однимъ махомъ все рѣшить. Спрашиваю, что сдѣлала бы Россія, если бы Берлинское Министерство отвѣтствовало Князю Долгорукову: «Молодой человѣкъ! Вы желаете свергнуть Деспота Бонапарте, а сами, еще не свергнувъ его, предписывали законы политикѣ Державъ независимыхъ!.. Иди своимъ путемъ,—мы готовы утвердить мечемъ свою независимость». Бенингсенъ, Графъ Толстой ударили бы тогда на Пруссію? Прекрасное начало,—оно стоило бы конца! Но Князь Долгоруковъ летѣлъ съ непріятнѣйшимъ отвѣтомъ: правда, насъ обманули, или мы сами обманули себя.

Все сдѣлалось наилучшимъ образомъ для нашей истинной пользы. Макъ въ нѣсколько дней лишился Арміи; Кутузовъ, вмѣсто Австрійскихъ знаменъ, увидѣлъ предъ собою Наполеоновы, но съ честію, славою, побѣдою отступилъ къ Ольмюцу. Два сильныя воинства стояли готовыя къ бою. Осторожный, благоразумный Наполеонъ сказалъ своему: «Теперь Европа узнаетъ, кому принадлежитъ имя храбрѣйшихъ,—вамъ, или Россіянамъ»,—и предложилъ намъ средства мира. Ни-

когда политика Россійская не бывала въ счастливѣйшихъ обстоятельствахъ, никогда не имѣла столь мало причинъ сомнѣваться въ выборѣ. Наполеонъ завоевалъ Вѣну, но Карлъ приближался, и 80000 Россіянъ ждали повелѣнія обнажить мечъ. Пруссія готовилась соединиться съ нами. Одно слово могло прекратить войну славнѣйшимъ для насъ образомъ: изгнанникъ Францъ по милости Александра возвратился бы въ Вѣну, уступивъ Наполеону, можетъ быть, только Венецію; независимая Германія оградилась бы Рейномъ; нашъ Монархъ пріобрѣлъ бы имя благодѣтеля, почти возстановителя Австріи, и Спасителя Нѣмецкой Имперіи. Побѣда долженствовала быть, по крайней мѣрѣ, сомнительною: что мы выигрывали съ нею? Едва ли не одну славу, которую имѣли бы и въ мирѣ. Что могло быть слѣдствіемъ неудачи? Стыдъ, бѣгство, голодъ, совершенное истребленіе нашего войска, паденіе Австріи, порабощеніе Германіи и т. д... Судьбы Божіи неисповѣдимы: мы захотѣли битвы! Вотъ вторая политическая ошибка! (Молчу о воинскихъ).

Третья, и самая важнѣйшая слѣдствіями, есть миръ Тильзитскій: ибо она имѣла непосредственное вліяніе на внутреннее состояніе Государства. Не говорю о жалкой исторіи полуминистра Убри, не порицаю ни заключеннаго имъ трактата (который былъ плодомъ Аустерлица), ни Министровъ, давшихъ совѣтъ Госу-

дарю отвергнуть сей лаконический договоръ. Не осуждаю и послѣдней войны съ Французами,—тутъ мы долженствовали вступиться за безопасность собственныхъ владѣній, къ коимъ стремился Наполеонъ, волнуя Польшу. Знаю только, что мы, въ теченіе зимы, должны были или прислать новыхъ 100/т. къ Бенигсену, или вступать въ мирные переговоры, коихъ успѣхъ былъ вѣроятенъ. Пултускъ и Прейсишъ-Эйлау ободрили Россіянъ, изумивъ Французовъ... Мы дождались Фридланда. Но здѣсь-то слѣдовало показать отважность, которая, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, бываетъ глубокомысленнымъ благоразуміемъ: таковъ былъ сей. Надлежало забыть Европу, проигранную нами въ Аустерлицѣ и Фридландѣ, надлежало думать единственно о Россіи, чтобы сохранить ея внутреннее благосостояніе, т. е. не принимать мира, кромѣ честнаго, безъ всякаго обязательства расторгнуть выгодныя для насъ торговыя связи съ Англіею и воевать со Швеціею, въ противность святѣйшимъ Уставамъ человѣчества и народнымъ. Безъ стыда могли бы мы отказаться отъ Европы, но безъ стыда не могли служить въ ней орудіемъ Наполеоновымъ, обѣщавъ избавить Европу отъ его насилій. Умолчимъ ли о второмъ, необходимомъ для нашей безопасности, условіи, отъ коего мы долженствовали бы отступить, развѣ претерпѣвъ новое бѣдствіе на правомъ берегу Нѣмана,—условіи, чтобы не быть Польшѣ ни подъ

какимъ видомъ, ни подъ какимъ именемъ? Безопасность собственная есть вышній законъ въ политикѣ: лучше было согласиться, чтобъ Наполеонъ взялъ Шлезію, самый Берлинъ, нежели признать Варшавское Герцогство.

Такимъ образомъ, великія наши усилія, имѣвъ слѣдствіемъ Аустерлицъ и миръ Тильзитскій, утвердили господство Франціи надъ Европою и сдѣлали насъ чрезъ Варшаву сосѣдами Наполеона. Сего мало: убыточная война Шведская и разрывъ съ Англіею произвели неумѣренное умноженіе ассигнацій, дороговизну и всеобщія жалобы внутри Государства. Мы завоевали Финляндію; пусть Мониторъ славитъ сіе пріобрѣтеніе! Знаемъ, чего оно намъ стоило, кромѣ людей и денегъ. Государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество; жертвуя честію, справедливостію, вредимъ послѣднему. Мы взяли Финляндію, заслуживъ ненависть Шведовъ, укоризну всѣхъ народовъ,—и я не знаю, что было горестнѣе для великодушія Александра,—быть побѣжденнымъ отъ Французовъ, или принужденнымъ слѣдовать ихъ хищной системѣ.

Пожертвовавъ союзу Наполеона нравственнымъ достоинствомъ великой Имперіи, можемъ ли надѣяться на искренность его дружбы? Обманемъ ли Наполеона? Сила вещей неодолима. Онъ знаетъ, что мы внутренно ненавидимъ его, ибо его боимся; онъ ви-

дѣлъ усердіе наше въ послѣдней войнѣ Австрійской, болѣе нежели сомнительное. Сія двоякость была необходимымъ слѣдствіемъ того положенія, въ которое мы поставили себя Тильзитскимъ миромъ, и не есть новая ошибка. Легко ли исполняется обѣщаніе услуживать врагу естественному и придавать ему силы! Думаю, что мы, взявъ Финляндію, не посовѣстились бы завоевать Галицію, если бы предвидѣли вѣрный успѣхъ Наполеоновъ. Но Карлъ могъ еще побѣдить; къ тому же и самымъ усерднымъ исполненіемъ обязанности союзниковъ, мы не заслужили бы искренняго доброжелательства Наполеонова: онъ далъ бы намъ поболѣе, но не далъ бы средствъ утвердить нашу независимость. Скажемъ ли, что Александру надлежало бы пристать къ Австрійцамъ? Австрійцы не пристали къ намъ, когда Бонапарте въ изнуреніи удалялся отъ Прейсишъ-Эйлау и когда ихъ стотысячная Армія могла бы доконать его. Политика не злопамятна, безъ сомнѣнія, но 30/т., или 40000 Россіянъ могли бы также не подоспѣть къ рѣшительной битвѣ, какъ Эрцъ-Герцогъ Іоаннъ къ Ваграмской; Ульмъ, Аустерлицъ находились въ свѣжей памяти. Что бы вышло? Еще хуже: Бонапарте, увидѣвъ нашу отважность, взялъ бы скорѣйшія, дѣйствительнѣйшія мѣры для обузданія оной. На сей разъ лучше, что онъ считаетъ насъ только робкими, тайными врагами, только не допускаетъ мириться съ Турками, только изъ подъ

руки стращаетъ Швеціею и Польшею. Что будетъ далѣе,—извѣстно Богу, но людямъ извѣстны сдѣланныя нами политическія ошибки; но люди говорятъ: для чего графъ Марковъ сердилъ Бонапарте въ Парижѣ? Для чего мы легкомысленно войною навели отдаленныя тучи на Россію? Для чего не заключили мира прежде Аустерлицъ? Гласъ народа—гласъ Божій. Никто не увѣритъ Россіянъ, чтобы Совѣтники Трона въ дѣлахъ внѣшней политики слѣдовали правиламъ истинной, мудрой любви къ Отечеству и къ доброму Государю. Сіи несчастные, видя бѣду, думали единственно о пользѣ своего личнаго самолюбія: всякій изъ нихъ оправдывался, чтобы винить Монарха.

Посмотримъ, какъ они дѣйствовали и дѣйствуютъ внутри Государства. Вмѣсто того, чтобы немедленно обращаться къ порядку вещей Екатеринина Царствованія, утвержденному опытомъ 34-хъ лѣтъ, и, такъ сказать, оправданному безпорядками Павлова времени; вмѣсто того, чтобы отмѣнить единственно излишнее, прибавить нужное, однимъ словомъ исправлять по основательному разсмотрѣнію, Совѣтники Александровы захотѣли новостей въ главныхъ способахъ Монаршаго дѣйствія, оставивъ безъ вниманія правило мудрыхъ, что всякая новость въ Государственномъ порядкѣ есть зло, къ коему надобно прибѣгать только въ необходимости: ибо одно время даетъ надлежащую твердость уставамъ; ибо болѣе уважаемъ то, что давно

уважаемъ и все дѣлаемъ лучше отъ привычки. Петръ Великій замѣнилъ Боярскую Думу Сенатомъ, Приказы—Коллегіями, и не безъ важнаго усилія сообщилъ онымъ стройную дѣятельность. Время открыло нѣкоторые лучшіе способы управленія, и Екатерина II издала учрежденіе Губерній, приводя его въ исполненіе по частямъ съ великою осторожностію. Коллегіи дѣлъ Судныхъ и казенныхъ уступили мѣсто Палатамъ: другія остались, и если правосудіе и Государственное хозяйство при Екатеринѣ не удовлетворяло всѣмъ желаніямъ добраго гражданина, то никто не мыслилъ жаловаться на формы, или на образованіе: жаловались только на людей. Фельдмаршалъ Минихъ замѣчалъ въ нашемъ Государственномъ чинѣ нѣкоторую пустоту между Трономъ и Сенатомъ, но едва ли справедливо. Подобно древней Боярской Думѣ, Сенатъ въ началѣ своемъ имѣлъ всю власть, какую только вышнее Правительствующее мѣсто въ Самодержавіи имѣть можетъ. Генералъ-Прокуроръ служилъ связію между имъ и Государемъ; тамъ вершились дѣла, которыя надлежало бы вершить Монарху: по человѣчеству не имѣя способа обнять ихъ множество, онъ далъ Сенату свое верховное право и свое око въ Генералъ-Прокурорѣ, опредѣливъ, въ какихъ случаяхъ дѣйствовать сему важному мѣсту по извѣстнымъ законамъ и въ какихъ требовать Его Высочайшаго соизволенія. Сенатъ издавалъ законы, повѣрялъ дѣла

Коллегій, рѣшалъ ихъ сомнѣнія, или спрашивалъ у Государя, который, принимая отъ него жалобы отъ людей частныхъ, грозилъ строгою казнію ему въ злоупотребленіи власти, или дерзкому челобитчику въ несправедливой жалобѣ. Я не вижу пустоты, и новѣйшая Исторія, отъ временъ Петра до Екатерины II, свидѣтельствуетъ, что учрежденіе Верховныхъ Совѣтовъ, Кабинетовъ, Конференцій, было несовмѣстно съ первоначальнымъ характеромъ Сената, ограничивая, или стѣсняя кругъ его дѣятельности: одно мѣшало другому.

Сія система Правительства не уступала въ благоустройствѣ никакой иной Европейской, заключая въ себѣ, кромѣ общаго со всѣми, нѣкоторыя особенности, сообразныя съ мѣстными обстоятельствами Имперіи. Павелъ, не любя дѣлъ своей Матери, возстановилъ разныя уничтоженныя Ею Коллегіи, сдѣлалъ перемѣны и въ учрежденіи Губерній, но благоразумныя, отмѣнивъ малонужные Верхніе Земскіе Суды съ Расправами, отнявъ право исполненія у рѣшеній Палатскихъ и пр... Движимый любовію къ общему благу, Александръ хотѣлъ лучшаго, совѣтовался и учредилъ Министерства, согласно съ мыслями Фельдмаршала Миниха и съ системою Правительствъ иностранныхъ. Прежде всего, замѣтимъ излишнюю поспѣшность въ семъ учрежденіи: Министерства устатавлены и приведены въ дѣйствіе, а не было еще на-

каза Министрамъ, т. е. вѣрнаго, яснаго руководства въ исполненіи важныхъ ихъ обязанностей! Теперь спросимъ о пользѣ. Министерскія бюро заняли мѣсто Коллегій. Гдѣ трудились знаменитые чиновники, Президентъ и нѣсколько Засѣдателей, имѣя долговременный навыкъ и строгую отвѣтственность Правительствующаго мѣста,—тамъ увидѣли мы маловажныхъ чиновниковъ, Директоровъ, Экспедиторовъ, Столоначальниковъ, которые, подъ щитомъ Министра, дѣйствуютъ безъ всякаго опасенія. Скажутъ, что Министръ все дѣлаетъ и за все отвѣтствуетъ; но одно честолюбіе бываетъ неограниченно. Силы и способности смертнаго заключены въ предѣлахъ весьма тѣсныхъ. Наприм., Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, захвативъ почти всю Россію, могъ ли основательно вникать въ смыслъ безчисленныхъ входящихъ къ нему и выходящихъ отъ него бумагъ? Могъ ли даже разумѣть предметы столь различные? Начали являться, одни за другими, Комитеты: они служили сатирою на учрежденіе Министерствъ, доказывая ихъ недостатокъ для благоуспѣшнаго Правленія. Наконецъ, замѣтили излишнюю многосложность Внутренняго Министерства... Что же сдѣлали?... Прибавили новое, столь же многосложное и непонятное для Русскихъ въ его составѣ. Какъ? Опеки принадлежатъ Министру Полиціи? Ему же и Медицина? и пр., и пр... Или сіе Министерство есть только часть внутренняго, или

названо не своимъ именемъ? И благопріятствуетъ ли славѣ мудраго Правительства сіе второе преобразованіе? Учредили, и послѣ говорятъ: «извините, мы ошиблись: сіе относится не къ тому, а къ другому Министерству». Надлежало бы обдумать прежде; иначе, что будетъ порукою и за твердость инаго Устава? Далѣе, основавъ бытіе свое на развалинахъ Коллегій,—ибо самая Военная и Адмиралтейская утратили важность свою въ семъ порядкѣ вещей,—Министры стали между Государемъ и народомъ, заслоняя Сенатъ, отнимая его силу и величіе, хотя подвѣдомые ему отчетами; но сказавъ: «я имѣлъ счастіе докладывать Государю!»—заграждали уста Сенаторамъ, а сія мнимая отвѣтственность была доселѣ пустымъ обрядомъ. Указы, законы, предлагаемые Министрами, одобряемые Государемъ, сообщались Сенату только для обнародованія. Выходило, что Россіею управляли Министры, т. е. каждый изъ нихъ по своей части могъ творить и разрушать. Спрашиваемъ: кто болѣе заслуживаетъ довѣренность—одинъ ли Министръ, или собраніе знатнѣйшихъ Государственныхъ Сановниковъ, которое мы обыкли считать Высшимъ Правительствомъ, главнымъ орудіемъ Монаршей власти? Правда, Министры составляли между собою Комитетъ; ему надлежало одобрить всякое новое установленіе прежде, нежели оно утверждалось Монархомъ; но сей Комитетъ не походитъ ли на Совѣтъ 6, или 6 разноземцевъ,

изъ коихъ всякой говоритъ особеннымъ языкомъ, не понимая другихъ. Министръ Морскихъ силъ обязанъ ли разумѣть тонкости судебной науки, или правила Государственнаго хозяйства, торговли и проч.?... Еще важнѣе то, что каждый изъ нихъ, имѣя нужду въ сговорчивости товарищей для своихъ особенныхъ выгодъ, самъ дѣлается сговорчивъ.

«Просимъ терпѣнія», отвѣтствуютъ Совѣтники Монарха: «мы изобрѣтаемъ еще новый способъ ограничить власть Министровъ»,—выходитъ Учрежденіе Совѣта.

И Екатерина II имѣла Совѣтъ, слѣдуя правилу: «умъ хорошо, а два лучше». Кто изъ смертныхъ не совѣтуется съ другими въ важныхъ случаяхъ? Государи болѣе всѣхъ имѣютъ въ томъ нужды. Екатерина въ дѣлахъ войны и мира, гдѣ ей надлежало произнести рѣшительное да, или нѣтъ, слушала мнѣніе нѣкоторыхъ избранныхъ Вельможъ; вотъ—Совѣтъ Ея, по существу своему, Тайный, т. е. особенный, лично Императорскій. Она не сдѣлала его Государственнымъ, торжественнымъ, ибо не хотѣла уничтожить Петрова Сената, коего бытіе, какъ мы сказали, несовмѣстно съ другимъ Высшимъ Правительствующимъ мѣстомъ. Какая польза унижать Сенатъ, чтобъ возвысить другое Правительство? Если члены перваго недостойны Монаршей довѣренности,—надобно только перемѣнить ихъ: или Сенатъ не будетъ Пра-

вительствующимъ, или Совѣтъ не можетъ торжественно и подъ своимъ именемъ разсматривать за нимъ дѣлъ и, мимо Сената, издавать съ Государемъ Законы. Мы читаемъ нынѣ въ Указахъ Монаршихъ: «внявъ мнѣнію Совѣта»... Итакъ, Сенатъ въ сторонѣ? Что же онъ? Останется ли только судилищемъ?.. Увидимъ, ибо намъ велятъ ждать новыхъ дополнительныхъ Уставовъ Государственныхъ, преобразованія Сенатскаго, Губерній и пр... «Въ Монархіи», пишетъ Монтескье: «должно быть хранилище законовъ», — „Le conseil du Prince n'est pas un dépôt convenable, il est par sa nature le dépôt de la volonté momentanée du Prince qui exécute, et non pas le dépôt des lois fondamentales. De plus, le conseil du Monarque change sans cesse; il n'est pas point permanent: il ne sauroit être nombreux, il n'a point à un assez haut degré la confiance du peuple; il n'est donc pas en état de l'éclairez dans les tems difficiles, ni de le ramenez à l'obéissance". Что ни будетъ, но сказанное нами не измѣнится въ главномъ смыслѣ: Совѣтъ будетъ Сенатомъ, или его половиною, Отдѣленіемъ. Сіе значитъ играть именами и формами, придавать имъ важность, которую имѣютъ только вещи. Поздравляю изобрѣтателя сей новой формы, или предисловія законовъ: «внявъ мнѣнію Совѣта», — Государь Россійскій внемлетъ только мудрости, гдѣ находитъ ее: въ собственномъ ли умѣ, въ въ книгахъ ли, въ головѣ ли лучшихъ своихъ под-

данныхъ; но въ самодержавіи не надобно никакого одобренія для законовъ, кромѣ подписи Государей; онъ имѣетъ всю власть. Совѣтъ, Сенатъ, Комитеты, Министры суть только способы ея дѣйствій, или повѣренные Государя; ихъ не спрашиваютъ, гдѣ онъ самъ дѣйствуетъ. Выраженіе: „Le conseil d'état entendu“, не имѣетъ смысла для Гражданина Россійскаго; пусть Французы справедливо, или несправедливо, употребляютъ оное!.. Правда, и у насъ писали: «Государь указалъ, Бояре приговорили», но сія законная пословица была на Руси нѣсколько лѣтъ панихидою на усопшую Аристократію Боярскую. Воскресимъ ли форму, когда и вещь, и форма давно истребились?

Совѣтъ, говорятъ, будетъ уздою для Министровъ. Императоръ отдаетъ ему разсматривать важнѣйшія ихъ представленія; но, между тѣмъ, они все будутъ править Государствомъ именемъ Государя. Совѣтъ не вступается въ обыкновенное теченіе дѣлъ, вопрошаемый единственно въ случаяхъ чрезвычайныхъ, или въ новыхъ постановленіяхъ, а сей обыкновенный порядокъ Государственной дѣятельности составляетъ благо, или зло нашего времени.

Спасительными уставами бываютъ единственно тѣ, коихъ давно желаютъ лучшіе умы въ Государствѣ, и которые, такъ сказать, предчувствуются народомъ, будучи ближайшимъ цѣлебнымъ средствомъ на извѣстное зло: учрежденіе Министерствъ и Совѣта имѣло

для всѣхъ дѣйствіе внезапности. По крайней мѣрѣ, Авторы долженствовали изъяснить пользу своихъ новыхъ образованій: читаю и вижу однѣ сухія формы. Мнѣ чертятъ линіи для глазъ, оставляя мой умъ въ покоѣ. Говорятъ Россіянамъ: «было такъ, отнынѣ будетъ иначе». Для чего?—не сказываютъ. Петръ Великій въ важныхъ перемѣнахъ Государственныхъ давалъ отчетъ народу: взгляните на Регламентъ духовный, гдѣ Императоръ открываетъ вамъ всю душу свою, всѣ побужденія, причины и цѣль сего Устава. Вообще новые законодатели Россіи славятся наукою письмоводства болѣе, нежели наукою Государственною: издаютъ проэктъ Наказа Министерскаго,—что важнѣе и любопытнѣе?.. Тутъ, безъ сомнѣнія, опредѣлена сфера дѣятельности, цѣль, способы, должности каждаго Министра?.. Нѣтъ! брошено нѣсколько словъ о главномъ дѣлѣ, а все другое относится къ мелочамъ Канцелярскимъ: сказываютъ, какъ переписываться Министерскимъ Департаментамъ между собою, какъ входятъ и выходятъ бумаги, какъ Государь начинаетъ и кончитъ свои рескрипты!.. Монтескье означаетъ признаки возвышенія, или паденія Имперіи. Авторъ сего проэкта съ такою же важностію даетъ правила судить о цвѣтущемъ и худомъ состояніи Канцелярій. Искренно хвалю его знанія въ сей части, но осуждаю постановленіе: «Если Государь издаетъ Указъ, несогласный съ мыслями Министра, то Министръ не скрѣпляетъ

онаго своею подписью». Слѣдственно, въ Государствѣ Самодержавномъ, Министръ имѣетъ законное право объявить публикѣ, что выходящій Указъ, по его мнѣнію, вреденъ? Министръ есть рука Вѣнценосца,— не болѣе! рука не судитъ головы. Министръ подписываетъ Именные Указы не для публики, а для Императора, во увѣреніе, что они написаны, слово въ слово, такъ, какъ Государь приказалъ. Подобныя ошибки въ коренныхъ Государственныхъ понятіяхъ едва ли извинительны. Чтобы опредѣлить важную отвѣтственность Министра, Авторъ пишетъ: «Министръ судится въ двухъ случаяхъ: когда преступитъ мѣру власти своей, или когда не воспользуется данными ему способами для отвращенія зла». Гдѣ же означена сія мѣра власти и сіи способы? Прежде надобно дать законъ, а послѣ говорить о наказаніи преступника. Сія громогласная отвѣтственность Министровъ въ самомъ дѣлѣ можетъ ли быть предметомъ торжественнаго суда въ Россіи? Кто ихъ избираетъ? Государь. Пусть онъ награждаетъ достойныхъ своею милостію, а въ противномъ случаѣ, удаляетъ недостойныхъ, безъ шума, тихо и скромно. Худой Министръ есть ошибка Государева: должно исправлять подобныя ошибки, но скрытно, чтобы народъ имѣлъ довѣренность къ личнымъ выборамъ Царскимъ.

Разсматривая такимъ образомъ сіи новыя Государственныя творенія и видя ихъ незрѣлость, добрые

Россіяне жалѣютъ о бывшемъ порядкѣ вещей. Съ Сенатомъ, съ Коллегіями, съ Генералъ-Прокуроромъ у насъ шли дѣла, и прошло блестящее Царствованіе Екатерины II. Всѣ мудрые законодатели, принуждаемые измѣнять уставы политическіе, старались, какъ можно менѣе, отходить отъ старыхъ. «Если число и власть сановниковъ необходимо должны быть перемѣнены», говоритъ умный Макіавель: «то удержите хотя имя ихъ для народа». Мы поступаемъ совсѣмъ иначе: оставляемъ вещь, гонимъ имена, для произведенія того же дѣйствія вымышляемъ другіе способы! Зло, къ которому мы привыкли, для насъ чувствительно менѣе новаго, а новому добру какъ-то не вѣрится. Перемѣны сдѣланныя не ручаются за пользу будущихъ: ожидаютъ ихъ болѣе со страхомъ, нежели съ надеждою, ибо къ древнимъ Государственнымъ зданіямъ прикасаться опасно. Россія же существуетъ около 1000 лѣтъ и не въ образѣ дикой Орды, но въ видѣ Государства великаго, а намъ все твердятъ о новыхъ образованіяхъ, о новыхъ уставахъ, какъ будто бы мы недавно вышли изъ темныхъ лѣсовъ Американскихъ! Требуемъ болѣе мудрости хранительной, нежели творческой. Если Исторія справедливо осуждаетъ Петра I за излишнюю страсть его къ подражанію иноземнымъ Державамъ, то оно въ наше время не будетъ ли еще страшнѣе? Гдѣ, въ какой землѣ Европейской блаженствуетъ народъ, цвѣтетъ правосудіе, сіяетъ благо-

устройство, сердца довольны, умы спокойны?... Во Франціи?... Правда, тамъ есть Conseil d'État, Secrétaire d'État, Sénat conservateur, Ministres de l'Intérieur, de la Justice, des Finances, de l'Instruction publique, de la Police, des Cultes,—правда, что Екатерина II не имѣла ни сихъ правительствъ, ни сихъ чиновниковъ. Но гдѣ видимъ гражданское общество, согласное съ истинною цѣлію онаго,—въ Россіи ли при Екатеринѣ II, или во Франціи при Наполеонѣ? Гдѣ болѣе произвола и прихотей самовластія? Гдѣ болѣе законнаго, единообразнаго теченія въ дѣлахъ Правительства? Мы читаемъ въ прекрасной душѣ Александра сильное желаніе утвердить въ Россіи дѣйствіе закона... Оставивъ прежнія формы, но двигая, такъ сказать, оныя постояннымъ духомъ ревности къ общему добру, онъ скорѣе могъ бы достигнуть сей цѣли и затруднилъ бы для наслѣдниковъ отступленіе отъ законнаго порядка. Гораздо легче отмѣнить новое, нежели старое; гораздо легче придать важности Сенату, нежели дать важность нынѣшнему Совѣту въ глазахъ будущаго преемника Александрова; новости ведутъ къ новостямъ и благопріятствуютъ необузданностямъ произвола.

Скажемъ ли, повторимъ ли, что одна изъ главныхъ причинъ неудовольствія Россіянъ на нынѣшнее Правительство есть излишняя любовь его къ Государственнымъ преобразованіямъ, которыя потрясаютъ

основу Имперіи, и коихъ благотворность остается доселѣ сомнительною.

Теперь пройдемъ въ мысляхъ нѣкоторыя временныя и частныя постановленія Александрова Царствованія; посмотримъ, какія мѣры брались въ обстоятельствахъ важныхъ и что было ихъ слѣдствіемъ.

Наполеонъ, однимъ махомъ разрушивъ дотолѣ знаменитую Державу Прусскую, стремился къ нашимъ границамъ. Никто изъ добрыхъ Россіянъ не былъ покоенъ: всѣ чувствовали необходимость усилій чрезвычайныхъ и ждали, что сдѣлаетъ Правительство. Выходитъ Манифестъ о милиціи.... Вѣрю, что Совѣтники Государевы имѣли доброе намѣреніе, но худо знали состояніе Россіи. Вооружить 600000 человѣкъ, не имѣя оружія въ запасѣ! прокормить ихъ безъ средства везти хлѣбъ за ними, или изготовить его въ тѣхъ мѣстахъ, куда имъ итти *(не?)* надлежало! Гдѣ взять столько Дворянъ для предводительства? Во многихъ Губерніяхъ недоставало и половины чиновниковъ. Изумили Дворянъ, испугали земледѣльцевъ; подвозы, работы остановились; съ горя началось пьянство между крестьянами; ожидали и дальнѣйшихъ неистовствъ. Богъ защитилъ насъ. Нѣтъ сомнѣнія, что благородные сыны Отечества готовы были тогда на великодушныя жертвы, но скоро общее усердіе простыло: увидѣли, что Правительство хотѣло невозможнаго; довѣренность къ нему ослабѣла, и люди, въ

первый разъ читавшіе Манифестъ съ слезами, чрезъ нѣсколько дней начали смѣяться надъ жалкою милиціею! Наконецъ, уменьшили число ратниковъ... Имѣли 7 мѣсяцевъ времени—и не дали Арміи никакой сильной подмоги! За то—миръ Тильзитскій..... Еслибы Правительство, вмѣсто необыкновенной для насъ милиціи, потребовало отъ Государства 150/т. рекрутовъ съ хлѣбомъ, съ подводами, съ деньгами, то сіе бы не произвело ни малѣйшаго волненія въ Россіи и могло бы усилить нашу Армію прежде Фридландской битвы. Надлежало бы только не дремать въ исполненіи. Въ случаѣ Государственныхъ чрезвычайныхъ опасностей и жертвъ, главное правило есть дѣйствовать стремительно, не давать людямъ образумиться, не отступать въ мѣрахъ, не раздумывать. Я читалъ переписку Русскихъ Воеводъ при Лжедимитріи, когда мы не имѣли ни Царя, ни Совѣта Боярскаго, ни столицы: сіи Воеводы худо знали грамотѣ, но знали Россію и спасли ее самыми простѣйшими средствами, требуя другъ отъ друга, что каждый изъ нихъ могъ сдѣлать лучшаго по мѣстнымъ обстоятельствамъ своего Начальства. Сію статью заключу особеннымъ примѣчаніемъ. Во время милиціи всѣ жаловались на недостатокъ оружія и винили безпечность Начальства: не знаю, воспользовались ли мы опытомъ для нашей будущей безопасности? Арсеналы наполняются ли пушками и ружьями на всякой случай? Слышу только,

что славный Тульскій заводъ приходитъ въ упадокъ, что новыя паровыя машины дѣйствуютъ не весьма удачно и что новыя образцовыя ружья причиною разоренія мастеровъ... Такъ ли?

Всѣ намѣренія Александровы клонятся къ общему благу. Гнушаясь безсмысленнымъ правиломъ удержать умы въ невѣжествѣ, чтобы властвовать тѣмъ спокойнѣе, онъ употребилъ милліоны для основанія Университетовъ, Гимназій, школъ... Къ сожалѣнію, видимъ болѣе убытка для казны, нежели выгодъ для Отечества. Выписали Профессоровъ, не приготовивъ учениковъ; между первыми много достойныхъ людей, но мало полезныхъ; ученики не разумѣютъ иноземныхъ учителей, ибо худо знаютъ языкъ Латинскій, и число ихъ такъ невелико, что Профессоры теряютъ охоту ходить въ классы. Вся бѣда отъ того, что мы образовали свои Университеты по Нѣмецкимъ, не разсудивъ, что здѣсь иныя обстоятельства. Въ Лейпцигѣ, въ Геттингенѣ надобно Профессору только стать на каѳедру,— залъ наполнится слушателями. У насъ нѣтъ охотниковъ для высшихъ наукъ. Дворяне служатъ, а купцы желаютъ знать существенно Ариѳметику, или языки иностранные для выгоды своей торговли. Въ Германіи сколько молодыхъ людей учатся въ Университетахъ для того, чтобы сдѣлаться Адвокатами, Судьями, Пасторами, Профессорами!—наши Стряпчіе и Судьи не имѣютъ нужды въ знаніи Римскихъ правъ; наши

Священники образуются кое-какъ въ Семинаріяхъ и далѣе не идутъ, а выгоды ученаго состоянія въ Россіи такъ еще новы, что отцы не вдругъ рѣшатся готовить дѣтей своихъ для онаго. Вмѣсто 60 Профессоровъ, пріѣхавшихъ изъ Германіи въ Москву и другіе города, я вызвалъ бы не болѣе 20 и не пожалѣлъ бы денегъ для умноженія числа казенныхъ питомцевъ въ Гимназіяхъ; скудные родители, отдавая туда сыновей, благословляли бы милость Государя, и призрѣнная бѣдность, чрезъ 10, 15 лѣтъ, произвела бы въ Россіи ученое состояніе. Смѣю сказать, что нѣтъ инаго дѣйствительнѣйшаго средства для успѣха въ семъ намѣреніи. Строить, покупать домы для Университетовъ, заводить Библіотеки, Кабинеты, ученыя Общества, призывать знаменитыхъ иноземныхъ Астрономовъ, Филологовъ,—есть пускать въ глаза пыль. Чего не преподаютъ нынѣ даже въ Харьковѣ и Казани? А въ Москвѣ съ величайшимъ трудомъ можно найти учителя для языка Русскаго, а въ цѣломъ Государствѣ едва ли найдешь человѣкъ 100, которые совершенно знаютъ правописаніе, а мы не имѣемъ хорошей Грамматики, а въ Именныхъ Указахъ употребляются слова не въ ихъ смыслѣ: пишутъ въ важномъ Банковомъ учрежденіи: «отдать деньги безсрочно», вмѣсто: «à perpétuité»,—«безъ возврата»; пишутъ въ Манифестѣ о торговыхъ пошлинахъ: «сократить ввозъ товаровъ» и проч., и проч... Замѣтимъ

также нѣкоторыя странности въ семъ новомъ образованіи ученой части. Лучшіе Профессоры, коихъ время должно быть посвящено наукѣ, занимаются подрядами свѣчъ и дровъ для Университета! Въ сей кругъ хозяйственныхъ заботъ входитъ еще содержаніе ста, или болѣе, училищъ, подвѣдомыхъ Университетскому Совѣту. Сверхъ того, Профессоры обязаны ежегодно ѣздить по Губерніямъ для обозрѣнія школъ... Сколько денегъ и трудовъ потерянныхъ! Прежде хозяйство Университета зависѣло отъ его особой Канцеляріи—и гораздо лучше. Пусть Директоръ училищъ года въ два одинъ разъ осмотрѣлъ бы уѣздныя школы въ своей Губерніи; но смѣшно и жалко видѣть сихъ бѣдныхъ Профессоровъ, которые всякую осень трясутся въ кибиткахъ по дорогамъ! Они, не выходя изъ Совѣта, могутъ знать состояніе всякой Гимназіи, или школы по ея вѣдомостямъ: гдѣ много учениковъ, тамъ училище цвѣтетъ; гдѣ ихъ мало, тамъ оно худо; а причина едва ли не всегда одна: худые учители. Для чего не опредѣляютъ хорошихъ? Ихъ нѣтъ? или мало?.. Что виною?—Сонливость здѣшняго Педагогическаго Института (говорю только о Московскомъ, мнѣ извѣстномъ). Путешествія Профессоровъ не исправятъ сего недостатка. Вообще Министерство, такъ называемаго, Просвѣщенія въ Россіи донынѣ дремало, не чувствуя своей важности и, какъ бы, не вѣдая, что ему дѣлать, а пробуждалось, отъ времени до времени, единственно

для того, чтобы требовать денегъ, чиновъ и крестовъ отъ Государя.

Сдѣлавъ многое для успѣха наукъ въ Россіи и съ неудовольствіемъ видя слабую ревность Дворянъ въ снисканіи ученыхъ свѣдѣній въ Университетахъ, Правительство желало принудить насъ къ тому и выдало несчастный Указъ объ экзаменахъ. Отнынѣ никто не долженъ быть производимъ ни въ Статскіе Совѣтники, ни въ Ассессоры, безъ свидѣтельства о своей учености. Доселѣ въ самыхъ просвѣщенныхъ Государствахъ требовалось отъ чиновниковъ только необходимаго, для ихъ службы, знанія: науки Инженерной—отъ Инженера, Законовѣдѣнія—отъ Судьи и проч. У насъ Предсѣдатель Гражданской Палаты обязанъ знать Гомера и Ѳеокрита, Секретарь Сенатскій — свойство оксигена и всѣхъ газовъ. Вице-Губернаторъ — Пиѳагорову фигуру, Надзиратель въ домѣ сумасшедшихъ — Римское право, или умрутъ Коллежскими и Титулярными Совѣтниками. Ни 40-лѣтняя дѣятельность Государственная, ни важныя заслуги, не освобождаютъ отъ долга знать вещи, совсѣмъ для насъ чуждыя и безполезныя. Никогда любовь къ наукамъ не производила дѣйствія, столь несогласнаго съ ихъ цѣлію! Забавно, что сочинитель сего Указа, предписывающаго всѣмъ знать Риторику, самъ дѣлаетъ въ немъ ошибки грамматическія!.. Не будемъ говорить о смѣшномъ; замѣтимъ только вредное. Донынѣ

Дворяне и не Дворяне въ Гражданской службѣ искали у насъ чиновъ, или денегъ: первое побужденіе невинно, второе опасно: ибо умѣренность жалованья производитъ въ корыстолюбивыхъ охоту мздоимства. Теперь, не зная ни Физики, ни Статистики, ни другихъ наукъ, для чего будутъ служить Титулярные и Коллежскіе Совѣтники? Лучшіе, т. е. честолюбивые, возьмутъ отставку, худшіе, т. е. корыстолюбивые, останутся драть кожу съ живаго и мертваго. Уже видимъ и примѣры. Вмѣсто сего новаго постановленія надлежало бы только исполнить сказанное въ Уставѣ Университетскомъ, что впредь молодые люди, вступая въ службу, обязаны предъявлять свидѣтельство о своихъ знаніяхъ. Отъ начинающихъ можно всего требовать, но кто уже давно служитъ, съ тѣмъ нельзя, по справедливости, дѣлать новыхъ условій для службы; онъ посѣдѣлъ въ трудахъ, въ правилахъ чести и въ надеждѣ имѣть нѣкогда чинъ Статскаго Совѣтника, ему обѣщаннаго закономъ; а вы нарушаете сей контрактъ Государственный. И, вмѣсто всеобщихъ знаній, должно отъ каждаго человѣка требовать единственно нужныхъ для той службы, коей онъ желаетъ посвятить себя: Юнкеровъ Иностранной Коллегіи испытывайте въ Статистикѣ, Исторіи, Географіи, Дипломатикѣ, языкахъ; другихъ—только въ знаніяхъ Отечественнаго языка и Права Русскаго, а не Римскаго, для насъ безполезнаго; третьихъ — въ Геометріи,

буде они желаютъ быть землемѣрами и т. д. Хотѣть лишняго, или не хотѣть должнаго, равно предосудительно.

Указъ объ экзаменахъ былъ осыпанъ вездѣ язвительными насмѣшками; тотъ, о коемъ теперь хочу говорить, многихъ оскорбилъ и никого не порадовалъ, хотя самое святѣйшее человѣколюбіе внушило его мысль Государю. Слыхали мы о Дворянахъ-извергахъ, которые торговали людьми безчеловѣчно: купивъ деревню, выбирали крестьянъ, годныхъ въ солдаты и продавали ихъ врознь. Положимъ, что такіе звѣри были въ наше время,—надлежало бы грознымъ Указомъ запретить сей промыселъ и сказать, что имѣніе Дворянъ, столь недостойныхъ, будетъ отдаваемо въ Опеку. Губернаторы могли бы наблюдать за исполненіемъ. Вмѣсто сего, запрещаютъ продажу и куплю рекрутъ. Дотолѣ лучшіе земледѣльцы охотно трудились 10, 20 лѣтъ, чтобы скопить 700, или 800 рублей на покупку рекрута и тѣмъ сохранить цѣлость семьи своей,—нынѣ отнято отъ нихъ сильнѣйшее побужденіе благодѣтельнаго трудолюбія, промышленности, жизни трезвой. На что богатство родителю, когда оно не спасетъ любезнаго его сына? Правда, винные откупщики радуются, но отцы семействъ плачутъ. Для Государства необходимы рекруты,—лучше брать ихъ изъ людей злосчастныхъ, нежели счастливыхъ, ибо судьба послѣднихъ несравненно горестнѣе въ солдат-

ствѣ. Спрашиваю: крестьяне тирана-помѣщика, который, изъ жадности къ золоту, могъ бы продать ихъ въ рекруты, наслаждаются ли благоденствіемъ отъ того, что сія продажа запрещена? Можетъ быть, они сдѣлались бы менѣе злополучны въ полкахъ! Съ другой стороны, небогатые владѣльцы лишились средства сбывать худыхъ крестьянъ, или дворовыхъ людей съ пользою для себя и для общества; лѣнивый, невоздержный исправился бы въ строгой школѣ воинской; а работящій, трезвый, остался бы за сохою. Примѣръ также имѣлъ бы спасительное дѣйствіе: иной унялся бы отъ пьянства, зная, что Господинъ можетъ продать его въ рекруты. Чѣмъ теперь владѣлецъ мелкопомѣстный, коему нѣтъ очереди рекрутской, устрашитъ крестьянъ распутныхъ? Палкою? Изнурительнымъ трудомъ? Не полезнѣе ли имъ страшиться палки въ ротѣ? Скажутъ, что нынѣ у насъ лучше солдаты, но справедливо ли? Я спрашивалъ у Генераловъ,—они сего не примѣтили. По крайней мѣрѣ, вѣрно то, что крестьяне стали хуже въ селеніяхъ. Отецъ трехъ, иногда двухъ сыновей, заблаговременно готовитъ одного изъ нихъ въ рекруты и не женитъ его; сынъ знаетъ свою долю и пьянствуетъ, ибо добрымъ поведеніемъ не спасетъ себя отъ солдатства. Законодатель долженъ смотрѣть на вещи съ разныхъ сторонъ, а не съ одной; иначе, пресѣкая зло, можетъ сдѣлать еще болѣе зла.

Такъ, нынѣшнее Правительство имѣло, какъ увѣряютъ, намѣреніе дать господскимъ людямъ свободу. Должно знать происхожденіе сего рабства. Въ девятомъ, десятомъ, первомъ-на-десять вѣкѣ были у насъ рабами одни холопы, т. е., или военноплѣнные и купленные чужеземцы, или преступники, закономъ лишенные гражданства, или потомки ихъ; но богатые люди, имѣя множество холопей, населяли ими свои земли: вотъ первыя, въ нынѣшнемъ смыслѣ, крѣпостныя деревни. Сверхъ того, владѣлецъ принималъ къ себѣ вольныхъ хлѣбопашцевъ въ кабалу на условіяхъ, болѣе или менѣе стѣснявшихъ ихъ естественную и гражданскую свободу; нѣкоторые, получая отъ него землю, обязывались и за себя, и за дѣтей своихъ служить ему вѣчно—вторая причина сельскаго рабства! Другіе же крестьяне, и большая часть, нанимали землю у владѣльцевъ только за деньги, или за опредѣленное количество хлѣба, имѣя право по истеченіи урочнаго времени итти въ другое мѣсто. Сіи свободные переходы имѣли свое неудобство: вельможи и богатые люди сманивали къ себѣ вольныхъ крестьянъ отъ владѣльцевъ малосильныхъ, которые, оставаясь съ пустою землею, лишались способа платить Государственныя повинности. Царь Борисъ отнялъ первый у всѣхъ крестьянъ волю переходить съ мѣста на мѣсто, т. е. укрѣпилъ ихъ за господами,—вотъ начало общаго рабства. Сей уставъ измѣнялся, ограничивался,

имѣлъ исключенія и долгое время служилъ поводомъ къ тяжбамъ, наконецъ, утвердился во всей силѣ—и древнее различіе между крестьянами и холопями совершенно исчезло. Слѣдуетъ: 1) что нынѣшніе господскіе крестьяне не были никогда владѣльцами, т. е., не имѣли собственной земли, которая есть законная, неотъемлемая собственность Дворянъ. 2) Что крестьяне холопскаго происхожденія—также законная собственность Дворянская, и не могутъ быть освобождены лично безъ особеннаго нѣкотораго удовлетворенія помѣщикамъ. 3) Что одни вольные, Годуновымъ укрѣпленные за господами, земледѣльцы могутъ, по справедливости, требовать прежней свободы; но какъ—4) мы не знаемъ нынѣ, которые изъ нихъ происходятъ отъ холопей и которые отъ вольныхъ людей, то Законодателю предстоитъ немалая трудность въ распутываніи сего узла Гордіева, если онъ не имѣетъ смѣлости разсѣчь его, объявивъ, что всѣ люди равно свободны: потомки военноплѣнныхъ, купленныхъ, законныхъ невольниковъ, и потомки крѣпостныхъ земледѣльцевъ,—что первые освобождаются правомъ естественнымъ такъ же, какъ вторые—правомъ Монарха Самодержавнаго отмѣнять Уставы своихъ предшественниковъ. Не вступая въ дальнѣйшій споръ, скажемъ только, что въ Государственномъ общежитіи право естественное уступаетъ Гражданскому, и что благоразумный Самодержецъ отмѣняетъ единственно

тѣ Уставы, которые дѣлаются вредными, или недостаточными и могутъ быть замѣнены лучшими.

Что значитъ освободить у насъ крестьянъ? Дать имъ волю жить, гдѣ угодно, отнять у господъ всю власть надъ ними, подчинить ихъ одной власти Правительства. Хорошо. Но сіи земледѣльцы не будутъ имѣть земли, которая—въ чемъ не можетъ быть и спора—есть собственность Дворянская. Они, или останутся у помѣщиковъ, съ условіемъ платить имъ оброкъ, обработывать господскія поля, доставлять хлѣбъ куда надобно, однимъ словомъ, для нихъ работать, какъ и прежде,—или, недовольные условіями, пойдутъ къ другому, умѣреннѣйшему въ требованіяхъ, владѣльцу. Въ первомъ случаѣ, надѣясь на естественную любовь человѣка къ родинѣ, господа не предпишутъ ли имъ самыхъ тягостныхъ условій? Дотолѣ щадили они въ крестьянахъ свою собственность, — тогда корыстолюбивые владѣльцы захотятъ взять съ нихъ все возможное для силъ физическихъ: напишутъ контрактъ, и земледѣльцы не исполнятъ его,—тяжбы, вѣчныя тяжбы!.. Во второмъ случаѣ, буде крестьянинъ нынѣ здѣсь, а завтра тамъ, казна не потерпитъ ли убытка въ сборѣ подушныхъ денегъ и другихъ податей? не потерпитъ ли и земледѣліе? Не останутся ли многія поля не обработанными, многія житницы пустыми? Не вольные земледѣльцы, а Дворяне наиболѣе снабжаютъ у насъ рынки хлѣбомъ. Иное зло: уже не

завися отъ суда помѣщиковъ, рѣшительнаго, безденежнаго, крестьяне начнутъ ссориться между собою и судиться въ городѣ,—какое разореніе!.. Освобожденные отъ надзора господъ, имѣвшихъ собственную земскую исправу, или Полицію, гораздо дѣятельнѣйшую всѣхъ Земскихъ Судовъ, станутъ пьянствовать, злодѣйствовать,—какая богатая жатва для кабаковъ и мздоимныхъ исправниковъ, но какъ худо для нравовъ и Государственной безопасности! Однимъ словомъ, теперь Дворяне, разсѣянные по всему Государству, содѣйствуютъ Монарху въ храненіи тишины и благоустройства: отнявъ у нихъ сію власть блюстительную, онъ, какъ Атласъ, возьметъ себѣ Россію на рамена—удержитъ ли?.. Паденіе страшно. Первая обязанность Государя есть блюсти внутреннюю и внѣшнюю цѣлость Государства; благотворить состояніямъ и лицамъ есть уже вторая. Онъ желаетъ сдѣлать земледѣльцевъ счастливѣе свободою; но ежели сія свобода вредна для Государства? и будутъ ли земледѣльцы счастливы, освобожденные отъ власти господской, но преданные въ жертву ихъ собственнымъ порокамъ, откупщикамъ и судьямъ безсовѣстнымъ? Нѣтъ сомнѣнія, что крестьяне благоразумнаго помѣщика, который довольствуется умѣреннымъ оброкомъ, или десятиною пашни на тягло, счастливѣе казенныхъ, имѣя въ немъ бдительнаго Попечителя и заступника. Не лучше ли подъ рукою взять мѣры для обузданія господъ жестокихъ? Они извѣстны Начальни-

камъ Губерній. Ежели послѣдніе вѣрно исполнятъ свою должность, то первыхъ скоро не увидимъ; а ежели не будетъ въ Россіи умныхъ и честныхъ Губернаторовъ, то не будетъ благоденствія и для поселянъ вольныхъ. Не знаю, хорошо ли сдѣлалъ Годуновъ, отнявъ у крестьянъ свободу (ибо тогдашнія обстоятельства не совершенно извѣстны), но знаю, что теперь имъ неудобно возвратить оную. Тогда они имѣли навыкъ людей вольныхъ,—нынѣ имѣютъ навыкъ рабовъ. Мнѣ кажется, что для твердости бытія Государственнаго, безопаснѣе поработить людей, нежели дать имъ не во-время свободу, для которой надобно готовить человѣка исправленіемъ нравственнымъ; а система нашихъ винныхъ откуповъ, и страшные успѣхи пьянства служатъ ли къ тому спасительнымъ приготовленіемъ? Въ заключеніе, скажемъ доброму Монарху: «Государь! Исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое прежде тебя существовало (положимъ, что неволя крестьянъ и есть рѣшительное зло), — но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ Уставовъ».

Не осуждаю Александрова закона, дающаго право селеніямъ откупаться отъ господъ съ ихъ согласія; но многіе ли столь богаты? Многіе ли захотятъ отдать послѣднее за вольность? Крестьяне человѣколюбивыхъ владѣльцевъ довольны своею участію; крестьяне худыхъ— бѣдны: то и другое мѣшаетъ успѣху сего Закона.

Къ важнѣйшимъ дѣйствіямъ нынѣшняго Царствованія относятся мѣры, взятыя для уравненія доходовъ съ расходами, для приведенія въ лучшее состояніе торговли и вообще Государственнаго хозяйства. Двѣ несчастныя войны Французскія, Турецкая и, въ особенности, Шведская заставили казну умножить количество ассигнацій; случилось необходимое: цѣны на вещи возвысились, и курсъ упалъ; а разрывъ съ Англіею довершилъ сіе бѣдствіе. Грузные товары наши могутъ быть единственно отпускаемы моремъ; число иностранныхъ кораблей въ Россійскихъ гаваняхъ уменьшилось, а произведенія фабрикъ Европейскихъ, легкія, драгоцѣнныя, входили къ намъ и моремъ, и сухимъ путемъ. Исчезло всякое равновѣсіе между ввозомъ и вывозомъ. Таково было состояніе вещей, когда показался Манифестъ о налогахъ; вмѣсто того, чтобы сказать просто: «необходимое умноженіе казенныхъ расходовъ требуетъ умноженія доходовъ, а новыхъ ассигнацій не хотимъ выпускать»,—Правительство торжественно объявило намъ, что ассигнаціи не деньги, но составляютъ необъятную сумму долговъ Государственныхъ, требующихъ платежа металломъ, коего нѣтъ въ казнѣ!... Слѣдствіемъ было новое возвышеніе цѣнъ на всѣ вещи и паденіе курса. Первое—отъ новыхъ налоговъ, второе, отъ уменьшенія довѣренности иноземцевъ къ нашимъ ассигнаціямъ, торжественно оглашеннымъ сомнительными

векселями. Скажемъ о томъ и другомъ нѣсколько словъ.

Умножать Государственные доходы новыми налогами есть способъ весьма ненадежный и только временный. Земледѣлецъ, заводчикъ, фабрикантъ, обложенные новыми податями, всегда возвышаютъ цѣны на свои произведенія, необходимыя для казны, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ открываются въ ней новые недостатки. Напр., за что Коммиссаріатъ платилъ въ началѣ года 10/т. руб., за то, вслѣдствіе прибавленныхъ налоговъ, подрядчики требуютъ 15/т. руб.! Опять надобно умножать налоги и такъ до безконечности! Государственное хозяйство не есть частное: я могу сдѣлаться богатѣе отъ прибавки оброка на крестьянъ моихъ, а Правительство не можетъ, ибо налоги его суть общіе и всегда производятъ дороговизну. Казна богатѣетъ только двумя способами: размноженіемъ вещей, или уменьшеніемъ расходовъ, промышленностію, или бережливостію. Если годъ отъ года будетъ у насъ болѣе хлѣба, суконъ, кожъ, холста, то содержаніе Армій должно стоить менѣе, а тщательная экономія богатѣе золотыхъ рудниковъ. Милліонъ, сохраненный въ казнѣ за расходами, обращается въ два; милліонъ, налогомъ пріобрѣтенный, уменьшается нынѣ въ половину, завтра будетъ нулемъ. Искренно хваля Правительство за желаніе способствовать въ Россіи успѣхамъ земледѣлія и скотоводства, похвалимъ

ли за бережливость? Гдѣ она? Въ уменьшеніи Дворцовыхъ расходовъ? Но бережливость Государя не есть Государственная! Александра называютъ даже скупымъ; но сколько изобрѣтено новыхъ мѣстъ, сколько чиновниковъ ненужныхъ! Здѣсь три Генерала стерегутъ туфли Петра Великаго; тамъ одинъ человѣкъ беретъ изъ 5 мѣстъ жалованье; всякому—столовыя деньги; множество пенсій излишнихъ; даютъ въ займы безъ отдачи и кому?—богатѣйшимъ людямъ! Обманываютъ Государя проэктами, заведеніями на бумагѣ, чтобы грабить казну... Непрестанно на Государственное иждивеніе ѣздятъ Инспекторы, Сенаторы, чиновники, не дѣлая ни малѣйшей пользы своими объѣздами; всѣ требуютъ отъ Императора домовъ—и покупаютъ оные двойною цѣною изъ суммъ Государственныхъ, будто бы для общей, а въ самомъ дѣлѣ для частной выгоды, и проч., и проч... Однимъ словомъ, отъ начала Россіи не бывало Государя, столь умѣреннаго въ своихъ особенныхъ расходахъ, какъ Александръ,—и царствованія, столь расточительнаго, какъ Его! Въ числѣ такихъ несообразностей замѣтимъ, что мы, предписывая Дворянству бережливость въ Указахъ, видимъ Гусарскихъ Армейскихъ офицеровъ въ мундирахъ, облитыхъ серебромъ и золотомъ! Сколько жалованья симъ людямъ? и чего стоитъ мундиръ? Полки красятся не одеждою, а дѣлами. Мало остановить нѣкоторыя казенныя строенія и работы, мало сберечь тѣмъ 20/м.,—

не надобно тѣшить безстыднаго корыстолюбія многихъ знатныхъ людей, надобно бояться всякихъ новыхъ штатовъ, уменьшить число тунеядцевъ на жалованьѣ, отказывать невѣждамъ, требующимъ денегъ для мнимаго успѣха наукъ, и, гдѣ можно, ограничить роскошь самыхъ частныхъ людей, которая въ нынѣшнемъ состояніи Европы и Россіи вреднѣе прежняго для Государства.

Обратимся къ ассигнаціямъ. Многіе простодушные, впрочемъ, неглупые люди донынѣ думаютъ, что Совѣтники Правительства въ семъ случаѣ имѣли свои тайные виды и хотѣли умышленно повредить Государственному кредиту. Я изъясняю себѣ загадку, какъ и въ другихъ случаяхъ, одною извѣстною хвастливостію неосновательныхъ умовъ и не менѣе извѣстною ихъ охотою умничать. Доселѣ назывались въ Россіи Государственными долгами только тѣ суммы, которыя наше Правительство занимало въ Голландіи, или въ другихъ земляхъ; никто не причислялъ ассигнацій къ онымъ, и всякой считалъ ихъ деньгами, ибо онѣ служили, какъ деньги въ куплѣ. Жители Мальдивскихъ острововъ не знаютъ иной монеты, кромѣ ничтожныхъ раковинъ, имѣя торговлю внутреннюю и внѣшнюю. Кто даетъ цѣну деньгамъ? Правительство, объявляя, что оно будетъ принимать ихъ въ дань народную вмѣсто такихъ и такихъ вещей. Если бы Государь далъ намъ клейменныя щепки и велѣлъ хо-

дить имъ вмѣсто рублей, нашедши способъ предохранять насъ отъ фальшивыхъ монетъ деревянныхъ, то мы взяли бы и щепки. Монеты введены не для дѣланія изъ нихъ сосудовъ, пуговицъ, табакерокъ, но для оцѣнки вещей и сравненія ихъ между собою. Пусть металлическая монета, какъ доказываютъ Бюшъ и другіе, есть наилучшая, уже бывъ извѣстною и во времена Іова; но сильное Государство, богатое вещами, должно ли признать себя нищимъ, должно ли не имѣть ни Арміи, ни флотовъ для того, что у него, по обстоятельствамъ, нѣтъ въ избыткѣ ни серебра, ни золота? Самое золото имѣетъ гораздо болѣе вообразительнаго, нежели внутренняго достоинства. Кто бы за его блесточку отдалъ зимою теплую шубу, если бы оно цѣнилось только по своей собственной пользѣ? Но отдаю шубу и беру блесточку, когда могу обойтись безъ первой, а на вторую купить себѣ кафтанъ. Если мнѣ даютъ кафтанъ и за бумажку, то бумажка и блесточка для меня равно драгоцѣнны. Ассигнаціи уменьшаются въ цѣнѣ отъ своего размноженія; золото и серебро также. Открытіе Америки произвело въ оцѣнкѣ Европейскихъ товаровъ дѣйствіе, подобное тому, что видимъ нынѣ въ Россіи отъ ассигнацій. Сей законъ соразмѣрности непреложенъ. Отъ IX до XIV вѣка предки наши не имѣли собственной металлической монеты, а единственно кожаные, Правительствомъ заклеймованные лоскутки, называемые ку-

нами, т. е. ассигнаціями, и торговали съ Востокомъ и Западомъ, съ Греціею, съ Персіею, съ Нѣмецкою Ганзою; отъ IX в. до 1228 года лоскутки сіи не унижались въ цѣнѣ относительно къ серебру, ибо Правительство не расточало ихъ,—но унизились до крайности, бывъ послѣ того размножены неумѣренно. Достойно примѣчанія, что сіи кожаныя ассигнаціи были у насъ замѣнены серебряною и мѣдною монетою въ самыя мятежныя и варварскія времена ига Ханскаго, когда Баскаки уважались болѣе Князей. Татары не хотѣли брать кунъ, а требовали серебра. Россіянинъ могъ откупиться отъ мукъ, отъ смерти, отъ неволи кускомъ сего металла; отдавалъ за него все, что имѣлъ и съ презрѣніемъ отвергалъ куны, такъ что онѣ сами собою долженствовали исчезнуть. Прежде серебро шло въ Кіевъ изъ Греціи, послѣ въ Новгородъ изъ Сибири чрезъ Югорію, туда же изъ Нѣмецкой земли, чрезъ города Анзеатическіе, наконецъ, въ Москву изъ самой Орды, съ коею мы завели торговлю. Но количество добываемыхъ купечествомъ металловъ было столь невелико, что Россіяне, отмѣнивъ куны, внутри Государства долженствовали, большею частію, мѣняться вещами,—дѣло, весьма неблагопріятное для успѣховъ торговли и слѣдствіе варварства! Царь Іоаннъ Васильевичъ истощилъ казну многими, дотолѣ необыкновенными, расходами и, видя недостатокъ серебра, снова думалъ ввести кожаныя

деньги. Хотя торговля съ Англіею и пріобрѣтеніе богатой Сибири съ ея рудниками надѣляли насъ изряднымъ количествомъ металловъ, однакожъ Петръ Великій нуждался въ оныхъ, и серебро въ Россіи было тогда дороже, нежели въ другихъ земляхъ Европейскихъ,—почему купцы иноземные охотно привозили къ намъ червонцы и талеры. Несмотря на то, рѣдкость денегъ препятствовала успѣхамъ торговли внутри Государства: изъ самыхъ отдаленныхъ Губерній возили въ столицу сухимъ путемъ хлѣбъ и другія дешевыя вещи, ибо не могли продавать ихъ на мѣстѣ. Въ Петербургѣ, въ Архангельскѣ, въ Москвѣ сыпалось золото и серебро,—въ Симбирскѣ, въ Пензѣ, въ Воронежѣ едва показывалось. Въ бумагахъ временъ Императрицы Анны и Правительницы видимъ жалобы умнѣйшаго изъ Россійскихъ Министровъ на великой недостатокъ въ легкой монетѣ: Остерманъ предполагалъ нѣсколько разъ закупить большое количество серебра въ Голландіи, не имѣвъ мысли объ ассигнаціяхъ, и едва ли знавъ, что Россія въ новомъ Государственномъ порядкѣ Европы первая и столь долго употребляла оныя. Наконецъ, Екатерина II изданіемъ ассигнацій сперва изумила, но скоро облегчила народъ во всѣхъ платежахъ и торговыхъ сдѣлкахъ. Увидѣли удобность и пользу. Дотолѣ заемные и купеческіе обороты производились у насъ векселями, — съ сего времени ассигнаціи заступили мѣсто векселей и рас-

пространили внутреннюю торговлю. Правительство обязывалось выдавать металлическія деньги за оныя; но знало, что публика, однажды навсегда удостовѣренная въ дѣйствительности бумажекъ, станетъ требовать отъ Банка единственно малыхъ суммъ, нужныхъ для мелочныхъ расходовъ. Такъ и было въ Царствованіе Екатерины къ пользѣ Государственной и народной: казна пріобрѣла знатный капиталъ и могла въ чрезвычайныхъ случаяхъ обходиться безъ умноженія податей; народъ пересталъ нуждаться въ деньгахъ, и серебро, уже менѣе необходимое, долго держалось въ одной цѣнѣ съ ассигнаціями, послѣ возвысилось бездѣлицею, потомъ болѣе и, наконецъ, въ $1^1/_2$ раза, вмѣстѣ съ постепеннымъ возвышеніемъ всѣхъ иныхъ цѣнъ,—необходимое слѣдствіе прибавки 200/м. къ денежной суммѣ, бывшей у насъ дотолѣ въ обращеніи. Гдѣ мало денегъ, тамъ вещи дешевы,—гдѣ много первыхъ, тамъ послѣднія дороги. Серебряная монета, замѣненная ассигнаціями, сдѣлалась въ отношеніи къ нимъ дороже, не какъ монета, предпочитаемая бумажкамъ, но какъ товаръ. Стали замѣчать общую дороговизну, которая, однакожъ, не выходила изъ мѣры и не была рѣшительнымъ зломъ. Справедливо жаловались на Правительство, когда оно въ послѣдніе годы Екатеринина Царствованія не могло удовлетворять народному требованію въ выдачѣ мелкой размѣнной монеты. Время Павлово не произвело ни-

какой важной перемѣны въ Государственномъ хозяйствѣ, ибо казна не умножала ассигнацій. Но въ нынѣшнее Царствованіе излились оныя рѣкою,—и вещи удвоились, утроились въ цѣнѣ. Не осуждаемъ Правительства за выпускъ, можетъ быть, 500/м. бумажныхъ рублей. Находились ли иные, лучшіе способы для удовлетворенія Государственнымъ потребностямъ? Не знаю, даже сомнѣваюсь!.. Но когда сдѣлалось неминуемое зло, то надобно размыслить и взять мѣры въ тишинѣ, не ахать, не бить въ набатъ, отъ чего зло увеличивается. Пусть Министры будутъ искренни предъ лицемъ одного Монарха, а не предъ народомъ! Сохрани Боже, если они будутъ слѣдовать иному правилу,—обманывать Государя и сказывать всякую истину народу! Объявите, что отнынѣ фабрика ассигнаціонная останется безъ дѣла. Хорошо, но къ чему толковать слова: «Объявителю платитъ Государственный Банкъ» и проч. Я позволилъ бы сказать Вамъ, что ассигнаціи не деньги, если бы Вы могли отворить Банки и ящики, наполненные серебромъ, для вымѣна бумажекъ; позволилъ бы сказать, что ассигнаціи не деньги, если бы у насъ были другія. Какія же? серебряныя? мѣдныя? Сколько ихъ теперь въ Россіи? и думаете ли, что бѣдная сумма оныхъ могла бы удовольствовать Государство въ торговыхъ его оборотахъ? Въ древней Россіи ходили куны вмѣстѣ съ серебромъ и золотомъ, въ новой—ходятъ ассиг-

націи вмѣстѣ съ металлами, тогда и нынѣ рѣдкими. Кожаный лоскутокъ не лучше бумажнаго, но древніе Князья Кіевскіе, Славянскіе, Новгородскіе не изъясняли народу, что куны—вексель,—и Россія 500 л. довольствовалась оными, благословляя сіе счастливое изобрѣтеніе: привычка сильнѣе мудрованія! Несмотря на вексельную форму ассигнацій, мы не считали Государя должникомъ своимъ, не ждали отъ него платы за бумажки, не освѣдомлялись о состояніи казны, будучи довольны тѣмъ, что мы имѣли за нихъ всѣ вещи по желанію. Пусть ассигнаціи—вексель, но Государственный, свойствомъ отличный отъ Купеческаго, или Гражданскаго. Правительство впускаетъ ихъ въ обращеніе подъ видомъ векселей; но, вошедши въ общее употребленіе, онѣ уже дѣлаются монетою тамъ, гдѣ нѣтъ иной въ достаточномъ количествѣ. Необходимость есть Законъ для Правительства и народа. Если бы купецъ сказалъ о своихъ заемныхъ письмахъ то, что въ Манифестѣ сказано объ ассигнаціяхъ; если бы объявилъ торжественно, что надавалъ ихъ непомѣрное множество и крайне заботится о слѣдствіяхъ,—едва ли бы кто на другой день согласился продать ему свое имѣніе на вексель; а за наши ассигнаціи и теперь продаютъ все. Онѣ унизились цѣною въ отношеніи къ вещамъ не для того, чтобы лишились довѣрія, или кредита, но слѣдуя общему закону соразмѣрности между вещами и деньгами; однимъ

словомъ, вопреки Манифесту, ассигнаціи и теперь остаются у насъ деньгами, ибо иныхъ не имѣемъ; но купцы иноземные, купцы, гораздо ученнѣйшіе Россіянъ въ языкѣ и въ признакѣ Государственнаго банкротства, усумнились имѣть дѣла съ нами,—курсъ упадалъ болѣе и болѣе, уменьшая цѣну Россійскихъ произведеній для иноземцевъ и возвышая оную для насъ самихъ.

Что сказать о такъ называемомъ Разумѣ Манифеста, всюду разосланномъ вмѣстѣ съ онымъ? Надобно, чтобъ разумъ находился въ самомъ Манифестѣ, а не въ особенномъ твореніи какого нибудь школьника-Секретаря, который съ смѣшною важностію толкуетъ самъ слова повтореніемъ ихъ, или перестановкою, гордо объявляя, что одни слабоумные считаютъ нужнымъ переливъ монеты сообразно съ ея нынѣшнею цѣною и что пудъ мѣди, стоющій во всѣхъ другихъ вещахъ 40 р., въ деньгахъ долженъ ходить за 16 р.; ибо, если мы изъ мѣднаго рубля сдѣлаемъ два, то всѣ цѣны удвоятся. Нѣтъ, Г. Изъяснитель,—мѣдная монета есть у насъ только размѣнная, въ коей мы теперь имѣемъ крайнюю нужду и которая уменьшается отъ тайнаго переплавливанія въ вещи, или отъ вывоза въ чужія земли. Не надобно изъ рубля мѣди безъ необходимости дѣлать десяти, чтобы не было фальшивой монеты; но не должно дѣлать и 16 р. изъ 40, чтобы монету не переплавливали

въ кубы и проч. Ни въ какомъ Государствѣ металлы не ходятъ въ деньгахъ ниже своей цѣны. Вопреки сему Разуму Правительство уставило перемѣнить мѣдную монету и сдѣлать изъ 16—24 р.; для чего же не не 40, не 50? Не такъ легко дѣланіе фальшивой монеты, если бы мѣдь чрезъ нѣсколько времени и весьма унизилась въ цѣнѣ, чему доказательствомъ служитъ собственный нашъ примѣръ, когда мѣдныя деньги со временъ Петра Великаго ходили въ Россіи несравненно выше своего внутренняго достоинства. Всѣ жалуются на Правительство, что оно, имѣя дѣйствительно способъ доставить намъ все нужное для размѣна количество мѣдной монеты, позволяетъ мѣновщикамъ грабить людей. Торгуютъ даже и мелкими ассигнаціями,—неужели Совѣтникамъ Банка трудно ихъ подписывать, или жаль бумаги?

Я развертывалъ книги о Государственномъ хозяйствѣ, слыхалъ, какъ люди ученые судятъ о нынѣшнемъ хозяйственномъ состояніи Россіи, и замѣчалъ болѣе словъ, нежели мыслей, болѣе мудрованій, нежели ясныхъ понятій. Зло не такъ велико, какъ думаютъ. Все дорого, правда, но, съ умноженіемъ расходовъ, не прибавились ли и доходы? Владѣлецъ, имѣющій деревни на пашнѣ, или фабрики, не терпитъ отъ дороговизны, купцы также. Господинъ оброчныхъ крестьянъ терпитъ болѣе, или менѣе; денежные капиталисты и люди, живущіе жалованьемъ, болѣе всѣхъ

теряютъ. Сравнивая выгоды и невыгоды, вижу, что нынѣшняя дороговизна есть вообще зло, а какъ она произошла отъ умноженія ассигнацій, то надобно ли уменьшить ихъ количество?

«Надобно»—думаетъ Правительство и взяло мѣры учредить Заемный Банкъ и продаетъ казенныя имѣнія... Желательно, чтобъ сіе намѣреніе не совсѣмъ исполнилось,—иначе явится другое зло, которое въ теченіе минувшаго лѣта едвали кто нибудь могъ предвидѣть.

Цѣны на вещи возвышались не только по соразмѣрности прибавляемыхъ ассигнацій, но и по вѣроятностямъ ихъ будущаго выпуска, также вслѣдствіе новыхъ податей и низкаго курса. Дороговизна ежедневно возрастала. Въ пятницу хотѣли взять за товаръ болѣе, нежели въ четвергъ; въ субботу—болѣе, нежели въ пятницу, слѣдуя иногда привычкѣ и вкусу слѣпаго корыстолюбія. Уже не дѣйствуетъ сила, приведшая въ дѣйствіе шаръ, но шаръ еще катится... Вѣрятъ—и не вѣрятъ, что бы казна перестала издавать новыя ассигнаціи. Наконецъ, открывается нечаяность: большая нужда въ деньгахъ, т. е., въ ассигнаціяхъ! Купцы въ Москвѣ съ изумленіемъ спрашиваютъ другъ у друга, куда онѣ дѣвались, и предлагаютъ заимодавцамъ три процента на мѣсяцъ. Ассигнацій не убыло, но, по дороговизнѣ, дѣлается мало, т. е., излишне высокія цѣны въ послѣднее время вышли изъ сораз-

мѣрности съ суммою оныхъ. Напр., купецъ имѣлъ прежде 10000 р. въ капиталѣ,—нынѣ имѣетъ 15/т., но какъ цѣна покупаемаго имъ товара удвоилась, то онъ, чтобы не уменьшить своей торговли, долженъ призанять 5/т. рублей.

Если казна, посредствомъ Банка и продажи имѣній, выцетъ теперь изъ обращенія милліоновъ 200, увидимъ страшный недостатокъ въ деньгахъ: винные откупщики разорятся; крестьяне не заплатятъ оброку господину; купцы не купятъ, или не продадутъ товара; найдется недоимка въ казенныхъ сборахъ. Не думайте, чтобы вдругъ оказалась дешевизна,—нѣтъ! первые продавцы нескоро уступятъ Вамъ вещь за половину ея бывшей цѣны, но сдѣлается остановка въ торговлѣ и въ платежахъ. Неудовольствіямъ, жалобамъ не будетъ конца, и многіе скажутся банкрутами прежде, нежели установится новый порядокъ въ оцѣнкѣ вещей, соразмѣрный съ количествомъ денегъ въ Государствѣ. Великіе переломы опасны. Вдругъ уменьшить количество бумажекъ такъ же вредно, какъ и вдругъ умножить оное. Что же дѣлать?—не выпускать ихъ болѣе!.. Сего довольно: цѣны спадутъ безъ сомнѣнія, ибо возвысились несоразмѣрно съ прибавленіемъ ассигнацій, какъ мы сказали; но спадутъ постепенно, безъ кризиса, если Россія не будетъ имѣть какихъ нибудь несчастій.

Вторая мысль Заемнаго Банка, или такъ называ-

емаго Погашенія долговъ, есть унизить серебро обѣщаніемъ уплатить чрезъ нѣсколько лѣтъ рубль симъ металломъ за два бумажные. Если бы внести въ сей Банкъ милліоновъ 200, то Правительство нашлось бы въ крайнемъ затрудненіи по истеченіи срока,—нелегко приготовить 100 милліоновъ серебромъ для расплаты! Къ счастію, взносъ невеликъ, ибо у насъ нѣтъ праздныхъ капиталовъ, но достохвально ли учрежденіе, коему, для Государственнаго блага, нельзя желать успѣха? Авторъ, кажется, полагалъ, что въ теченіе 6 лѣтъ рубль серебряный унизится, напр., до 150 к. ассигнаціями, и что заимодавцы съ радостію возьмутъ всю сумму бумажками... Хорошо, а если того не будетъ? Замѣтимъ, что цѣна серебра возвысилась у насъ гораздо болѣе иныхъ цѣнъ. Куль муки за 4 года предъ симъ стоилъ въ Москвѣ серебромъ $4^1/_2$ р., а теперь стоитъ менѣе $2^1/_2$. Возьмите въ примѣръ и другія Россійскія произведенія: за все платите серебромъ почти вдвое менѣе прежняго,—виною то, что умножился расходъ онаго для содержанія заграничныхъ Армій и для тайной покупки иноземныхъ товаровъ. Хотите ли уронить цѣну серебра? Не вымѣнивайте его для Армій, уймите запрещенную торговлю, которая вся производится на звонкую монету; дайте намъ болѣе размѣнныхъ денегъ,—или вы хотите невозможнаго. Теперь дороговизна благородныхъ металловъ убыточна не для народа, а для казны и богатыхъ

людей, имѣющихъ нужду въ иноземныхъ товарахъ, коихъ цѣна возвышается по цѣнѣ серебра. У насъ ходитъ оно только въ столицахъ, въ городахъ пограничныхъ, въ приморскихъ,—внутри Россіи не видятъ и не спрашиваютъ его, въ противность сказанному въ Манифестѣ, что единственная Россійская Банковая монета есть рубль серебряный. Нѣтъ, серебро у насъ—товаръ, а не деньги!.

Для внѣшней законной торговли также не требуется металловъ. Англичанину нѣтъ нужды, какія ходятъ у насъ деньги,—мѣдныя ли, золотыя, или бумажныя; если онъ за лоскутокъ бумаги получаетъ у насъ вещь, за которую сходно ему дать свою вещь, цѣною въ гинею, то Англинская гинея будетъ равняться въ курсѣ съ Россійскою бумажкою, ибо торговля Государствъ основана въ самомъ дѣлѣ на мѣнѣ вещей. Не существенная, но торговая цѣна монетъ опредѣляетъ курсъ. Напр., нашъ рубль уменьшился бы въ количествѣ своего металла, но, если за него даютъ въ Россіи столько же вещей, какъ и прежде, то сія убавка въ существенной цѣнѣ рубля не имѣетъ вліянія на курсъ, буде нѣтъ иной причины къ упадку онаго. Но если деньги намъ нужнѣе въ чужихъ земляхъ, нежели иностранцамъ—Россійскія, если болѣе впускаемъ, нежели выпускаемъ товаровъ, то курсъ нашъ упадаетъ. Сіи причины изъясняютъ, какимъ образомъ рубль могъ обратиться въ 18 су, или 8 штиверовъ! Кромѣ уменьше-

нія цѣны бумажекъ внутри Государства и несоразмѣрности ввоза съ вывозомъ товаровъ, страхъ, чтобы первыя еще болѣе не унизились, заставилъ многихъ купцовъ иностранныхъ, имѣвшихъ у насъ денежные капиталы, переводить оные въ Англію, или въ другія мѣста.

Правительство наше крайне заботится о лучшемъ курсѣ, но хочетъ невозможнаго. Пока не возстановится свободная морская торговля, дотолѣ не будетъ равновѣсія въ привозѣ и выпускѣ товаровъ, не будетъ иностранцамъ нужды въ Русскихъ деньгахъ для закупки большаго количества нашихъ произведеній. Новымъ Манифестомъ о Тарифѣ мы позволяемъ все вывозить, а многое для ввоза запрещаемъ; но много ли кораблей найдемъ для перваго? Здѣсь видимъ новую неудобность. Позволяютъ, напримѣръ, выпускъ шерсти, т. е. сводятъ иностранныхъ купцовъ съ нашими,—бой весьма неравный: иностранцу выгодно дать за пудъ ея 2 червонца, какъ и прежде: тогда червонецъ стоилъ $3^1/_2$, а теперь онъ стоитъ 12 р.,—слѣдственно, и мы, имѣя въ шерсти необходимую надобность для дѣланія суконъ, будемъ давать за пудъ 25 р.—гораздо болѣе, нежели втрое, въ сравненіи съ прежнею цѣною, и почти вдвое, въ сравненіи съ нынѣшнею! Теперь спрашиваемъ: намѣрено ли Правительство возвысить цѣну солдатскихъ суконъ въ Россіи, что должно быть неминуемымъ слѣдствіемъ

вывоза шерсти? Если бы курсъ упалъ только соразмѣрно съ уменьшеніемъ цѣны бумажекъ въ Россіи, то мы могли бы безъ убытка купечествовать съ Европою и торговаться въ цѣнѣ нашихъ собственныхъ произведеній. Но теперь Французы, Голландцы, Нѣмцы имѣютъ слишкомъ много выгодъ передъ нами и могутъ въ совмѣстномъ торгѣ разорить покупщиковъ Русскихъ. Сошлемся на хитрыхъ Англичанъ: для общей пользы желая у себя дешевизны нѣкоторыхъ вещей, они запрещаютъ ихъ вывозъ. Отпускъ шерсти можетъ ли примѣтно улучшить курсъ? Но весьма примѣтно возвысить цѣну ея въ Россіи. Давно ли Правительство употребляло самыя несправедливыя средства, чтобъ имѣть дешево сукна для войска? На вольныя фабрики налагали оброкъ, давали хозяину самую малую цѣну, подчиняли его закону насилія,—теперь вдругъ казна подчиняетъ себя необходимости платить вдвое за сукна!

Мысль ограничить ввозъ товаровъ, по малому выходу нашихъ, весьма благоразумная. Я не сталъ бы жаловаться на Правительство, если бы оно, вмѣстѣ съ суконами, шелковыми и бумажными тканями, запретило и алмазы, табакъ, голландскія сельди, соленые лимоны и проч. Жалѣю только, что въ Манифестѣ не назначенъ срокъ для продажи запрещенныхъ товаровъ: подъ видомъ старыхъ увидимъ въ лавкахъ и вновь привозимые—разумѣется, тайно. Не будетъ клейма—и фальшивые? А кто изъ покупщиковъ смотритъ на

клеймо? Вообще надобно взять строжайшія мѣры противъ тайной торговли: она уноситъ милліоны. Всѣ говорятъ объ ней, но у знатныхъ таможенныхъ чиновниковъ уши завѣшены золотомъ! Другое зло то, что лавочники, не ограниченные срокомъ для продажи, день ото дня возвышаютъ цѣну запрещенныхъ суконъ и тканей, а мы все покупаемъ, пока есть товаръ. Не надобно давать пищи столь алчному и безсовѣстному корыстолюбію!

Впрочемъ, строгость Начальства и вѣрность таможни сдѣлали бы нѣчто въ пользу нашего курса, но немногое: онъ бываетъ полезенъ единственно для такой земли, которая болѣе продаетъ, нежели покупаетъ, сверхъ того, имѣетъ безопасное существованіе Государственное, не боится ничего извнѣ и внутри, управляется духомъ твердаго порядка, не знаетъ опасныхъ перемѣнъ, не ждетъ ежеминутно Указовъ о новыхъ мѣрахъ Государственнаго хозяйства, не ждетъ новыхъ толкованій на ассигнаціи, новыхъ доказательствъ, что онѣ не суть деньги. Надобно не только отворить наши гавани для всѣхъ кораблей на свѣтѣ,— надобно еще, чтобы иностранцы захотѣли переводить къ намъ капиталы, мѣнять свои гинеи и червонцы на русскія ассигнаціи и не считали бы оныхъ подозрительными векселями.

Оставляя предметъ Государственныхъ доходовъ, ассигнацій и торговли, упомяну о Манифестѣ, кото-

рый, думаю, вышелъ въ 1806 году и въ коемъ опредѣляются права купеческихъ степеней; онъ названъ Коренн̆ымъ Уставомъ, долженствовалъ быть написанъ золотыми буквами на хартіи и положенъ въ хранилище законовъ на память вѣкамъ. Не говорю о слогѣ, не говорю о порядкѣ мыслей, но страннѣе всего, что Законодатель, описавъ и права, и выгоды каждой степени, отлагаетъ до другаго времени предложить обязанности, или условія, на коихъ сіи права даны будутъ купечеству, а только издали стращаетъ ихъ возвышеніемъ купеческихъ податей. На что же обнародовали сей Манифестъ, когда еще не время было сказать, чего потребуется отъ желающихъ имѣть описанныя въ ономъ выгоды? Трудно угадать, а меланхолики говорили: «не трудно,—хотятъ безпокоить всѣ состоянія! Еще не выдумали налога,—спѣшатъ предвѣстить его и, въ утѣшеніе, обѣщаютъ право носить саблю!».. Но теперь у насъ есть Совѣтъ, гдѣ разсматриваются проэкты общихъ Государственныхъ постановленій. Ожидаемъ впредь болѣе зрѣлости въ мысляхъ законодательныхъ.

Скоро увидимъ, какъ основательна сія надежда! Книги общаго Гражданскаго Законодательства готовятся для Россіи.

Уже Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ видѣлъ недостатокъ Уложенія,—вышли новыя статьи въ прибавленіе. Петръ Великій, все обнимая, хотѣлъ полной книги

Законовъ и собственною рукою написалъ о томъ Указъ Сенату, желая, чтобы правила оныхъ были утверждены по основательномъ разсмотрѣніи всѣхъ нашихъ и чужестранныхъ Гражданскихъ Уставовъ. Екатерина Первая нѣсколько разъ побуждала Сенатъ заниматься симъ важнымъ дѣломъ. Петръ II указалъ изъ каждой Губерніи прислать для онаго въ Москву по нѣскольку выборныхъ Дворянъ, знающихъ, благомысленныхъ. Императрица Анна присоединила къ нимъ и выборныхъ изъ купечества, но Графъ Остерманъ въ наставленіи Правительницѣ говоритъ: «уже болѣе 20 лѣтъ трудятся при Сенатѣ надъ сочиненіемъ книги Законовъ, а едва ли будетъ успѣхъ, если не составятъ особенной для того Коммиссіи изъ двухъ особъ Духовныхъ, пяти, или шести, Дворянъ, Гражданъ и нѣкоторыхъ искусныхъ Законовѣдцевъ... Прошло и Царствованіе Елисаветы, миновалъ и блестящій вѣкъ Екатерины II, а мы еще не имѣли Уложенія, несмотря на добрую волю Правительства, на учрежденіе въ 1754 г. особенной Законодательной Коммиссіи, на планъ уложенія, представленный ею Сенату, несмотря на шумное собраніе Депутатовъ въ Москвѣ, на краснорѣчивый Наказъ Екатерины II, испещренный выписками изъ Монтескье и Беккаріи. Чего не доставало?—способныхъ людей!.. Были ли они въ Россіи?—по крайней мѣрѣ, ихъ не находили, можетъ быть, худо искали!

Александръ, ревностный исполнить то, чего всѣ Монархи Россійскіе желали, образовалъ новую Коммиссію: набрали многихъ Секретарей, Редакторовъ, Помощниковъ,—не сыскали только одного и самаго необходимѣйшаго—человѣка, способнаго быть ея душею, изобрѣсти лучшій планъ, лучшія средства и привести оныя въ исполненіе наилучшимъ образомъ. Болѣе года мы ничего не слыхали о трудахъ сей Коммиссіи. Наконецъ, Государь спросилъ у Предсѣдателя и получилъ въ отвѣтъ, что медленность необходима,—что Россія имѣла дотолѣ одни Указы, а не Законы, что велѣно переводить Кодексъ Фридриха Великаго. Сей отвѣтъ не давалъ большой надежды. Успѣхъ вещи зависитъ отъ яснаго, истиннаго объ ней понятія. Какъ? у насъ нѣтъ Законовъ, но только Указы? Развѣ Указы (edicta) не Законы?.. И Россія не Пруссія: къ чему послужитъ намъ переводъ Фридрихова Кодекса? Не худо знать его, но менѣе ли нужно знать и Юстиніановъ, или Датскій, единственно для общихъ соображеній, а не для путеводительства въ нашемъ особенномъ Законодательствѣ! Мы ждали года два. Начальникъ перемѣнился,—выходитъ цѣлый томъ работы предварительной,—смотримъ и протираемъ себѣ глаза, ослѣпленные школьною пылью. Множество ученыхъ словъ и фразъ, почерпнутыхъ въ книгахъ, ни одной мысли, почерпнутой въ созерцаніи особеннаго Гражданскаго характера Россіи... Добрые

соотечественники наши не могли ничего понять, кромѣ того, что голова Авторовъ въ Лунѣ, а не въ землѣ Русской,—и желали, чтобы сіи умозрители, или спустились къ намъ, или не писали для насъ Законовъ. Опять новая декорація: видимъ Законодательство въ другой рукѣ! Обѣщаютъ скорый конецъ плаванію и вѣрную пристань. Уже въ Манифестѣ объявлено, что первая часть Законовъ готова, что немедленно готовы будутъ и слѣдующія. Въ самомъ дѣлѣ, издаются двѣ книжки, подъ именемъ проэкта Уложенія. Чтожъ находимъ?.. Переводъ Наполеонова Кодекса!

Какое изумленіе для Россіянъ! Какая пища для злословія! Благодаря Всевышняго, мы еще не подпали желѣзному скипетру сего завоевателя,—у насъ еще не Вестфалія, не Италіянское Королевство, не Варшавское Герцогство, гдѣ Кодексъ Наполеоновъ, со слезами переведенный, служитъ Уставомъ Гражданскимъ. Для того ли существуетъ Россія, какъ сильное Государство, около тысячи лѣтъ? для того ли около ста лѣтъ трудимся надъ сочиненіемъ своего полнаго Уложенія, чтобы торжественно предъ лицемъ Европы признаться глупцами и подсунуть сѣдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную въ Парижѣ 6-ю, или 7 экс-Адвокатами и эксъ-Якобинцами? Петръ Великій любилъ иностранное, однакожъ не велѣлъ, безъ всякихъ дальнихъ околичностей, взять, напр., Шведскіе законы

и назвать ихъ Русскими, ибо вѣдалъ, что законы народа должны быть извлечены изъ его собственныхъ понятій, нравовъ, обыкновеній, мѣстныхъ обстоятельствъ. Мы имѣли бы уже 9 Уложеній, если бы надлежало только переводить. Правда, благоразумные Авторы сего проэкта иногда чувствуютъ невозможность писать для Россіянъ то, что писано во Французскомъ подлинникѣ, и, дошедши въ переводѣ, до главы о супружествѣ, о разводѣ, обращаются отъ Наполеона къ Кормчей книгѣ; но вездѣ видно, что они шьютъ намъ кафтанъ по чужой мѣркѣ. Къ стати ли начинать, напр., Русское Уложеніе главою о правахъ Гражданскихъ, коихъ, въ истинномъ смыслѣ, не бывало и нѣтъ въ Россіи? У насъ только Политическія, или особенныя права разныхъ Государственныхъ состояній: у насъ Дворяне, купцы, мѣщане, земледѣльцы и проч.,—всѣ они имѣютъ свои особенныя права,—общаго нѣтъ, кромѣ названія Русскихъ. Въ Наполеоновомъ Кодексѣ читаю: Participation aux droits civils ci-après, а далѣе говоритъ Законодатель о правѣ собственности, наслѣдства, завѣщанія,—вотъ, Гражданскія права во Франціи; но въ Россіи господскій и самый казенный земледѣлецъ имѣетъ ли оныя, хотя и называется Русскимъ? Здѣсь мы только переводимъ и въ иныхъ мѣстахъ неясно: напримѣръ, въ подлинномъ сказано о человѣкѣ, лишенномъ правъ Гражданскихъ: «il ne peut procéder en Justice, ni en

défendant, ni en demandant», а въ переводѣ,—что онъ не можетъ быть въ Судѣ ни истцемъ, ни отвѣтчикомъ: слѣдственно, прибьетъ Васъ, ограбитъ—и за то не отвѣтствуетъ?.. Переводчики многое сокращаютъ: они могли бы выпустить и слѣдующія постановленія, ими сохраненныя въ описаніи движимаго и недвижимаго имѣнія: «Les glaces d'un appartement sont censées mises à perpetuelle demeure, lorsque le parquet sur lequel elles sont attachées fait corps avec boiserie... Quant aux statues, elles sont immeubles, lorsqu'elles sont placées dans une niche pratiquée exprês pour les recevoir, encore qu'elles puissent être enlevées sans fracture, ni detérioration»... Могли бы также не говорить объ Alluvion. Отъ начала Россіи еще не бывало у насъ тяжбы о сихъ предметахъ, и никто изъ Русскихъ, читая сей проэктъ, не догадался бы, что онъ читаетъ наше Гражданское Уложеніе, если бы не стояло того въ заглавіи: все нерусское, все не порусски, какъ вещи, такъ и предложеніе оныхъ: кто пойметъ, для чего, при нашемъ учрежденіи опекъ, быть семейственному Совѣту? Но въ семъ отдѣленіи Французскаго кодекса говорится о conseil de Famille... Кто пойметъ сію краткость въ важномъ, гдѣ не надобно жалѣть словъ для ясности, и сію плодовитость въ описаніи случаевъ, совсѣмъ для насъ неизвѣстныхъ. Я слышалъ мнѣніе людей неглупыхъ: они думаютъ, что въ сихъ двухъ изданныхъ книжкахъ предполагается только содержа-

ніе будущаго Кодекса, съ означеніемъ нѣкоторыхъ мыслей. Я не хотѣлъ выводить ихъ изъ заблужденія и доказывать, что это—самый Кодексъ: они не скоро бы мнѣ повѣрили. Такъ сія Наполеоновская форма Законовъ чужда для понятія Русскихъ. Есть даже вещи смѣшныя въ проэктѣ, напр.: «младенецъ, рожденный мертвымъ, не наслѣдуетъ.» Если Законодатель будетъ говорить подобныя истины, то наполнитъ оными сто, тысячу книгъ. Я искалъ сей аксіомы въ Code Napoléon, и, вмѣсто ея, нашелъ: «celui là n'est pas encore constitué enfant, qui n'est pas né viable». Здѣсь переводчики дѣлаются Авторами. Не привязываюсь къ новымъ словамъ, однакожъ скажу, что въ книгѣ Законовъ странно писать о л о ж ѣ р ѣ к и (le lit de la rivière), вмѣсто: ж е л о б о в и н ы, р у с л а. Самая выписка изъ нашихъ Церковныхъ Уставовъ о позволенныхъ бракахъ и разводахъ сдѣлана наскоро,—напр., забыта главная вина развода: неспособность къ тѣлесному совокупленію. Вижу крайній страхъ Авторовъ предлагать отмѣны въ дѣлахъ духовныхъ; но въ уложеніи надлежало бы, по крайней мѣрѣ, сказать, что Епископы въ своихъ Епархіяхъ могутъ, по усмотрѣнію, дозволять браки, сомнительные свойствомъ жениха съ невѣстою,—иначе въ небольшихъ деревняхъ скоро нельзя будетъ никому жениться отъ размноженія свойства. Хвалю Законъ о раздѣлѣ имѣнія между братьями и сестрами, дѣтьми и родителями, уже давно

предполагаемый общимъ мнѣніемъ. Не знаю, можно ли, сверхъ того, похвалить что-нибудь въ семъ проэктѣ.

Оставляя все другое, спросимъ: время ли теперь предлагать Россіянамъ Законы Французскіе, хотя бы оные и могли быть удобно примѣнены къ нашему Гражданственному состоянію? Мы всѣ, всѣ любящіе Россію, Государя, ея славу, благоденствіе, такъ ненавидимъ сей народъ, обагренный кровію Европы, осыпанный прахомъ столь многихъ Державъ разрушенныхъ, и, въ то время, когда имя Наполеона приводитъ сердца въ содраганіе, мы положимъ его Кодексъ на святой алтарь Отечества?

Для стараго народа не надобно новыхъ Законовъ: согласно съ здравымъ смысломъ, требуемъ отъ Коммиссіи систематическаго предложенія нашихъ. Русская Правда и Судебникъ, отживъ вѣкъ свой, существуютъ единственно, какъ предметъ любопытства. Хотя Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича имѣетъ еще силу закона, но сколько и въ немъ обветшалаго, уже для насъ безсмысленнаго, непригоднаго? Остаются указы и постановленія, изданныя отъ временъ Царя Алексѣя до нашихъ: вотъ—содержаніе Кодекса! Должно распорядить матеріалы, отнести уголовное къ уголовному, Гражданское къ Гражданскому, и сіи двѣ главныя части раздѣлить на статьи. Когда же всякій Указъ будетъ подведенъ подъ свою статью, тогда начнется второе дѣйствіе: соединеніе однородныхъ

частей въ цѣлое, или соглашеніе Указовъ, для коего востребуется иное объяснить, иное отмѣнить, или прибавить, буде опыты судилищъ доказываютъ или противорѣчіе, или недостатокъ въ существующихъ законахъ. Третіе дѣйствіе есть общая критика Законовъ: суть ли они лучшіе для насъ по нынѣшнему Гражданскому состоянію Россіи? Здѣсь увидимъ необходимость исправить нѣкоторые, въ особенности, Уголовные, жестокіе, варварскіе: ихъ уже давно не исполняютъ,—для чего же они существуютъ къ стыду нашего Законодательства?

Такимъ образомъ собранные, приведенные въ порядокъ, дополненные, исправленные Законы, предложите въ формѣ книги систематически, съ объясненіемъ причинъ; не только описывайте случаи, но и всѣ другіе возможные рѣшите общими правилами, безъ коихъ нѣтъ полныхъ законовъ и которыя даютъ имъ высочайшую степень совершенства. Сихъ-то правилъ недостаетъ въ Уложеніи Царя Алексѣя и во многихъ Указахъ. Говорятъ: «если будетъ такой случай, рѣшите такъ». А если встрѣтится другой, не описанный Законодателемъ?.. Надобно итти въ докладъ! Не умствуйте высокопарно, но разсуждайте, чтобъ просвѣтить Судью,—лучше, удобнѣе впечатлѣть ему въ память простыя начала, нежели многообразныя слѣдствія оныхъ. Русское право такъ же имѣетъ свои начала, какъ и Римское,—опредѣлите ихъ, и вы дадите

памъ систему Законовъ. Сіе послѣднее дѣйствіе Законодательства назову систематическимъ предложеніемъ. О порядкѣ матеріи спорить много не буду: начнете ли съ Гражданскихъ, или Уголовныхъ законовъ, съ людей, или съ вещей, съ разсужденія или предписаній... Но думаю, что лучше начать съ важнѣйшаго и послѣдовать не Кодексу Наполеонову, не Фридрихову, а Юстиніанову и Царя Алексѣя Михайловича. Оградите святынею Закона неприкосновенность Церкви, Государя, чиновниковъ и личную безопасность всѣхъ Россіянъ; утвердите связи Гражданскія между нами, потомъ займитесь цѣлостію собственности, наслѣдствами, куплею, завѣщаніями, залогами и проч.; наконецъ, дайте уставъ для производства дѣлъ.

Сей трудъ великъ, но онъ такого свойства, что его нельзя поручить многимъ. Одинъ человѣкъ долженъ быть главнымъ, истиннымъ Творцомъ Уложенія Россійскаго; другіе могутъ служить ему только совѣтниками, помощниками, работниками... Здѣсь единство мысли необходимо для совершенства частей и цѣлаго; единство воли необходимо для успѣха. Или мы найдемъ такого человѣка, или долго будемъ ждать Кодекса!

Есть и другой способъ. Мы говорили доселѣ о систематическомъ Законодательствѣ: когда у насъ нѣтъ людей способныхъ для онаго, то умѣрьте свои требованія, и вы сдѣлаете еще немалую пользу Россіи. Вмѣсто прагматическаго Кодекса, издайте полную,

сводную книгу Россiйскихъ Законовъ, или Указовъ, по всѣмъ частямъ суднымъ, согласивъ противорѣчiя и замѣнивъ лишнее нужнымъ, чтобы судьи по одному случаю не ссылались и на Уложенiе Царя Алексѣя Михайловича, и на Морской Уставъ, и на 20 Указовъ, изъ коихъ иные въ самомъ Сенатѣ не безъ труда отыскиваются. Для сей сводной книги не требуется великихъ усилiй разума, ни генiя, ни отличныхъ знанiй ученыхъ. Не будемъ хвалиться сею въ Европѣ, но облегчимъ способы правосудiя въ Россiи, не затруднимъ Судей нашихъ галлицизмомъ и не покажемся жалкими иностранцамъ, что, безъ сомнѣнiя, заслужимъ переводомъ Наполеонова Кодекса.

Прибавимъ одну мысль къ сказанному нами о Россiйскомъ Законодательствѣ. Государство наше состоитъ изъ разныхъ народовъ, имѣющихъ свои особенные Гражданскiе Уставы, какъ Ливонiя, Финляндiя, Польша, самая Малороссiя. Должно ли необходимо ввести единство законовъ?.. Должно, если такая перемѣна не будетъ существеннымъ, долговременнымъ бѣдствiемъ для сихъ областей—въ противномъ случаѣ, не должно. Всего лучше готовить оную издали, средствами предварительными, безъ насилiя и дѣйствуя на мягкiй умъ юношества. Пусть молодые люди, хотящiе тамъ посвятить себя законовѣдѣнiю, испытываются въ знанiи и общихъ законовъ Россiйскихъ, особенно языка нашего; вотъ—самое лучшее приготовленiе къ желаемому

единству въ Гражданскихъ Уставахъ! Впрочемъ, надобно изслѣдовать основательно, для чего, напр., Ливонія, или Финляндія имѣютъ такой-то особенный законъ? Причина, родившая оный, существуетъ ли и согласна ли съ Государственнымъ благомъ? Буде существуетъ и согласна, то можно ли замѣнить ея дѣйствія инымъ способомъ? Отъ новости не потерпятъ ли нравы, не ослабѣютъ ли связи между разными Гражданскими состояніями той земли?.. «Какая нужда», говоритъ Монтескье, «одинмъ ли законамъ слѣдуютъ граждане, если они вѣрно слѣдуютъ онымъ?». Фридрихъ Великій, издавая общее Уложеніе, не хотѣлъ уничтожить всѣхъ частныхъ статутовъ, полезныхъ въ особенности для нѣкоторыхъ провинцій. Опасайтесь внушенія умовъ легкихъ, которые думаютъ, что надобно только велѣть—и все сравняется!

Мы означили главныя дѣйствія нынѣшняго Правительства и неудачу ихъ. Если прибавимъ къ сему частныя ошибки Министровъ въ мѣрахъ Государственнаго блага: постановленіе о соли, о суконныхъ фабрикахъ, о прогонѣ скота, — имѣвшія столь много вредныхъ слѣдствій, — всеобщее безстрашіе, основанное на мнѣніи о кротости Государя, равнодушіе мѣстныхъ начальниковъ ко всякимъ злоупотребленіямъ, грабежъ въ судахъ, наглое взяткобрательство Капитанъ-Исправниковъ, Предсѣдателей Палатскихъ, Вице-Губернаторовъ, а всего болѣе самихъ Губернаторовъ,—

наконецъ, безпокойные виды будущаго, внѣшнія опасности,—то удивительно ли, что общее мнѣніе столь не благопріятствуетъ Правительству? Не будемъ скрывать зла, не будемъ обманывать себя и Государя, не будемъ твердить, что люди, обыкновенно, любятъ жаловаться и всегда недовольны настоящимъ,—сіи жалобы разительны ихъ согласіемъ и дѣйствіемъ на расположеніе умовъ въ цѣломъ Государствѣ.

Я совсѣмъ не меланхоликъ, и не думаю, подобно тѣмъ, которые, видя слабость Правительства, ждутъ скораго разрушенія,—нѣтъ! Государства живущи и въ особенности Россія, движимая самодержавною властію! Если не придутъ къ намъ бѣды извнѣ, то еще смѣло можемъ и долгое время заблуждаться въ нашей внутренней Государственной системѣ! Вижу еще обширное поле для всякихъ новыхъ твореній самолюбиваго, неопытнаго ума, но не печальна ли сія возможность? Надобно ли изнурять силы для того, что ихъ еще довольно въ запасѣ? Самымъ худымъ Медикамъ нелегко уморить человѣка крѣпкаго сложенія, только всякое лекарство, данное некстати, дѣлаетъ вредъ существенный и сокращаетъ жизнь.

Мы говорили о вредѣ, говорить ли о средствахъ цѣлебныхъ? и какія можемъ предложить? — самыя простѣйшія!

Минувшаго не возвратить. Было время (о чемъ мы сказали въ началѣ), когда Александръ могъ бы

легко возобновить систему Екатеринина Царствованія, еще живаго въ памяти и въ сердцахъ, по ней образованныхъ: бурное Царствованіе Павлово изгладилось бы, какъ сновидѣніе въ мысляхъ. Теперь поздно,— люди и вещи, большею частію, перемѣнились; сдѣлано столько новаго, что и старое показалось бы намъ теперь опасною новостію: мы уже отъ него отвыкли, и, для славы Государя, вредно съ торжественностію признаваться въ десятилѣтнихъ заблужденіяхъ, произведенныхъ самолюбіемъ его весьма неглубокомысленныхъ Совѣтниковъ, которые хотѣли своею творческою мудростію затмить жену Екатерину и превзойти мужа Петра. Дѣло сдѣлано: надобно искать средствъ, пригоднѣйшихъ къ настоящему.

Главная ошибка Законодателей сего Царствованія состоитъ въ излишнемъ уваженіи формъ Государственной дѣятельности: отъ того—изобрѣтеніе разныхъ Министерствъ, учрежденіе Совѣта и проч. Дѣла не лучше производятся,—только въ мѣстахъ и чиновниками другаго названія. Послѣдуемъ иному правилу и скажемъ, что не формы, а люди важны. Пусть Министерства и Совѣтъ существуютъ: они будутъ полезны, если въ Министерствѣ и въ Совѣтѣ увидимъ только мужей, знаменитыхъ разумомъ и честію. Итакъ, первое наше доброе желаніе есть, да способствуетъ Богъ Александру въ счастливомъ избраніи людей! Такое избраніе, а не учрежденіе Сената съ Коллегіями озна-

меновало величіемъ Царствованіе Петра во внутреннихъ дѣлахъ Имперіи. Сей Монархъ имѣлъ страсть къ способнымъ людямъ, искалъ ихъ въ кельяхъ Монастырскихъ и въ темныхъ каютахъ: тамъ нашелъ Ѳеофана и Остермана, славныхъ въ нашей Государственной Исторіи. Обстоятельства иныя и скромныя, тихія свойства души отличаютъ Александра отъ Петра, который вездѣ былъ самъ, со всѣми говорилъ, всѣхъ слушалъ и бралъ на себя по одному слову, по одному взору рѣшить достоинство человѣка; но да будетъ то же правило: искать людей! Кто имѣетъ довѣренность Государя, да замѣчаетъ ихъ вдали для самыхъ первыхъ мѣстъ. Не только въ республикахъ, но и въ Монархіяхъ кандидаты должны быть назначены единственно по способностямъ. Всемогущая рука Единовластителя одного ведетъ, другаго мчитъ на высоту; медленная постепенность есть законъ для множества, а не для всѣхъ. Кто имѣетъ умъ Министра, не долженъ посѣдѣть въ Столоначальникахъ, или Секретаряхъ. Чины унижаются не скорымъ ихъ пріобрѣтеніемъ, но глупостію, или безчестіемъ сановниковъ; возбуждается зависть, но скоро умолкаетъ предъ лицемъ достойнаго. Вы не образуете полезнаго Министерства сочиненіемъ Наказа,—тогда образуете, когда приготовите хорошихъ Министровъ. Совѣтъ разсматриваетъ ихъ предложеніе, но увѣрены ли Вы въ мудрости его членовъ? Общая мудрость рождается только

отъ частной. Однимъ словомъ, теперь всего нужнѣе люди!

Но люди не только для Министерства, или Сената, но и въ особенности для мѣстъ Губернаторскихъ. Россія состоитъ не изъ Петербурга и не изъ Москвы, а изъ 50, или болѣе, частей, называемыхъ Губерніями; если тамъ пойдутъ дѣла, какъ должно, то Министры и Совѣтъ могутъ отдыхать на лаврахъ; а дѣла пойдутъ, какъ должно, если вы найдете въ Россіи 50 мужей умныхъ, добросовѣстныхъ, которые ревностно станутъ блюсти ввѣренное каждому изъ нихъ благо полумилліона Россіянъ, обуздаютъ хищное корыстолюбіе нижнихъ чиновниковъ и господъ жестокихъ, возстановятъ правосудіе, успокоятъ земледѣльцевъ, ободрятъ купечество и промышленность, сохранятъ пользу казны и народа. Если Губернаторы не умѣютъ, или не хотятъ дѣлать того,—виною худое избраніе лицъ; если не имѣютъ способа,—виною худое образованіе Губернскихъ властей. 1) Каковы нынѣ, большею частію, Губернаторы? Люди безъ способностей и даютъ всякою неправдою наживаться Секретарямъ своимъ,—или безъ совѣсти и сами наживаются. Не выѣзжая изъ Москвы, мы знаемъ, что такой-то Губерніи Начальникъ—глупецъ—и весьма давно! въ такой-то—грабитель—и весьма давно!.. Слухомъ земля полнится, а Министры не знаютъ того, или знать не хотятъ! Къ чему же служатъ ваши новыя Министерскія образованія? Къ чему писать за-

коны, развѣ для потомства? Не бумаги, а люди правятъ. 2) Прежде Начальникъ Губерніи зналъ надъ собою одинъ Сенатъ; теперь, кромѣ Сената, долженъ относиться къ разнымъ Министрамъ! Сколько хлопотъ и письма!.. А всего хуже то, что многія части въ составѣ Губерній не принадлежатъ къ его вѣдомству: школы, удѣльныя имѣнія, казенные лѣса, дороги, воды, почта—сколько пестроты и многочисленности!.. Выходитъ, что Губернія имѣетъ не Начальника, а Начальниковъ, изъ коихъ одинъ въ Петербургѣ, другіе въ Москвѣ... Система Правленія весьма не согласная съ нашею старинною, истинно-Монархическою, которая соединяла власти въ Намѣстникѣ для единства и силы въ ихъ дѣйствіяхъ. Всякая Губернія есть Россія въ маломъ видѣ; мы хотимъ, чтобы Государство управлялось единою, а каждая изъ частей онаго—разными властями; страшимся злоупотребленій въ общей власти, но частная развѣ не имѣетъ ихъ? Какъ въ большомъ домѣ не можетъ быть исправности безъ домоправителя, дающаго во всемъ отчетъ господину, такъ не будетъ совершеннаго порядка и въ Губерніяхъ, пока столь многіе чиновники дѣйствуютъ независимо отъ Губернаторовъ, отвѣтствующихъ Государю за спокойствіе Государства и, гораздо болѣе, всѣхъ живущихъ въ Петербургѣ Министровъ, Членовъ Совѣта, Сенаторовъ. Одна сія мысль не убѣждаетъ ли въ необходимости возвысить санъ Губерна-

торскій всеобщимъ уваженіемъ? Да будетъ Губернаторъ, что были Намѣстники при Екатеринѣ! дайте имъ достоинство Сенаторовъ, согласите оное со отношеніями ихъ къ Министрамъ, которые въ самомъ дѣлѣ долженствуютъ быть единственно Секретарями Государя по разнымъ частямъ, и тогда умѣйте только избирать людей!

Вотъ главное правило. Второе, не менѣе существенное, есть: умѣйте обходиться съ людьми! Мало ангеловъ на свѣтѣ, но такъ много и злодѣевъ, гораздо болѣе смѣси, т. е. добрыхъ и худыхъ вмѣстѣ. Мудрое Правленіе находитъ способъ усиливать въ чиновникахъ побужденіе добра, или обуздываетъ стремленіе ко злу. Для перваго есть награды, отличія,—для второго—боязнь наказаній. Кто знаетъ человѣческое сердце, составъ и движеніе Гражданскихъ обществъ, тотъ не усумнится въ истинѣ сказаннаго Макіавелемъ, что страхъ гораздо дѣйствительнѣе, гораздо обыкновеннѣе всѣхъ иныхъ побужденій для смертныхъ. Если вы, путешествуя, увидите землю, гдѣ все тихо и стройно, народъ доволенъ, слабый не утѣсненъ, невинный безопасенъ,—то скажете смѣло, что въ ней преступленія не остаются безъ наказанія. Сколько агнцевъ обратилось бы въ тигровъ, если бы не было страха! Любить добро для его собственныхъ прелестей есть дѣйствіе высшей нравственности,—явленія, рѣдкаго въ мірѣ: иначе не посвящали бы алтарей добродѣтели.

Обыкновенные же люди соблюдаютъ правила честности, не столько въ надеждѣ пріобрѣсти тѣмъ особенныя нѣкоторыя выгоды, сколько опасаясь вреда, сопряженнаго съ явнымъ нарушеніемъ сихъ правилъ. Одно изъ важнѣйшихъ Государственныхъ золъ нашего времени есть безстрашіе. Вездѣ грабятъ, и кто наказанъ? Ждутъ доносовъ, улики, посылаютъ Сенаторовъ для изслѣдованія, и ничего не выходитъ! Доносятъ плуты,—честные терпятъ и молчатъ, ибо любятъ покой. Не такъ легко уличить искуснаго вора-судью, особенно съ нашимъ закономъ, по коему взяткобратель и взяткодатель равно наказываются. Указываютъ пальцемъ на грабителей—и даютъ имъ чины, ленты, въ ожиданіи, чтобы кто на нихъ подалъ жалобу. А сіи недостойные чиновники, въ надеждѣ на своихъ, подобныхъ имъ, защитниковъ въ Петербургѣ, беззаконствуютъ, смѣло презирая стыдъ и доброе имя, коего они условно лишились. Въ два, или три, года наживаютъ по нѣскольку сотъ тысячъ и, не имѣвъ прежде ничего, покупаютъ деревни! Иногда видимъ, что Государь, вопреки своей кротости, бываетъ расположенъ и къ строгимъ мѣрамъ: онъ выгналъ изъ службы двухъ, или трехъ, Сенаторовъ и нѣсколько другихъ чиновниковъ, оглашенныхъ мздоимцами; но сіи малочисленные примѣры отвѣтствуютъ ли безчисленности нынѣшнихъ мздоимцевъ? Негодяй такъ разсуждаетъ: «братъ мой N. N. наказанъ отставкою;

но собратья мои, такіе-то, процвѣтаютъ въ благоденствіи: одинъ многимъ не указъ, а если меня и выгонятъ изъ службы, то съ богатымъ запасомъ на черный день,—еще найду немало утѣшеній въ жизни!». Строгость, безъ сомнѣнія, непріятна для сердца чувствительнаго, но гдѣ она необходима для порядка, тамъ кротость не у мѣста. Какъ живописцы изображаютъ Монарха?—воиномъ и съ мечемъ въ рукѣ,—не пастушкомъ и не съ цвѣтами!.. Въ Россіи не будетъ правосудія, если Государь, поручивъ оное судилищамъ, не будетъ смотрѣть за Судьями. У насъ не Англія; мы столько вѣковъ видѣли Судію въ Монархѣ и добрую волю Его признавали вышнимъ Уставомъ. Сирены могутъ пѣть въ кругъ трона: «Александръ, воцари законъ въ Россіи... и пр.»... Я возьмусь быть толкователемъ сего хора: «Александръ! дай намъ, именемъ закона, господствовать надъ Россіею, а самъ покойся на тронѣ, изливай единственно милости, давай намъ чины, ленты, деньги!».. Въ Россіи Государь есть живой Законъ: добрыхъ милуетъ, злыхъ казнитъ, и любовь первыхъ пріобрѣтается страхомъ послѣднихъ. Не боятся Государя—не боятся и закона! Въ Монархѣ Россійскомъ соединяются всѣ власти: наше Правленіе есть отеческое, патріархальное. Отецъ семейства судитъ и наказываетъ безъ протокола,—такъ и Монархъ въ иныхъ случаяхъ долженъ необходимо дѣйствовать по единой совѣсти. Чего Александръ не свѣдаетъ, если

захочетъ вѣдать? и да накажетъ преступника! да накажетъ и тѣхъ, которые возводятъ его на степень знаменитую! Да отвѣтствуетъ Министръ, по крайней мѣрѣ, за избраніе главныхъ чиновниковъ! Спасительный страхъ долженъ имѣть вѣтви; гдѣ десять за одного боятся, тамъ десять смотрятъ за однимъ.. Начинайте всегда съ головы: если худы Капитанъ-Исправники,—виновны Губернаторы,—виновны Министры!.. Не сему правилу слѣдовали тѣ, которые дали Государю совѣтъ обезчестить снятіемъ мундира всѣхъ Коммиссаріатскихъ и Провіантскихъ Чиновниковъ, кромѣ Начальниковъ. Равные не могутъ отвѣтствовать другъ за друга; если они всѣ причиною бѣдствій Арміи, то мало лишить ихъ мундира; если еще не доказаны виноватые, то надобно подождать, а казнь виновнаго вмѣстѣ съ правымъ отнимаетъ стыдъ у казни. Малѣйшее наказаніе, но безполезное, ближе къ тиранству, нежели самое жестокое, коего основаніемъ есть справедливость, а цѣлію—общее добро. Ненавидятъ тирана, но мягкосердіе тогда есть добродѣтель въ Вѣнценосцѣ, когда онъ умѣетъ превозмогать оное долгомъ благоразумной строгости. Единственно въ своихъ личныхъ, тайныхъ оскорбленіяхъ Государь можетъ прощать достохвально, а не въ общественныхъ; когда же вредно часто прощать, то еще вреднѣе терпѣть,—въ первомъ случаѣ винятъ слабость, во второмъ—безпечность, или непроницаніе.

Мы упомянули о личныхъ оскорбленіяхъ для Монарха. Они рѣдко бываютъ безъ связи со вредомъ Государственнымъ. Такъ, напр., не должно позволять, чтобъ кто нибудь въ Россіи смѣлъ торжественно представлять лице недовольнаго, или не уважать Монарха, коего Священная особа есть образъ Отечества. Дайте волю людямъ,—они засыплютъ Васъ пылью! Скажите имъ слово на ухо—они лежатъ у ногъ Вашихъ!

Говоривъ о необходимости страха для удержанія насъ отъ зла, скажемъ нѣчто о наградахъ: онѣ благодѣтельны своею умѣренностію,—въ противномъ же случаѣ, дѣлаются или безполезны, или вредны. Я вижу всѣхъ Генераловъ, осыпанныхъ звѣздами, и спрашиваю: «сколько побѣдъ мы одержали? сколько Царствъ завоевали?.. Нынѣ даютъ голубую ленту, — завтра лишаютъ Начальства!.. Сей, нѣкогда лестный, крестъ Св. Георгія виситъ на знаменитомъ ли витязѣ? Нѣтъ, на малодушномъ и презрѣнномъ въ цѣлой Арміи! Кого же украситъ теперь Св. Георгій?.. Если въ Царствованіе Павла чины и ленты упали въ достоинствѣ, то въ Александрово, по крайней мѣрѣ, не возвысились, чего слѣдствіемъ было и есть—требовать иныхъ наградъ отъ Государя, денежныхъ, ко вреду казны и народа, ко вреду самыхъ Государственныхъ добродѣтелей. О бережливости говорили мы въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь напомнимъ двѣ аксіомы: 1) за деньги не дѣлается ничего великаго; 2) изобиліе располагаетъ человѣка къ

праздной нѣгѣ, противной всему великому. Россія никогда не славилась богатствомъ,—у насъ служили по должности, изъ чести, изъ куска хлѣба, не болѣе! Нынѣ не только воинскіе, но и Гражданскіе чиновники хотятъ жить большимъ домомъ на счетъ Государства. И какая пестрота? Люди въ одномъ чинѣ имѣютъ столь различныя жалованья, что одному нечего ѣсть, а другой можетъ давать лакомые обѣды; ибо первый служитъ по старымъ, а второй по новымъ штатамъ,—первый въ Сенатѣ, въ Губерніи, а второй—у Министра въ Канцеляріи, или гдѣ нибудь въ новомъ мѣстѣ. Не думаютъ о бѣдныхъ офицерахъ, удовлетворяя корыстолюбіе Генераловъ арендами и пенсіями. Ставятъ въ примѣръ Французовъ,—для чего же не Русскихъ времени Петрова, или Екатерннина?.. Но и Французскіе Генералы всего болѣе недовольны Наполеономъ за то, что онъ, давъ имъ богатство, отнимаетъ у нихъ досугъ и способъ наслаждаться онымъ. Честь, честь должна быть главною наградою! Римляне съ дубовыми вѣнками завоевали міръ. Люди въ главныхъ свойствахъ не измѣнились: соедините съ какимъ нибудь знакомъ понятіе о превосходной добродѣтели, т. е. награждайте имъ людей единственно превосходныхъ,—и вы увидите, что всѣ будутъ желать онаго, несмотря на его ничтожную денежную цѣну!.. Слава Богу, мы еще имѣемъ честолюбіе, еще слезы катятся изъ глазъ нашихъ при мысли о бѣдствіяхъ Россіи;

въ самомъ множествѣ недовольныхъ, въ самыхъ нескромныхъ жалобахъ на Правительство вы слышите нерѣдко голосъ благодарной любви къ Отечеству. Есть люди, умѣйте только обуздывать ихъ въ злѣ и поощрять къ добру благоразумною системою наказаній и наградъ! Но, повторимъ, первое еще важнѣе.

Сіе искусство избирать людей и обходиться съ ними есть первое для Государя Россійскаго; безъ сего искусства тщетно будете искать народнаго блага въ новыхъ Органическихъ Уставахъ!.. Не спрашивайте: какъ писаны Законы въ Государствѣ? сколько Министровъ? есть ли Верховный Совѣтъ? Но спрашивайте: каковы Судьи? каковы Властители?.. Фразы—для газетъ, только правила—для Государства.

Въ дополненіе сказаннаго нами, прибавимъ нѣкоторыя особенныя замѣчанія.

Самодержавіе есть Палладіумъ Россіи; цѣлость его необходима для ея счастія; изъ сего не слѣдуетъ, чтобы Государь, единственный источникъ власти, имѣлъ причины унижать Дворянство, столь же древнее, какъ и Россія. Оно было всегда не что иное, какъ братство знаменитыхъ слугъ Великокняжескихъ, или Царскихъ. Худо, ежели слуги овладѣютъ слабымъ господиномъ, но благоразумный господинъ уважаетъ отборныхъ слугъ своихъ и красится ихъ честію. Права благородныхъ суть не отдѣлъ Монаршей власти, но ея главное, необходимое орудіе, двигающее составъ Госу-

дарственный. Монтескье сказалъ: «point de Monarque—point de noblesse; point de noblesse—point de Monarque!» Дворянство есть наслѣдственное; порядокъ требуетъ, чтобы нѣкоторые люди воспитывались для отправленія нѣкоторыхъ должностей, и чтобы Монархъ зналъ, гдѣ ему искать дѣятельныхъ слугъ отечественной пользы. Народъ работаетъ, купцы торгуютъ, Дворяне служатъ, награждаемые отличіями и выгодами, уваженіемъ и достаткомъ. Личные подвижные чины не могутъ замѣнить Дворянства родоваго, постояннаго, и, хотя необходимы для означенія степеней Государственной службы, однакожъ въ благополучной Монархіи не должны ослаблять коренныхъ правъ его, не должны имѣть выгодъ онаго. Надлежало бы не Дворянству быть по чинамъ, но чинамъ по Дворянству, т. е. для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ чиновъ надлежало бы необходимо требовать благородства, чего у насъ со временъ Петра Великаго не соблюдается: офицеръ уже есть Дворянинъ. Не должно для превосходныхъ дарованій, возможныхъ во всякомъ состояніи, заграждать пути въ высшимъ степенямъ,—но пусть Государь даетъ Дворянство прежде чина и съ нѣкоторыми торжественными обрядами, вообще рѣдко и съ выборомъ строгимъ. Польза ощутительна: 1) Если часто будете выводить простолюдиновъ въ Министры, въ вельможи, въ Генералы, то съ знатностію приведется давать имъ и богатство, необходимое для

ея сіянія,—казна истощается.. Напротивъ того, Дворяне, имѣя наслѣдственный достатокъ, могутъ и въ высшихъ чинахъ обойтись безъ казенныхъ денежныхъ пособій. 2) Оскорбляете Дворянство, представляя ему людей низкаго происхожденія на ступеняхъ трона, гдѣ мы издревле обыкли видѣть Бояръ сановитыхъ. Ни слова, буде сіи люди ознаменованы способностями рѣдкими, выспренними; но буде они весьма обыкновенны, то лучше, если бы сіи высшія мѣста занимались Дворянами. 3) Природа даетъ умъ и сердце, но воспитаніе образуетъ ихъ. Дворянинъ, облагодѣтельствованный судьбою, навыкаетъ отъ самой колыбели уважать себя, любить Отечество и Государя за выгоды своего рожденія, плѣняться знатностію,—удѣломъ его предковъ, и наградою личныхъ будущихъ заслугъ его. Сей образъ мыслей и чувствованій даетъ ему то благородство духа, которое, сверхъ иныхъ намѣреній, было цѣлію при учрежденіи наслѣдственнаго Дворянства,—преимущество важное, рѣдко замѣняемое естественными дарами простолюдина, который, въ самой знатности, боится презрѣнія, обыкновенно не любитъ Дворянъ и мыслитъ личною надменностію изгладить изъ памяти людей свое низкое происхожденіе. Добродѣтель рѣдка. Ищите въ свѣтѣ болѣе обыкновенныхъ, нежели превосходныхъ душъ. Мнѣніе не мое, но всѣхъ глубокомысленныхъ политиковъ есть, что твердо-основанныя права бла-

городства въ Монархіи служатъ ей опорою. Итакъ, желаю, чтобы Александръ имѣлъ правиломъ возвышать санъ Дворянства, коего блескъ можно назвать отливомъ Царскаго сіянія,—возвышать не только Государственными хартіями, но и сими, такъ сказать, невинными, легкими знаками вниманія, столь дѣйствительными въ Самодержавіи. Напр., для чего Императору не являться иногда въ торжественныхъ Собраніяхъ Дворянства въ видѣ его Главы, и не въ мундирѣ офицера Гвардейскаго, а въ Дворянскомъ?.. Сіе произвело бы гораздо болѣе дѣйствія, нежели письмо краснорѣчивое и словесныя увѣренія въ Монаршемъ вниманіи къ Обществу благородныхъ; но ничѣмъ Александръ не возвысилъ бы онаго столь ощутительно, какъ закономъ принимать всякаго Дворянина въ воинскую службу Офицеромъ, требуя единственно, чтобы онъ зналъ начала Математики и Русскій языкъ съ правильностію... Давайте жалованье только комплектнымъ,—всѣ благородные, согласно съ пользою Монархіи, основанной на завоеваніяхъ, возьмутъ тогда шпагу въ руки вмѣсто пера, коимъ нынѣ, безъ сомнѣнія, ко вреду Государственному и богатые, и небогатые Дворяне вооружаютъ дѣтей своихъ въ Канцеляріяхъ, въ Архивахъ, въ Судахъ, имѣя отвращеніе отъ солдатскихъ казармъ, гдѣ сіи юноши, дѣля съ рядовыми воинами и низкіе труды, и низкія забавы, могли бы потерпѣть и въ здоровьи, и въ нравствен-

ности. Въ самомъ дѣлѣ, чего нужнаго для службы нельзя узнать Офицеромъ? Учиться же для Дворянина гораздо пріятнѣе въ семъ чинѣ, нежели въ Унтеръ-Офицерскомъ. Арміи наши обогатились бы молодыми, хорошо-воспитанными Дворянами, тоскующими нынѣ въ повытьяхъ. Гвардія осталась бы исключеніемъ,— единственно въ ней начинали бы мы служить съ Унтеръ-Офицеровъ. Но и въ Гвардіи надлежало бы отличать сержанта благороднаго отъ сына солдатскаго. Можно и должно смягчать суровость воинской службы тамъ, гдѣ суровость не есть способъ побѣды. Строгость въ бездѣлицахъ уменьшаетъ охоту къ дѣлу. Занимайте, но не утомляйте воиновъ игрушками, или вахтъ-парадами. Дѣйствуйте на душу еще болѣе, нежели на тѣло. Герои вахтъ-парада оказываются трусами на полѣ битвы; сколько знаемъ примѣровъ! Офицеры Екатеринина вѣка ходили иногда во фракахъ, но ходили смѣло и на приступы. Французы не педантствуютъ— и побѣждаютъ. Мы видѣли Прусскихъ Героевъ!

Какъ Дворянство, такъ и Духовенство бываетъ полезно Государству по мѣрѣ общаго къ нимъ народнаго уваженія. Не предлагаю возстановить Патріаршество, но желаю, чтобъ Синодъ имѣлъ болѣе важности въ составѣ его и въ дѣйствіяхъ; чтобы въ немъ засѣдали, напр., одни Архіепископы; чтобъ онъ, въ случаѣ новыхъ коренныхъ Государственныхъ постановленій, сходился вмѣстѣ съ Сенатомъ для вы-

слушанія, для принятія оныхъ въ свое хранилище Законовъ и для обнародованія, разумѣется, безъ всякаго противорѣчія. Нынѣ стараются о размноженіи Духовныхъ училищъ, но будетъ еще похвальнѣе законъ, чтобы 18-лѣтнихъ учениковъ не ставить въ священники и никого безъ строгаго испытанія,—законъ, чтобы Iереи болѣе пеклись о нравственности прихожанъ, употребляя на то данныя имъ отъ Синода благоразумныя, дѣйствительныя средства, о коихъ мыслилъ и Государь Петръ Великій. По характеру сихъ важныхъ Духовныхъ сановниковъ, можете всегда судить о нравственномъ состояніи народа. Не довольно дать Россіи хорошихъ губернаторовъ,—надобно дать и хорошихъ Священниковъ; безъ прочаго обойдемся и не будемъ никому завидовать въ Европѣ.

Дворянство и Духовенство, Сенатъ и Синодъ, какъ хранилище законовъ, надъ всѣми—Государь, единственный законодатель, единовластный источникъ властей. Вотъ основаніе Россійской Монархіи, которое можетъ быть утверждено, или ослаблено правилами Царствующихъ.

Державы, подобно людямъ, имѣютъ опредѣленный вѣкъ свой: такъ мыслитъ Философія, такъ вѣщаетъ Исторія. Благоразумная система въ жизни продолжаетъ вѣкъ человѣка,—благоразумная система Государственная продолжаетъ вѣкъ Государствъ; кто исчислитъ грядущія лѣта Россіи? Слышу пророковъ близкоко-

печнаго бѣдствія, но, благодаря Всевышняго, сердце мое имъ не вѣритъ,—вижу опасность, но еще не вижу погибели!

Еще Россія имѣетъ 40/м. жителей, и Самодержавіе имѣетъ Государя, ревностнаго къ общему благу. Если, онъ, какъ человѣкъ, ошибается, то, безъ сомнѣнія, съ добрымъ намѣреніемъ, которое служитъ намъ вѣроятностію будущаго исправленія ошибокъ.

Если Александръ вообще будетъ осторожнѣе въ новыхъ Государственныхъ твореніяхъ, стараясь всего болѣе утвердить существующія и думая болѣе о людяхъ, нежели о формахъ, ежели благоразумною строгостію обратитъ Вельможъ, чиновниковъ къ ревностному исполненію должностей; если заключитъ миръ съ Турціею и спасетъ Россію отъ третьей, весьма опасной, войны съ Наполеономъ, хотя бы и съ утратою многихъ выгодъ, такъ называемой, чести, которая есть только роскошь сильныхъ Государствъ и не равняется съ первымъ ихъ благомъ, или съ цѣлостію бытія; если онъ, не умножая денегъ бумажныхъ, мудрою бережливостію уменьшитъ расходы казны и найдетъ способъ прибавить жалованья бѣднымъ чиновникамъ воинскимъ и гражданскимъ; если таможенные Уставы, вѣрно наблюдаемые, приведутъ въ соразмѣрность ввозъ и вывозъ товаровъ; если — что въ семъ предположеніи будетъ необходимо—дороговизна, мало по малу, уменьшится, то Россія благословитъ Александра,

колебанія утихнутъ, неудовольствія исчезнутъ, родятся нужныя для Государства привычки, ходъ вещей сдѣлается правильнымъ, постояннымъ; новое и старое сольются въ одно, рѣже и рѣже будутъ вспоминать прошедшее, злословіе не умолкнетъ, но лишится жала!.. Судьба Европы теперь не отъ насъ зависитъ. Перемѣнитъ ли Франція свою ужасную систему, или Богъ перемѣнитъ Францію, — неизвѣстно, но бури не вѣчны! Когда же увидимъ ясное небо надъ Европою и Александра, сидящаго на тронѣ цѣлой Россіи, тогда восхвалимъ Александрово счастіе, коего онъ достоинъ своею рѣдкою добротою!

Любя Отечество, любя Монарха, я говорилъ искренно. Возвращаюсь къ безмолвію вѣрноподданнаго съ сердцемъ чистымъ, моля Всевышняго, да блюдетъ Царя и Царство Россійское!

Цѣна 1 р. 25 к.

300 р

